This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 127 648

Digitized by Google

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Т. Щепкина-Куперникъ.

Shchepkina-Kupernik, T. L.

ОКОЛО КУЛИСЪ.

Изданіе Д. П. Ефимова.
Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

Digitized by Google

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., С. Д.
1903.

LOAN STACK

Digitized by Google

PG 3470
S46 O5

ОТРАВА.

I.

У подъѣзда гостиницы, идущаго полукругомъ, стояла щегольская викторія, очень глубокая—по модѣ. Кучеръ сдерживалъ лошадей, нетерпѣливо бьющихъ копытомъ объ асфальтъ мостовой. Дверь отворилась, выскочилъ швейцаръ и вытянулся въ струнку возлѣ экипажа, съ готовностью подсадить. Второй швейцаръ держалъ дверь, распахнувъ ее передъ Жанной.

Жанна пропустила Засѣкина мимо себя и остановилась на подъѣздѣ, застегивая перчатки.

Стоя такъ, гибкая и стройная, въ своемъ длинномъ свѣтло-сѣромъ пальто и огром-

679

Digitized by Google

ной черной шляпѣ съ перьями, она была очень красива и сознавала это. Ей стоило посмотрѣть на лицо откровенно любующагося ею Засѣкина,—на нѣсколькихъ мужчинъ, завтракающихъ тутъ же у гостиницы за отдѣленными трельяжемъ столиками,—чтобы убѣдиться въ своемъ обаяніи,—и на ея губахъ играла спокойная, почти счастливая улыбка.

Она и была счастлива въ эту минуту.

Ярко-голубое небо, весь этотъ клочокъ Москвы, болѣе напоминающій Европу, чѣмъ другія улицы; великолѣпные засѣкинскіе рысаки; самъ онъ въ цилиндрѣ, съ гвоздикой въ петличкѣ,—все вмѣстѣ взятое настраивало ее весело, казалось нарядным и радостнымъ. Она обвела вокругъ себя довольнымъ взглядомъ, а встрѣтившись глазами съ Засѣкинымъ, прямо улыбнулась ему и сказала:

— Ну, ѣдемъ!

Онъ не далъ швейцару подсадить ее

Digitized by Google

въ коляску, а самъ помогъ ей, почти поднялъ ее на рукахъ до подножки и незамѣтно сжалъ ея талію. Въ этомъ мимолетномъ жестѣ онъ лишній разъ выказалъ наполнявшее его влеченіе къ ней, а ей и въ голову не пришло обидѣться. Она откинулась на кожаную подушку, прикрѣпленную съ правой стороны къ спинкѣ викторіи, и приказала:

— На Дѣвичье Поле.

— Слышалъ, Степанъ?

Засѣкинъ сѣлъ рядомъ, и лошади сразу взяли крупной рысью. Покойный экипажъ, благодаря шинамъ, мягко и неслышно катился по неровной мостовой.

— Отдохнули вы?—заботливо спросилъ Засѣкинъ, вглядываясь въ свѣжее, нѣжно-розовое лицо Жанны.—Впрочемъ, нечего и спрашивать: у васъ такой видъ!

— Я еще въ дорогѣ чудно отдохнула. Для меня разстояніе отъ Петербурга до Москвы незамѣтно. Спальный вагонъ,

Digitized by Google

отдѣльное купэ... Я совсѣмъ раздѣваюсь и сплю, какъ убитая. Я даже люблю эти поѣздки, по крайней мѣрѣ, рано ложишься спать и рано встаешь.

— Да, вы говорили мнѣ, что только въ вагонѣ начинаете вести «правильный образъ жизни!»

Оба засмѣялись.

Она дѣйствительно только-что пріѣхала съ курьерскимъ поѣздомъ. Засѣкинъ встрѣтилъ ее на вокзалѣ, отвезъ въ гостиницу и по ея повелѣнію возвратился за ней къ 12 часамъ. Она успѣла взять душъ и переодѣться; они рѣшили поѣхать на Дѣвичье Поле, а ужъ оттуда завтракать.

Завтракъ въ перспективѣ былъ пріятный. Засѣкинъ любилъ и умѣлъ поѣсть и высоко ставилъ въ женщинѣ легкую «gourmandise».

— Ненавижу женщинъ, которыя не понимаютъ, что ѣдятъ!—говорилъ онъ.— Дайте ей вареный картофель, дупе-

Digitized by Google

ля, прэ-сале или маринованную калошу, она не разберетъ. Воля ваша, въ этомъ видно отсутствіе извѣстной утонченности! У настоящей женщины всѣ пять чувствъ должны быть развиты и аффектированы!

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, Жанна вполнѣ удовлетворяла его вкусу.

Этотъ завтракъ долженъ былъ вознаградить ихъ за ту немножко непріятную поѣздку, которую предприняла Жанна: пріѣхавъ на мѣсяцъ въ Москву, она рѣшила навѣстить бѣднаго Макса въ лѣчебницѣ.

Конечно, это не обѣщало ничего веселаго,—такой визитъ, особенно при ея нервности,—но она чувствовала своимъ долгомъ повидать бѣднягу.

— Удивляюсь я вашему желанію... ѣхать къ этому несчастному Максу...— сказалъ ей Засѣкинъ, когда они выѣхали на Садовую и мчались между двумя ли-

Digitized by Google

ніями садовъ, запыленныхъ палисадниковъ и домовъ большей частью стариннаго типа.—Только разстроите себя.

— Что же дѣлать!—принимая не безъ легкаго усилія грустный видъ, отвѣтила Жанна.—Это будетъ доброе дѣло. Нельзя же думать только о себѣ. Онъ былъ моимъ другомъ.

— Подозрительная дружба!—съ проснувшимся ощущеніемъ ревности къ прошлому, пробормоталъ Засѣкинъ.

— Почему это?—холоднѣе спросила Жанна.

— Знаете, какъ-то плохо вѣрится въ *дружбу*... между красивымъ молодымъ человѣкомъ, какимъ былъ Максъ, и такой женщиной, какъ вы.

— И, однако, это такъ было.

Жанна взглянула на него съ едва уловимымъ презрительнымъ оттѣнкомъ и продолжала:

— Вы, мужчины, удивительный народъ. Повѣрить въ существованіе какихъ бы

Digitized by Google

ни было чистыхъ чувствъ и отношенiй для васъ совершенно невозможно. Вы еще можете сдѣлать видъ, что повѣрили, если это вамъ выгодно, но не больше. Тѣмъ не менѣе Максъ былъ только моимъ другомъ.

Она помолчала.

— Скажу вамъ больше... если бы мы встрѣтились при иныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть... почти навѣрно, это и было бы иначе. Но когда мы съ нимъ познакомились, онъ весь былъ полонъ любовью къ другой, такъ что у насъ сразу установились только прiятельскiя отношенiя. Она его бросила, онъ хотѣлъ застрѣлиться. Я стала его утѣшать, какъ брата, и никогда ничего другого въ немъ не видѣла. Но онъ очень любилъ меня, это правда, —правда и то, что, вѣроятно, будь я стара и безобразна, онъ бы не чувствовалъ ко мнѣ такой... какой-то нѣжности, не баловалъ бы меня, какъ онъ это дѣлалъ. Онъ всегда старался исполнить малѣйшее мое желанiе, а отъ меня

Digitized by Google

не требовалъ *ничего*. Такое отношеніе къ себѣ я видѣла настолько рѣдко, что не могла не цѣнить его. А теперь, когда онъ погибъ, я должна хоть навѣстить его... Это будетъ однимъ изъ немногихъ добрыхъ дѣлъ, которыя мнѣ зачтутся!—заключила она.

— Убѣжденъ... и побѣжденъ!—отвѣтилъ Засѣкинъ.—Преклоняюсь передъ милосердіемъ доброй самарянки. Теперь я, по крайней мѣрѣ, спокоенъ за себя.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Въ томъ, что если я кончу, какъ бѣдный Максъ, то вы и меня не забудете, не правда ли?

— Ни за что, обѣщаю вамъ!—серьезно отвѣтила Жанна, и опять оба засмѣялись. Всякая мысль о несчастіи, казалось, отъ нея такъ далека въ этотъ яркій и веселый день. Такъ же мало, вѣроятно, думаютъ о несчастіи пассажиры поѣзда за минуту до крушенія.

Digitized by Google

Жанна Меранжи была дочерью маленькой французской актрисы и извѣстнаго русскаго тенора Заблоцкаго.

Мать ея, Розу Меранжи, привезла въ Петербургъ кузина, знаменитая въ то время актриса Михайловскаго театра, Инесъ Легранъ.

Красавица Инеса, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, составила себѣ хорошую пожизненную ренту, пріобрѣла виллу въ Ниццѣ и бриллiанты, извѣстные отъ Невы до Сены. То же самое проектировала она и для своей юной кузины, дочери честныхъ парижанъ «rentiers», которые вовсе были не прочь, чтобы ихъ хорошенькая Роза заработала себѣ приданое. Но къ странному негодованію Инесы, ея легкомысленная кузина, вмѣсто того, чтобы оправдать ожиданія родственниковъ, влюбилась безъ памяти въ молодого опернаго пѣвца «un cabot», да, къ тому же, еще и женатаго. Она отвергла ухаживанія блестящаго

Digitized by Google

гвардейца барона Линде, «trois fois millionnaire», и ушла къ своему тенору, заявивъ кузинѣ, что «будетъ ему принадлежать, пока бьется ея сердце».

Инеса пришла въ бѣшенство, но въ концѣ-концовъ видя, что дѣла не поправишь, какъ женщина умная, махнула на все рукой и только совершенно перемѣнила свое отношеніе къ Розѣ. Роза изъ «mon petit chou adore» превратилась въ «cette malheureuse insencée», а когда черезъ годъ послѣ этого ея теноръ поссорился съ дирекціей и уѣхалъ въ провинцію, заставивъ Розу бросить службу и ѣхать за нимъ, то Инеса сказала:

— Je lui avais toujours predit que cela va mal finir!—и окончательно выкинула изъ сердца неблагодарную кузину.

Такимъ образомъ прекратилась артистическая карьера Розы, потому что въ провинціи, по которой она ѣздила съ Заблоцкимъ, никакихъ труппъ французскихъ не было, по-русски же хотя она

Digitized by Google

и быстро,—какъ каждая женщина на языкѣ любимаго человѣка,—научилась говорить, но говорила съ сильнымъ акцентомъ, такъ что играть бы не могла. Да ей было и не до игры. Она вся ушла въ безумное, болѣзненное чувство къ Заблоцкому.

Красавецъ-теноръ пользовался страшнымъ успѣхомъ, и когда они жили въ крупныхъ городахъ — Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Казани, гдѣ бы онъ ни пѣлъ, его преслѣдовали раздушенныя записки, посыльные, вѣнки и т. д., и т. д., а бѣдная Роза сходила съ ума отъ ревности.

Первымъ яснымъ воспоминаніемъ Жанны былъ «роскошный» номеръ провинціальной гостиницы, съ ярко-синей триковой мебелью, зеркалами до потолка и пыльными цвѣтами. По стѣнамъ развѣшены высохшіе лавровые вѣнки, лиры и т. п., а на этажеркѣ стоятъ футляры отъ подношеній, чаще всего пустые, потому что подношенія обыкновенно заклады-

Digitized by Google

вались: хоть денегъ было много, но расходовались онѣ безъ толку, и къ концу мѣсяца семья сидѣла безъ гроша.

Въ этой комнатѣ мать Жанны, красивая, хотя и очень худенькая, съ растрепанными волосами, съ красными пятнами на щекахъ, въ растерзанномъ капотѣ, мечется изъ угла въ уголъ, какъ львица въ клѣткѣ. Отецъ красивый, чисто выбритый, съ улыбкой на румяныхъ губахъ, стоитъ передъ зеркаломъ и кончаетъ одѣваться.

— Чѣмъ безъ основанія изводиться, завяжи-ка мнѣ лучше галстукъ, Розиночка!—миролюбиво говоритъ онъ.

Мать вспыхиваетъ.

— Чтобы я своими руками стала завязывать тебѣ галстукъ, когда ты идешь на свиданіе?

— Ты съ ума сошла.

— Да, если еще не сошла, то это чудо, но ты скоро сведешь меня. Развѣ я не знаю, куда ты идешь, и зачѣмъ

Digitized by Google

приходилъ посыльный, и отъ кого записка? Но ты напрасно думаешь, что я тебя пущу. Ты не пойдешь къ этой швали!—сильно грассируя, вскрикиваетъ она.

— Роза, брось!—приказываетъ отецъ.

— Не брошу! Я не позволю ей разрушать мое счастіе. Я не позволю насмѣхаться надо мной какой-нибудь распутной бабенкѣ!

— Да ты кто такая сама?—Отецъ поворачивается къ ней. Глаза у него свѣтлые-свѣтлые и холодные, какъ вода, когда онъ взбѣшенъ.—Какое ты имѣешь право пускать меня или не пускать, позволь тебя спросить? Что,ты жена мнѣ, что ли?

Мать широко раскрываетъ глаза и хватается за сердце. Пятна на ея щекахъ становятся ярче.

— Ты должна быть еще довольна, что я тебя держу и кормлю, милая моя, и что люди считаютъ тебя моей женой. И такъ ты веревка на моей шеѣ!

Digitized by Google

— Ah! Misérable! lâche! lâche!—вскрикиваетъ мать, отыскавъ голосъ и переходя на французскій языкъ, какъ всегда въ минуты возбужденія. Je te suis de trop? Mais tue-moi! Tue moi alors, tu n'as que cela à faire. Oh, maudit soit le jour quand je t'ai vu pour la première fois!

Ея голосъ дрожитъ истерическими нотами, она близка къ рыданіямъ: южный темпераментъ ея, легко воспламеняющійся, теперь внѣ себя. Она распахиваетъ капотъ и, подставляя худенькую грудь подъ воображаемый кинжалъ, кричитъ:

— Mais tue-moi donc, misérable! tue-moi donc!..

— Убивать я тебя не стану,—кричитъ въ свою очередь отецъ, со сжатыми кулаками и совершенно багровый отъ гнѣва,—а прибить прибью, если ты не бросишь свои штуки. Молчи, сумасшедшая баба! Слышишь, дай мнѣ дышать, не то...

Онъ хватаетъ ее за руку, стискиваетъ

Digitized by Google

до боли и швыряетъ на полъ, а самъ выбѣгаетъ изъ номера, хлопнувъ дверьми; онъ весь дрожитъ и бормочетъ:

— Изволь тутъ беречь голосъ!

— Jean!—съ отчаяніемъ и ужасомъ вскрикиваетъ мать и, не поднимаясь съ пола, съ безумными глазами начинаетъ тихо шептать; ея слова звучатъ, какъ жалоба ребенка:

— Il m'a frappée! Lui, mon Jean! Il m'a frappée, oh!..

Тогда Жанна выползаетъ изъ своего угла за печкой, гдѣ она сидѣла притаившись, какъ мышка, широко раскрывъ свои огромные, такіе же синіе, какъ у матери, глаза. Ея сердчишко переполнено жалостью и страхомъ. Она тихонечко подбирается къ матери и, протягивая къ ней ручки, шепчетъ:

— Maman! ma petite maman!

Мать вздрагиваетъ. Видъ испуганнаго ребенка ярко воскрешаетъ передъ ней

Digitized by Google

сцену ея униженія. Она рѣзко вскрикиваетъ:

— Va t'en, enfant de malheur!

И разражается рыданіями.

Тогда Жанна, чувствуя себя несчастной и взволнованной, быстро проскальзываетъ въ дверь, въ коридоръ. Она боится разсердить мать, потому что ей въ такомъ случаѣ достанется не одинъ пинокъ или шлепокъ, а мама послѣ того, какъ поссорится съ папой и поплачетъ, бываетъ очень сердитой. Потому Жанна рѣшаетъ, что безопаснѣе ей побродить въ коридорѣ.

Съ первыхъ дней своего сознанія, она ничего кромѣ номеровъ и коридоровъ не видѣла, и привыкла къ нимъ. Она думаетъ, что всѣ дома такіе, и что всѣ маленькія дѣвочки спятъ за темными перегородками, гдѣ наставлены корзины и сундуки, и гуляютъ по длиннымъ коридорамъ, гдѣ разостланы сѣрыя дорожки съ красными каймами. Естественнымъ

Digitized by Google

Классныя дамы и учительницы, часто видя маленькую Меранжи на рысакахъ рядомъ съ хорошенькой m-me Флерэ съ ея накрашенными волосами, съ сожалѣніемъ покачивали головами и, поджимая губы, пріучались заранѣе видѣть будущее прелестной дѣвочки въ извѣстномъ свѣтѣ.

Пріятельницы при Жаннѣ не стѣснялись, и часто, сидя за столомъ и уча свои уроки, она вслушивалась и въ ихъ откровенные разговоры. Имена рѣкъ и заливовъ, Бискайскаго, Гасконскаго... переплетались въ ея головѣ съ вольными анекдотами и воспоминаніями о веселыхъ дняхъ въ Парижѣ.

Изъ всѣхъ этихъ бесѣдъ,—особенно за чаемъ съ ликерами на французскій манеръ,—Жанна выносила много аксіомъ и уроковъ. Уроки эти были иного свойства, чѣмъ гимназическіе, но произносились такимъ авторитетнымъ тономъ и съ такой непреложностью, что невольно возбуждали къ себѣ довѣріе.

Digitized by Google

Напримѣръ:

«Для женщины красота—это все. Только красотой и шикомъ и можно привязать къ себѣ это неблагодарное животное—мужчину».

Или:

«Та, которая не сумѣетъ воспользоваться своей прелестью и пропуститъ удобный случай добыть себѣ капиталъ—une cruche, une idiote achevée».

Или:

«Добродѣтельны только или женщины очень глупыя, или очень некрасивыя!»

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

— En voilà une qui n'aura pas froid aux yeux!—кивала m-me Флерэ на свою маленькую пріятельницу, склонившуюся надъ географической картой.

— Да! если захочетъ, не одинъ изъ-за нее застрѣлится!—съ жирнымъ смѣхомъ подтверждала румяная массажистка, опрокидывая стаканчикъ ликера шутя.

— Ah, oui, ma fille! Cache de ne pas être

Digitized by Google

si bête que ta mère!—вздохнула Роза.—Si je voulais pourtant...

Тутъ начинали воспоминаться проекты Инэсъ Легранъ, баронъ «trois fois millionnaire» и т. д.

Такъ дни шли, когда вдругъ Роза узнала, что Заблоцкій овдовѣлъ и немедленно женился на молоденькой барышнѣ изъ общества...

Онъ самъ сообщилъ это Розѣ въ необыкновенно ласковомъ письмѣ, просилъ принять это спокойно, признавался, что онъ не могъ не жениться, но что никогда онъ не забудетъ ихъ и попрежнему будетъ о нихъ заботиться.

Когда Роза узнала, что онъ для нея безвозвратно потерянъ, она отравилась.

Жанна, которой уже было 13 лѣтъ, не растерялась, услышавъ отъ матери.

— Adieu, ma fille! Je me suis empoisonnée!

Она немедленно разбудила массажистку, разослала прислугу за докторами, те-

Digitized by Google

лефонировала m-me Флерэ, и тѣмъ спасла мать.

Послѣ этого онѣ какъ-то совершенно перемѣнились ролями. Жанна въ одну ночь выросла и стала взрослой дѣвушкой. Роза—совсѣмъ превратилась въ ребенка, безпомощная, слабая, не интересующаяся тѣмъ, что съ ней дѣлалось.

Какъ-то вечеромъ, когда она уже начала оправляться, она лежала и тихо разговаривала съ Флерэ. M-me Флерэ ухаживала за ней во время ея болѣзни такъ усердно, что даже волосы забывала подкрашивать.

На этотъ разъ ихъ бесѣда не носила никакой примѣси гривуазности.

Роза говорила какимъ-то не своимъ голосомъ, тихимъ, усталымъ.

Жанна, за перегородкой, у стола, на которомъ шумѣлъ остывающій самоваръ, учила урокъ исторіи. И сжавъ виски обѣими руками, старалась запомнить хронологію германскихъ королей, а сама не-

Digitized by Google

вольно вслушивалась въ тихій разговоръ.

— Знаешь,—говорила ея мать.—Мнѣ больно не столько то, что онъ бросилъ меня, сколько то, что онъ даже мысли не допустилъ, что это было *мое* право—стать его женой. Его настоящая жена скончалась... Вѣдь я никогда ей дурного не дѣлала... Когда я его узнала, онъ съ ней уже разошелся... Я не настаивала ни на разводѣ, ни на чемъ!... Я просто повѣрила ему—и отдала ему и себя, и свою жизнь. А я была честной дѣвушкой, Маргарита! И я ему родила ребенка... такого прекраснаго ребенка!...

Жанна вздрогнула. Это слово въ устахъ ея матери такъ и пронизало ее. Такъ мать ее любила?..

— И что же? — продолжала Роза.— Когда онъ освободился, то вмѣсто того, чтобы вознаградить меня за эти 14 лѣтъ, чтобы дать имя и честную будущность нашей дочери, онъ поспѣшилъ обвѣн-

Digitized by Google

чаться съ той! Онъ пишетъ: «она была невинной дѣвушкой, я иначе не могъ поступить». Но вѣдь и я была молода и невинна, только онъ успѣлъ позабыть это!..

И она заплакала тихими слезами, не похожими на ея обычные истерическіе вопли, и Флерэ заплакала съ ней.

— Потому что эта «дѣвушка изъ общества»! Изъ общества!—воскликнула Роза.—О, и потому «cette malheureuse enfant est née pour être decrassée!»

Жанна отодвинулась отъ лампы и застыла надъ своимъ учебникомъ. Въ ея душѣ смутно, неясно, но все сильнѣе закипала вражда къ тому *обществу*, изъ котораго она ясно сознавала себя почему-то исключенной, отверженной; къ тому *обществу*, изъ-за котораго бросилъ ихъ отецъ; къ тому *обществу*, изъ-за котораго плакала ея мать.

И къ этому бросившему отцу росло въ ней враждебное чувство. Вспоминала она о немъ часто, тѣмъ болѣе, что онъ

Digitized by Google

сталъ это дѣлать рѣдко. Онъ все неаккуратнѣе высылалъ имъ деньги; имъ случалось терпѣть нужду.

Жанна узнала дорогу въ ломбардъ. Часто она ходила туда, и стояла въ шеренгѣ бѣдняковъ съ утомленными лицами, съ жалкими узелочками приходившихъ закладывать послѣдніе пожитки. И все лучше и лучше видѣла жизнь, какъ она есть. Ей приходилось самой отправляться къ хозяйкѣ гостиницы просить подождать уплаты.

Хозяйка,—толстая купеческая вдова, пообтершаяся за границей, и ея управляющій, красивый господинъ съ бородкой á-la Фигнеръ и необыкновенными галстуками,—очень любили ея визиты.

Они заставляли тринадцатилѣтнюю Жанну при гостяхъ пѣть куплеты и танцовать, угощали ее любимой наливкой хозяйки, а управляющій въ темномъ коридорѣ не разъ нагонялъ дѣвочку, звеня брелоками, и обнималъ, и цѣловалъ ее.

Digitized by Google

А она терпѣла все это, и дѣлала веселую улыбку, потому что знала, что все это нужно терпѣть, иначе ихъ будутъ притѣснять. И только ночью она не спала и заглушала рыданія, кусая подушку; но если мать тревожно окликала ее:

— Jeanne tu ne dors pas? Qu'est ce que tu as?

Она отвѣчала только:

— Ce n'est rien maman, j'ai un peu de migraine,—щадя мать, становившуюся все слабѣе.

Еще годъ прошелъ. Провинціальная гимназія продолжала относиться къ дѣвочкѣ попрежнему, попрежнему m-me Флерэ и массажистка составляли все ея общество, когда ея матери стало совсѣмъ плохо.

Въ одно утро Жаннѣ показалось, что ей лучше. Она была оживленнѣе и даже попросила:

— Oh, je voudrais tant un bouquet de

Digitized by Google

violettes! когда Жанна разсказала ей, что на улицахъ уже продаютъ фіалки.

Жанна спустилась на площадь, купила и принесла матери букетикъ душистыхъ темно-лиловыхъ фіалокъ. Та занялась ими; распутала связывавшія ихъ нитки и, поставивъ на столикъ рядомъ съ кроватью, любовалась ими.

Пріѣхала m-me Флерэ и привезла ей конфетъ, juste pralines, которыхъ ей страшно хотѣлось, по-дѣтски, она раньше все просила ихъ.

Она обрадовалась и лежала совсѣмъ довольная, улыбающаяся. Велѣла дать себѣ чашку чая. Выпила глотокъ—и больше не могла, сразу устала, примолкла. Потомъ вдругъ приподнялась, широко раскрыла глаза, съ какимъ-то удивленіемъ сказала:

— Oh! Jeannette! Que je suis bien?

Откинулась на подушки—и умерла.

Жанна и m-me Флерэ поняли это только черезъ нѣсколько минутъ. Флерэ

Digitized by Google

бросилась съ рыданіями на колѣни передъ постелью, а Жанна стиснула зубы, сжала руки—и окаменѣла.

Въ гробу Роза лежала тоненькая, прелестная, съ улыбкой счастливаго ребенка... и больше похожа была на 15-лѣтнюю дѣвочку, чѣмъ Жанна, вся потемнѣвшая, суровая и безмолвная.

Телеграфировали Заблоцкому на его послѣдній адресъ. Въ этотъ же день къ вечеру получили телеграмму, раскрыли и прочли:

«№ 1355 адресата въ городѣ не оказалось».

Похороны устроила m-me Флерэ, она же и взяла къ себѣ дѣвочку; рыдая и совсѣмъ не заботясь, что слезы портили румяна, она цѣловала Жанну и повторяла:

— Va, tu n'es pas seule, ne pleure pas, mon petit chou!

Подъ ея покровительствомъ Жанна и осталась.

Digitized by Google

Отецъ прислалъ ей очень ласковое письмо и сто рублей, и время-отъ-времени продолжалъ присылать деньги, но впослѣдствіи прекратилъ это совсѣмъ.

M-me Флерэ слышала, что онъ почти потерялъ голосъ и что ему самому туго приходится, а у него двое маленькихъ дѣтей.

Тогда Жанна по собственному рѣшенію отправилась къ городскому головѣ, пріятелю банкира m-me Флерэ, и выхлопотала у него сама, чтобы онъ устроилъ ей освобожденіе отъ взноса и маленькую стипендію.

Она пробыла у него больше двухъ часовъ, вышла пылающая, съ горящими мрачнымъ озлобленіемъ глазами, но стипендію онъ ей назначилъ.

Она блестяще окончила гимназію и нетерпѣвшая ее начальница вынуждена была, скрѣпя сердце, выдать ей золотую медаль.

Digitized by Google

По окончаніи курса она рѣшила пойти въ актрисы.

— Таланта у меня нѣтъ,—сказала она m-me Флерэ,—но у меня есть умъ, энергія и наружность—и, думаю, что я чего-нибудь добьюсь.

— Mais oui, ma bien-aimée!—поддержала ее Флерэ.

Жанна надумала обратиться къ теткѣ своей, знаменитой Инесъ Легранъ. Та уже бросила сцену, вышла замужъ за какого-то барона и жила въ Парижѣ.

Она написала ей, что никогда не станетъ ей надоѣдать своимъ родствомъ и не претендуетъ на «emploi» бѣдной родственницы, но проситъ отъ тетки только одной услуги: даже не говоря, что она ея племянница,—устроить ее безплатно въ петербургскую театральную школу.

Тетка, какъ и предполагала Жанна, сохранила связь съ театромъ; она откликнулась на ея письмо и устроила Жаннѣ безплатный пріемъ, но предупредила,

Digitized by Google

чтобы въ дальнѣйшемъ она на ея помощь не разсчитывала.

У Жанны, отъ продажи кое-какихъ бездѣлушекъ, подарковъ m-me Флерэ и т. д., накопилось рублей 500, и съ ними она, нѣжно простившись съ Маргаритой, уѣхала въ Петербургъ.

Въ училище ее приняли, но жить ей было не на что. Тогда она разузнала адресъ одного мецената, милліонера и коллекціонера Фирсова, о которомъ ей говорила m-me Флерэ, и спокойно пошла къ нему.

Въ траурѣ, цвѣтущая нѣжной красотой 17 лѣтъ, она тронула его гуманное сердце, и онъ назначилъ ей стипендію, съ тѣмъ, чтобы она ежемѣсячно являлась къ нему за полученіемъ.

Милліонеръ очень не нравился ей и она сумѣла повести себя съ нимъ такъ, что старикъ видѣлъ въ ней дѣвочку, и только. Онъ угощалъ ее завтраками, иногда катался съ ней и, заѣзжая къ

Digitized by Google

Кнопу, дарилъ ей какія-нибудь бездѣлушки или духи. Ее видѣли въ коляскѣ милліонера, съ нимъ въ ложѣ. Ей не для кого было жалѣть своей репутаціи, да она и не знала хорошенько, что это такое... и репутація устанавливалась.

Жанна кончила школу. Таланта у нея не обнаружилось, но его дѣйствительно довольно успѣшно замѣняла красота, изящество, умъ и осмысленность читки. Ее хотѣли принять, какъ прочихъ, на выходныя роли въ императорскій театръ, на 50 руб. жалованья въ мѣсяцъ; но она разсчитала, что лучше, чѣмъ «выносить подносы» и застыть на этомъ,—поиграть сначала на частныхъ сценахъ или въ провинціи, а тамъ посмотрѣть.

Унаслѣдованное отъ матери французское изящество сослужило ей большую службу.

Она выдѣлялась изъ толпы, и ее нельзя было не замѣтить. Волосы ея всегда лежали такъ, какъ будто были убраны

Digitized by Google

лучшимъ куаферомъ, и она не боялась немного эксцентричныхъ причесокъ. Она поднимала шлейфъ по-парижски; ея походка, ея гибкая по-змѣиному фигура,— все было красиво и оригинально. Она культивировала свою красоту и холила себя. Еще стараго Фирсова она забавляла тѣмъ, что съ тонкимъ знаніемъ дѣла и выборомъ требовала отъ него разныхъ pâte, ongoline, essence capillaire и т. п. Но такъ же тщательно культивировала она и свой умъ: читала всѣхъ новѣйшихъ писателей, даже философовъ, запаслась Ларуссомъ и выписывала въ записную книжку наиболѣе поражавшія ее цитаты—отъ Ницше до Аннунціо.

Но какъ тѣло холила она съ точки зрѣнія кокетства, а не гигіэны, такъ и душу. Она дѣлала это не изъ потребности развитія, самообразованія, а ясно понявъ, что именно въ ея кругѣ и положеніи умъ и образованіе будутъ выдѣляться такъ ярко, какъ ни въ какомъ другомъ,

Digitized by Google

сознательно готовила изъ себя женщину сильную не только красотою, но и «интеллектомъ».

Съ этими картами она вошла въ жизнь, преждевременно все знающая, все презирающая, судящая о человѣчествѣ по тѣмъ людямъ, что встрѣчались до сихъ поръ на ея пути,—прелестная и совершенно одинокая въ свои 20 лѣтъ.

Въ большихъ городахъ есть совершенно особые кружки лицъ, самыхъ разнообразныхъ, которыхъ связываетъ между собою одно общее: призракъ литературно-артистической профессіи.

Эти люди гдѣ-то пишутъ, гдѣ-то играютъ, гдѣ-то поютъ, и т. д. Но если пишутъ, то не въ лучшихъ журналахъ, и ужъ, конечно, не серьезныя статьи. Романисты среди нихъ занимаютъ «подвальные этажи» какихъ-нибудь листковъ мелкой прессы и описываютъ страданія въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, которыхъ отъ роду не видывали. Поэты пишутъ въ

Digitized by Google

отдѣлѣ смѣси иллюстрированныхъ листковъ юмористическіе стихи, сочиняютъ цыганскіе романсы и куплеты для открытыхъ сценъ; драматурги переводятъ оперетки или выкраиваютъ обозрѣнія для лѣтнихъ театровъ.

Артисты служатъ въ фарсахъ, играютъ на клубныхъ сценахъ; пѣвцы поютъ въ опереткахъ; художники рисуютъ въ юмористическихъ изданіяхъ, и т. п.

Много здѣсь похороненныхъ надеждъ, сгинувшихъ мечтаній; попадаются и неудачники съ настоящимъ талантомъ, но рѣдко: чаще всего—большое самомнѣніе, дерзость и беззастѣнчивость.

Общество у этихъ людей самое смѣшанное.

Здѣсь въ большинствѣ случаевъ семьи съ какимъ-нибудь изъяномъ, жены, живущія съ чужими мужьями, мужья—съ чужими женами; дѣти въ одной семьѣ «твои», «мои» и «наши». Барышни—съ таинственнымъ прошлымъ... Самыя невѣ-

Digitized by Google

роятныя семейныя отношенія; средства, берущіяся невѣдомо откуда; но вмѣстѣ съ тѣмъ этого нельзя назвать полусвѣтомъ. Всѣхъ ихъ именно спасаетъ профессія, заставляющая соблюдать извѣстный декорумъ.

У всей этой богемы—въ отличіе отъ богемы истинныхъ талантовъ и «аристократіи умовъ»—страстное желаніе не отличаться отъ остальныхъ людей, быть «принятыми», имѣть такую же столовую и гостиную, какъ «у всѣхъ»—но вмѣстѣ съ тѣмъ натура тянетъ ихъ къ безпорядочному веселью.

Въ этомъ обществѣ бываютъ самые неожиданные и разнородные элементы. То—пріѣхавшая изъ провинціи чья-нибудь сестрёнка, чистая и невинная дѣвочка, рядомъ съ отцвѣтающей опереточной этуалью; то отставной пѣвецъ, ставшій профессоромъ bel canto—и рядомъ свѣтская дама, съ любопытствомъ совершающая эсканаду въ неизвѣстный ей мі-

Digitized by Google

рокъ, выше котораго она себя считаетъ настолько, что даже не боится скомпрометировать себя, какъ не боялась бы въ Парижѣ пойти въ Moulin-Rouge, изъ любопытности. Вотъ прогорѣвшій антрепренеръ, предки котораго числятся въ Чатскомъ Альманахѣ, а вотъ комическая старуха, получившая наслѣдство и вышедшая за массажиста. Тутъ молодой офицеръ, покинувшій полкъ изъ-за женитьбы на солисткѣ русскаго хора, и окончившая консерваторію барышня, служащая въ опереточномъ оркестрѣ, и т. д. и т. д.

И этотъ призракъ профессіи объединяетъ ихъ всѣхъ подъ своей защитой, и дѣлаетъ изъ нихъ что-то одно.

Такъ иногда въ дождь соберутся подъ воротами самые разнообразные люди укрыться отъ ливня: тутъ и модистка съ картономъ, и барыня въ шляпѣ, и дрожащій нищій въ лохмотьяхъ, и толстый купецъ... и всѣ они въ это время представляютъ изъ себя что-то общее...

Digitized by Google

Къ такому обществу примкнула Жанна, и сразу оказалась вполнѣ подходящей къ нему.

Одѣвалась она элегантно, какъ большинство женщинъ этого круга. Жила всегда въ хорошей гостиницѣ. Если оставалась долго въ одномъ городѣ, то держала лошадей и съ удовольствіемъ разрѣшала ими пользоваться знакомымъ дамамъ. У нея всегда было можно найти радушный пріемъ, хорошій ужинъ и полную свободу; кто хотѣлъ—могъ играть въ карты, кто—пѣть цыганскіе романсы, кто—развалиться въ качалкѣ и читать газеты.

Хозяйка не только не стѣсняла никого, но даже иногда сама уѣзжала на цѣлый вечеръ и, вернувшись, заставала у себя сервированный ужинъ и массу народу.

У нея бывали охотно: она, кромѣ поклонниковъ—любила и умѣла создавать себѣ «друзей», привлекая ихъ своимъ остроуміемъ и равнодушнымъ снисхо-

Digitized by Google

жденіемъ къ ихъ слабостямъ, которое казалось добротою.

Обыкновенно при ней жила какая-нибудь пріятельница—начинающая актриса, консерваторка, что-нибудь въ этомъ родѣ, которой она покровительствовала и услугами которой за то пользовалась: занять гостей, когда она уѣзжала, разлить чай, съѣздить въ магазинъ, гдѣ-нибудь и какъ-нибудь ее замѣнить. Обыкновенно подруга занимала смежный номеръ, и тамъ Жанна скрывалась; если не хотѣла кого-нибудь принимать, вмѣсто нея выходила та и спроваживала нежеланнаго гостя и т. д.

Поклонниковъ у Жанны было много. Но она не стерпѣла бы офиціальнаго повелителя, а къ тому же жила одна— и въ дальнѣйшее никто не вступался Съ улыбкой, втихомолку, указывали то на одного, то на другого; но въ сущности у всѣхъ было такъ много подобныхъ провинностей, что допытываться и пре-

Digitized by Google

слѣдовать за это—никому и въ голову бы не пришло. Пусть живетъ, какъ знаетъ! Она красива, изящна, образована, въ глаза своимъ поведеніемъ не бросается—и отлично. Тѣмъ болѣе, что она рѣдко была безъ дѣла, она играла на разныхъ клубныхъ сценахъ, и играла очень мило,—а ея туалеты и внѣшность заставляли обращать на нее вниманіе, и многіе ея рѣдко изящную индивидуальность принимали за талантъ.

Сцены она не любила, хоть и говорила всѣмъ, что живетъ только для искусства. Она, впрочемъ, ничего и никого не любила.

Иногда въ ней просыпалась мучительная, безмолвная, почти безсознательная тоска по чемъ-то чистомъ и прекрасномъ, что должно же существовать на свѣтѣ... но чего—она не знала. Обыкновенно это случалось подъ вліяніемъ природы. Природа на нее дѣйствовала, и она была способна просидѣть нѣсколько часовъ

Digitized by Google

на одномъ мѣстѣ, вглядываясь въ небо, въ море, словно ища въ нихъ отвѣта на свой нѣмой вопросъ. И безпричинныя слезы приходили потомъ, не облегчавшія, медленныя слезы. Но это было очень рѣдко. Чаще всего она интересовалась «вещами», жизнью, какъ она ей представлялась. Она старалась добыть себѣ изъ этой жизни какое-нибудь удовольствіе; какъ истинная эпикурейка наслаждалась хорошимъ ужиномъ, прогулкой въ коляскѣ по островамъ, легкою музыкой румынскаго оркестра и т. д.

Только проведя полный оживленія, шума и блеска день и очутившись на разсвѣтѣ у себя въ спальной, взявши душъ изъ воды, разбавленной lait d'iris, и улегшись въ широкую кровать, бѣлую и свѣжую — она вдругъ чувствовала, что это-то и есть самый лучшій моментъ дня, и что изъ-за него стоило жить.

Наконецъ, она была одна и могла не

Digitized by Google

двигаться! И странно въ такія минуты было выраженіе ея лица. Трудно было бы узнать въ немъ прелестное личико, какихъ-нибудь два часа назадъ оживленное, со сверкающими въ улыбкѣ зубами и яркими глазами. Она вся словно потухала, словно снимала маску—поблѣднѣвшая, утомленная, съ темными кругами подъ глазами она казалась старше и некрасивѣе. Засыпая, она громко вздыхала, долгими вздохами, а во снѣ лицо ея принимало страдальческое выраженіе; она часто вздрагивала и стонала. Ей снились тяжелые сны, и во снѣ она страдала изъ-за тѣхъ чувствъ, которыхъ наяву у нея не было: или она кого-то мучительно любила и ревновала, или у нея умиралъ обожаемый ребенокъ, или она разставалась съ кѣмъ-то близкимъ и дорогимъ... Такъ мстила ея душа въ безсознательномъ состояніи за отсутствіе настоящихъ чувствъ въ дѣйствительности. А чувствъ у Жанны не было. Ея

Digitized by Google

увлеченія, потому что увлекаться она не теряла способности, тяготили ее. Пока это была только прелюдія, она загоралась, она ждала, что вотъ-вотъ будетъ что-то новое, что этотъ человѣкъ дастъ ей испытать тѣ ощущенія, которыя она напрасно призывала—ощущенія нѣжности къ нему, заботливости о немъ, глубокой преданности и готовности на самоотверженную любовь... хотя бы цѣною собственнаго страданія... Но кромѣ тягости, а подчасъ и отвращенія—она не могла испытать ничего, и сознавая, что онъ въ этомъ не виноватъ, а виновата только ея натура—несла послѣдствія своей ошибки съ терпѣніемъ, повторяя себѣ свою любимую фразу:

— Ayons de la résignation!..

До перваго случая, когда, не обижая, имѣла возможность удалить этого человѣка.

Это заставляло особенно привязываться къ ней... Организмъ ея, по виду обѣ-

Digitized by Google

щавшій такой пламенный темпераментъ, не держалъ этихъ обѣщаній...

Въ ней была какая-то врожденная вялость. Можетъ быть, какъ иногда дѣти алкоголиковъ не выносятъ алкоголя, она—дочь человѣка, ежеминутно увлекавшагося, и женщины страстной, какъ южанка—была лишена этого, и когда отъ нея требовалась ласка, то въ ней было полное равнодушіе, если не просыпались усталость и протестъ.

Въ одинъ изъ такихъ періодовъ она и встрѣтилась съ Максомъ Бруни.

Фирсовъ, когда-то выдававшій стипендію Жаннѣ, и теперь питалъ къ ней полуотеческую слабость; по старой памяти она у него разъ въ мѣсяцъ завтракала, а иногда и онъ тоже, по старой памяти, выручалъ ее въ денежныхъ затрудненіяхъ.

У него-то, на большомъ вечерѣ, она увидала Макса. Вечеръ, дававшійся въ честь пріѣзжей знаменитости, блестѣлъ

Digitized by Google

красивыми дамами и интересными мужчинами. Тутъ были все имена, извѣстныя «всему Петербургу» и встрѣчающіяся въ газетныхъ хроникахъ. Большой винегретъ «племенъ, нарѣчій, состояній». Посреди веселаго хаоса звуковъ музыки, благоуханія цвѣтовъ, блеска электричества, игравшаго на золотѣ, бронзѣ и хрусталѣ—Максъ не могъ не привлечь вниманія. Онъ стоялъ красивый, блѣдный и мрачный, какъ Демонъ, съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія на лицѣ, но въ безукоризненномъ фракѣ.

Жанна заинтересовалась имъ. Фирсовъ ихъ познакомилъ, и вмѣсто мрачнаго и загадочнаго героя она быстро увидѣла передъ собой несчастнаго мальчика, сходящаго съ ума отъ безнадежной любви.

Это было, конечно, не такъ интересно, но зато возбудило въ ней жалость, и она такъ мягко и задушевно сумѣла затронуть въ немъ наболѣвшія струны, что онъ и самъ не замѣтилъ, какъ черезъ часъ

Digitized by Google

все ей разсказалъ. Они вмѣстѣ сѣли ужинать, послѣ ужина онъ просилъ позволенія ее проводить, а тамъ очевидно ему очень не хотѣлось отпускать ее; онъ такъ умоляюще предложилъ:

— Поѣдемте прокатиться!

На что она согласилась.

Онъ былъ счастливъ, что, наконецъ, нашелъ кому излить свое сердечное «trop plien», и что это была женщина не изъ ихъ общества, значитъ онъ не рисковалъ скомпрометировать свою неблагодарную возлюбленную, разсказывая о ней; а онъ такъ давно задыхался отъ горя, отъ тоски и обиды, что жаждалъ все это высказать.

Они летѣли по бѣлымъ и блестящимъ при лунѣ аллеямъ островов, въ какой-то фантастической странѣ изъ снѣга, сахара, бриллiантовъ.

Часто-часто по этой дорогѣ такъ мчалась она раньше, и чья-нибудь рука смѣло обнимала ея талiю, а взволнован-

Digitized by Google

ный голосъ шепталъ на-ухо все такія одинаковыя... всегда одинаковыя слова; и вотъ теперь ей казалось новымъ и пріятнымъ, что сейчасъ это волненіе относится *не къ ней*, что чье-то сердце раскрывается передъ нею, полное горя и отчаянія, *не изъ-за нея*, и что она можетъ утѣшить, не жертвуя собою, что все это горе, отчаяніе, волненіе не касаются обладанія ею, и что отъ нея этому красивому молодому человѣку не надо ничего.

Скоро она узнала отъ Бруни всю его исторію.

Бруни, сынъ знаменитой пѣвицы и не менѣе знаменитаго скульптора, по матери принадлежавшій не только къ аристократіи талантовъ, но и къ аристократіи общества, былъ, какъ многія дѣти талантливыхъ родителей, очень талантливымъ дилетантомъ.

Онъ недурно лѣпилъ, съ своеобразно-изящной манерой, и сочинялъ небольшіе романсы—больше на французскія слова, и

Digitized by Google

напечаталъ два-три стихотворенія. Имѣлъ хорошее состояніе, часто ѣздилъ за границу, одѣвался у англійскаго портного, и казалось бы, жизнь его была создана для однихъ удовольствій и пріятныхъ ощущеній. Но какой-то странный законъ равновѣсія, не дающій людямъ никогда полнаго удовлетворенія, толкнулъ его на дорогу баронессы Эльсборгъ, красавицы и умницы, съ лицомъ Офеліи, умомъ Меттерниха и жестокостью Фульвіи.

Она принадлежала ему два года. Первая она пріѣхала на его холостую квартиру въ своемъ манто изъ chinchilla и мѣховомъ токѣ съ цвѣтами голубыхъ гортензій, пріѣхала просто и открыто въ своемъ купэ «посмотрѣть его работы» и даже отъ него телефонировала мужу, что она здѣсь, не хочетъ ли онъ заѣхать за ней и вмѣстѣ отправиться къ «Медвѣдю?»

Съ тѣхъ поръ она дала ему два года счастія, тонкаго общенія съ изящнѣйшей женщиной, ласкъ, достойныхъ Лаисы—и

Digitized by Google

потомъ также спокойно, совершенно не вдаваясь въ объясненія, отдалила его отъ себя.

Съ полгода она еще забавлялась тѣмъ, что утонченно терзала его. То бросала ему при всѣхъ, глядя на него изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ, какую-нибудь фразу изъ прошлаго, заставлявшую его блѣднѣть и задыхаться, и тутъ же передавала черезъ него какое-нибудь порученіе его «замѣстителю». То отправлялась куда-нибудь кататься втроемъ, и вдругъ вспоминала, что она забыла дома захватить какую-нибудь необходимую вещь, и съ ключомъ секрета отсылала Макса къ камеристкѣ, оставаясь съ *тѣмъ* вдвоемъ и т. п.

Когда онъ какъ-то не выдержалъ этой роли и потребовалъ отъ нея объясненій, она холодно на него посмотрѣла и спросила:

— По какому праву?

— По праву человѣка, который васъ любитъ.

Digitized by Google

— Милый мой, меня очень многіе любятъ, и если бы всѣ вздумали со мной объясняться, мнѣ было бы некогда пообѣдать.

— Бросьте шутить! По праву человѣка, котораго *вы* любили... которому вы дали доказательства своей любви.

Она подошла совсѣмъ близко и, въ упоръ глядя на него, спросила:

— Какія?

Онъ, выведенный изъ себя, крикнулъ ей грубо:

— Вы, кажется, забыли, что два года были моей любовницей!

— Я... вашей любовницей?—спросила она и разсмѣялась.

Она смѣялась искренно и звонко. Въ это время вошелъ ея мужъ.

— У васъ тутъ весело! Что за причина веселья, подѣлитесь?—спросилъ онъ, цѣлуя руку жены.

— Причина та, мой другъ, что м-сье Бруни рѣшилъ распространить про меня

Digitized by Google

ей кажется и зайти въ буфетную, гдѣ на нее прислуга смотритъ, какъ на ручного звѣрька.

— Ты что, Женя, бродишь?—спрашиваетъ ее какая-нибудь горничная, такъ они передѣлываютъ ея имя.

— Опять баталія была!—равнодушно отзывается коридорный.

— О! И какъ это имъ не надоѣстъ?—возмущается другая горничная.—Да, ужъ нечего сказать! Одно слово, что господа, а больше нашего промежъ себя скандалятъ. Утромъ тринадцатая въ двадцать перваго-то блюдцемъ запустила.

— Ну-у?

— Ей-Богу! Дворня хохочетъ. Нѣсколько времени перемываютъ косточки постояльцамъ. Жанна узнаетъ, что къ «десятой» мужъ пріѣхалъ, а у ней въ гостяхъ офицеръ, былъ скандалъ. Что «шестнадцатому» хозяинъ хочетъ отказать, потому что онъ все барышень къ себѣ водитъ,—да бѣда: солидный гость

Digitized by Google

и платитъ хорошо. Все это Жанна слушаетъ: присутствіемъ ея не стѣсняются. Потомъ Марѳуша вспоминаетъ о ней.

Марѳушу Жанна любитъ, она такая хорошенькая, отъ нея пахнетъ духами и юбки у нея шелестятъ, не какъ у горничной. Она гладитъ дѣвочку по кудрявой головѣ и даетъ ей конфету изъ стащенныхъ у «пятой».

— Ей ея старикашка что ни день пять фунтовъ привозитъ, куды ей всѣ, не объѣсться, небось. На, ѣшь, Женя.

— А ну-ка, Женя, представь, какъ папаша поетъ?

Жанна рада сдѣлать своимъ друзьямъ удовольствіе. Она нѣсколько разъ видѣла отца въ театрѣ. Слухъ у нея удивительный. Она схватываетъ пыльную метелку вмѣсто меча и начинаетъ пѣть, размахивая метелкой.

— Пускай же кро-о-овь пролье-о-о-отся!

Она путаетъ слова, переходитъ съ

Digitized by Google

аріи на арію, поетъ, копируя отца: «О-о, повтори слова любви-и-и!» Потомъ взмахиваетъ метелкой и выскакиваетъ въ «окно», т.-е. черезъ скамью.

Прислуга хохочетъ.

— А ну, представь, какъ мамаша въ обморокъ падаетъ?

Жанна вскрикиваетъ и падаетъ навзничь съ истерическими рыданіями. Она не сознаетъ, что это нехорошо, и кто бы ей это объяснилъ?

Прислуга въ полномъ восторгѣ.

— Занятное дитя!

Коридорный подхватываетъ ее на руки и качаетъ.

Жанна визжитъ и смѣется отъ удовольствія.

Въ это время раздается звонокъ, другой.

— Тебѣ, Марѳуша! «Пятнадцатый!»

— О, ч-чортъ! раззвонился!—въ сердцахъ говоритъ горничная, вставая.

— И я съ тобой,—и держась за юбку

Digitized by Google

своей любимицы, Жанна отправляется съ ней.

Когда онѣ приходятъ къ незнакомому господину, тотъ смотритъ на хорошенькаго ребенка, стоящаго въ дверяхъ.

— Это чья дѣвочка?

— Это-съ... тутъ... г. Заблоцкаго-съ... и одной француженки!—понижая тонъ, объясняетъ Марѳуша, но дѣвочка отлично слышитъ. Она давно уже знаетъ, что ее такъ называютъ и сама не понимаетъ почему, потому ли, что это говорится въ пониженномъ тонѣ и слегка сконфуженно, но ей чего-то становится стыдно, когда она слышитъ эту фразу и ея 5-лѣтнее сердечко инстинктивно сжимается.

Обыкновенно ее подзываютъ, ласкаютъ, угощаютъ чѣмъ-нибудь. Она не дичится. Она привыкаетъ смотрѣть на поцѣлуи и на ласки, какъ на что-то, что легко можно давать всѣмъ. Когда Марѳуша убираетъ чей-нибудь номеръ, а она къ ней

Digitized by Google

прижимается, то она видитъ, какъ Марѳуша спокойно отливаетъ себѣ духовъ, отсыпаетъ пудры, кладетъ въ карманъ конфеты и прибавляетъ:

— Отчего не взять? У нихъ всего много.

Такимъ образомъ она развиваетъ въ дѣвочкѣ взглядъ на пользованіе чужой собственностью, какъ на вещь естественную, и по-своему примѣняетъ прудоновское правило: «La propriété c'est le vol».

Иногда отецъ, возвращаясь, застаетъ Жанну въ коридорѣ.

— Ахъ ты, Боже мой! — сердится онъ.—Даже за ребенкомъ не можетъ присмотрѣть. Что ты тутъ дѣлаешь, Жанна? Пойдемъ! Онъ беретъ ее на руки и вдругъ обращаетъ на нее вниманіе.

— Да ты у меня прехорошенькій чертенокъ! Любишь мармеладъ.

— Люблю.

— А шоколадъ?

— Люблю.

Digitized by Google

— Что больше?

— Оба больше.

— Завтра у тебя все будетъ.

Войдя въ номеръ, онъ особенно долго нѣжничаетъ съ ней, словно желая уязвить этимъ мать. Онъ играетъ съ ребенкомъ, цѣлуетъ его, щекочетъ, напѣваетъ что-то. Жанна въ восторгѣ. Она тянется къ нему всѣмъ тѣльцемъ, визжитъ, хохочетъ, наслаждается, какъ котенокъ на солнцѣ. И только ей становится неловко, когда она видитъ вдругъ почти враждебный взглядъ синихъ глазъ матери. Она дѣтскимъ чутьемъ соображаетъ, что что-то неладно, и осмѣлившаяся, раскраснѣвшаяся отъ игры бѣжитъ къ матери и тянетъ ее за руки:

— Maman! Viens jouer avec nous!

— Va!—рѣзко отталкиваетъ ее мать.— Va chez ton père!—И съ плохо скрытой злобой въ сторону говоритъ:—Je enjôle même sa fille!

Если отецъ въ духѣ, то онъ не под-

Digitized by Google

нимаетъ реплики, а говоритъ ей: «Viens, viens, Rosinette! Donne moi vite un bon baiser»!

Онъ знаетъ ея слабую струнку. И дѣйствительно, отъ ласковыхъ словъ на родномъ языкѣ она мѣняется, какъ по волшебству. Она бросается къ нему... Въ одну минуту она уже на колѣняхъ возлѣ него, и льнетъ къ нему всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ, и дрожитъ, и смѣется, и плачетъ, повторяя: «Vrai? Alors tu m'aimes encore un peu? Méchant, méchant»!.. и цѣлуетъ его лицо, глаза, руки...

Изъ дождя этихъ поцѣлуевъ перепадаетъ и Жаннѣ. Они сидятъ всѣ трое, обнявшись, умиленные, счастливые...

Жанну рано отсылаютъ спать и просятъ Марѳушу присмотрѣть за ней; а мама надѣваетъ большую шляпу, нарядную накидку—и улыбающаяся, красивая, похожая на шестнадцатилѣтнюю дѣвочку, подъ руку съ папой уходитъ.

Digitized by Google

На ночь Жанна молится. Молится она по-русски: ее научила молитвамъ Марѳуша. Когда-то мама учила ее: «Notre Père qui êtes aux cieux»... Но Жаннѣ больше нравится по-русски. Что-то таинственное есть въ непонятныхъ для нея славянскихъ словахъ... и она произноситъ ихъ, какъ заклинаніе, а потомъ прибавляетъ свою молитву о разныхъ вещахъ и главное—чтобы папа и мама всегда были такіе добрые и ласковые, какъ сегодня...

А на завтра повторяется то же.

Иногда къ ночи они не успѣютъ помириться и тогда всю ночь напролетъ спорятъ и ссорятся. Жанна слышитъ заглушенныя рыданія матери, жестокія слова, угрожающій шопотъ, вскрикиванія, обиды, взаимныя оскорбленія... И всю ночь не спитъ. Она лежитъ съ сухими, испуганными глазами и чувствуетъ странную горечь, почти озлобленіе, почти ненависть въ эту минуту, къ кому, къ чему—сама хорошенько не понимаетъ.

Digitized by Google

Иногда отецъ не ночуетъ дома. Тогда мать мечется, какъ безумная, по комнатѣ и громко, и безсвязно говоритъ сама съ собою. То она его проклинаетъ, такъ что страшно дѣлается, то начинаетъ думать, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Тогда она бросается на землю и кричитъ: «Sainte Vierge! Sauvez le moi!»

Но когда утромъ онъ возвращается здоровый и невредимый, то вмѣсто того, чтобы радоваться этому, она опять начинаетъ проклинать его.

Никогда Жанна не забудетъ одной сцены...

Отецъ пришелъ въ одиннадцать часовъ утра съ красными глазами, небрежно завязаннымъ галстукомъ. Не поздоровавшись съ матерью, онъ прошелъ прямо въ спальню. Мать судорожно схватила испуганную Жанну на руки. Она была такая хрупкая и слабенькая, что обыкновенно не могла поднять дѣвоч-

Digitized by Google

ки, но сейчасъ подняла ее, какъ перышко.

Она вскрикнула:

— Maintenant je sais ce qui me reste à faire!—въ одно мгновеніе вскочила на большое окно въ гостиной и съ возгласомъ:—Adieu! распахнула его.

Жанна сразу поняла, что мать хочетъ выброситься въ окно. Она часто пугала этимъ отца... и крохотная дѣвочка все сообразила. Въ смертельной тоскѣ она крѣпко ухватилась одной ручонкой за шею матери, словно могла удержать ее, другой—за перекладину окна, и закричала:

— Non, non, maman, je ne veux pas!...

Но мать уже занесла одну ногу за подоконникъ. Съ высоты третьяго этажа передъ Жанной виднѣлась площадь, камни мостовой... Въ это время отецъ, полураздѣтый, успѣлъ добѣжать до нихъ и схватитъ обѣихъ. Все это было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ, но Жаннѣ онѣ по-

Digitized by Google

казались нѣсколькими часами... Отецъ почти грубо стащилъ мать на полъ, а самъ взялъ Жанну на руки и, задыхаясь, повторилъ:

— Безумная!..

Онъ былъ очень блѣденъ. Жанна судорожно вздрагивала и плакала, прижимаясь къ отцу, а мать упала на кресло и лежала, тяжело дыша и такъ смотря блуждающими глазами, словно ничего не видѣла.

— О, Господи! Господи!...—шепталъ отецъ.

На другой день они помирились, какъ будто ничего и не случилось. У нихъ были гости, всѣ пили, пѣли, смѣялись.

Жаннѣ дали шампанскаго цѣлую рюмку! Хохотали надъ тѣмъ, что она опьянѣла, и заставили ее пѣть куплеты. И мужчины и дамы восхищались ею, цѣловали ее. Она переходила съ рукъ на руки. Толстый басъ схватилъ ее и началъ высоко подбрасывать въ воздухъ, говоря:

Digitized by Google

— А вотъ я тебя выброшу! У-у! Возьму и выброшу!

И вдругъ Жанна вспомнила, какъ вчера ее мама хотѣла въ окно выбросить. Она затряслась всѣмъ тѣломъ и закричала:

— Не хочу! Боюсь, боюсь!..

Съ ней сдѣлалась первая истерика. Растерявшійся басъ спустилъ ее съ рукъ. Мать, совершенно забывшая вчерашнюю сцену, дала ей сердитаго шлепка и отправила спать, а отецъ смѣялся.

— Въ шесть лѣтъ уже истерика! Вотъ это настоящая женщина.

Жанна долго въ темнотѣ всхлипывала и дрожала; ей представлялось высокое окно и куда-то внизъ, на камни, мама ее броосала... И она вскрикивала, и сердце у нея разрывалось отъ страху, а въ сосѣдней комнатѣ слышался хохотъ, игра на рояли и звонъ тарелокъ.

Такъ у нихъ часто собирались гости, ужинали, обѣдали, играли въ карты; а иногда въ домѣ вовсе не было денегъ. Особен-

Digitized by Google

но это не чувствовалось, потому что жили въ гостиницѣ и имъ отпускали въ кредитъ, но бывало такъ, что отецъ привозилъ ей десятифунтовую коробку шоколаду и мармеладу, а она ходила въ дырявыхъ башмачкахъ.

Такъ шло время.

Жаннѣ минуло девять лѣтъ, когда отецъ уѣхалъ отъ нихъ. Онъ воспользовался предлогомъ, что Жаннѣ надо учиться, и объявилъ матери, что онѣ должны основаться въ томъ самомъ городѣ, гдѣ сейчасъ находились.

Послѣ неимовѣрныхъ сценъ съ обѣихъ сторонъ, онъ поставилъ на своемъ. Жанну отдали въ гимназію. Онъ обѣщалъ платить за нее и кромѣ того высылать имъ по двѣсти рублей въ мѣсяцъ. Самъ онъ уѣхалъ съ труппой, давъ слово вернуться постомъ.

Разстался онъ съ обѣими очень нѣжно, успокаивая Розу, говоря ей, что это все дѣлается для блага ихъ дочки, что нельзя

Digitized by Google

же дѣвочку таскать за собою, не думая о ея будущемъ, а что онъ будетъ работать для нихъ и думать только о нихъ...

Мать послѣ его отъѣзда нѣсколько дней лежала замертво; потомъ стала оправляться — и, къ удивленію Жанны, начала обращаться съ ней гораздо мягче. Иногда она точно шла къ дочери за лаской.

Года два прошло монотонно, однообразно, разнообразясь только рѣдкими наѣздами отца. Онѣ остались жить въ той же гостиницѣ, гдѣ жили съ отцомъ, только взяли дешевле номеръ: Роза и подумать не могла о хозяйствѣ и о чемъ-либо подобномъ. Привыкшая къ бурямъ и волненіямъ семейной жизни, теперь она становилась вялой и апатичной. Ходила не одѣваясь, не причесываясь, жила отъ письма до письма, гадая на картахъ, грызя леденцы и перечитывая романы Фелье и Саля... Общества у нея не было никакого: всѣ ея знакомые по труппѣ,

Digitized by Google

гдѣ служилъ Заблоцкій, отхлынули вмѣстѣ съ нимъ. Не считая жившей въ той же гостиницѣ массажистки да оставшейся въ этомъ городѣ француженки, опереточной пѣвички, нашедшей покровительство въ образѣ богатаго банкира,—она никого не знала. Только когда пріѣзжалъ Заблоцкій, она оживлялась. За мѣсяцъ до этого она всѣмъ, не исключая и коридорнаго, разсказывала: «Мой мужъ пріѣзжаетъ... Когда мой мужъ пріѣдетъ» и. т. д.

И тѣ нѣсколько дней, что онъ пріѣзжалъ, проводила, какъ въ чаду, похорошѣвшая, нарядная... Потомъ страстная истерика передъ его отъѣздомъ и опять монотонное существованіе...

Тѣмъ временемъ Жанна училась въ гимназіи. Училась она превосходно и быстро развивалась, но гимназія не приносила ей большой радости.

Если у нея и были двѣ-три подруги, съ которыми она сдружилась, ходя обнявшись и разговаривая на рекреаціяхъ,—то

Digitized by Google

какъ только она звала ихъ прійти къ ней, онѣ отвѣчали: «я спрошу маму».

И всегда оказывалось, что нельзя.

Одна изъ нихъ, болѣе откровенная, чѣмъ другія, дочь богатаго инженера, сказала ей причину:

— Мама не позволяетъ мнѣ ходить къ тебѣ, потому что у тебя нѣтъ папы... и ты живешь въ гостиницѣ... и она не можетъ познакомиться съ твоей мамой...

Изъ двухъ разговаривавшихъ наиболѣе была смущена она, потому что у Жанны только глаза засверкали, какъ у волчонка, и она, сжавъ губы, отошла отъ подруги.

Этотъ случай заставилъ ее сторониться всѣхъ остальныхъ, изъ боязни натолкнуться на такую обиду,—и въ гимназіи она держалась особнякомъ.

Изъ маминыхъ знакомыхъ она больше любила хорошенькую, веселую пѣвицу. Та сама привязалась къ дѣвочкѣ, баловала ее, постоянно дарила ей разныя бездѣлушки, возила съ собой кататься и т. д.

Digitized by Google

въ обществѣ... ты легко поймешь, почему... что я была его любовницей. Я надѣюсь, ты знаешь, что тебѣ остается дѣлать!—спокойно сказала она и вышла изъ комнаты.

Черезъ два дня состоялась дуэль.

Баронъ выстрѣлилъ на воздухъ, хотя стрѣлялъ вторымъ, и отношенія Бруни были съ нимъ вполнѣ покончены.

Но забыть ее онъ не могъ, и, встрѣчая баронессу въ обществѣ, въ театрѣ, на concours hyppique, словомъ вездѣ, гдѣ бывалъ «весь Петербургъ», онъ чуть не плакалъ отъ отчаянія, бѣшенства и больной любви.

Онъ бросился искать развлеченія и отвлеченія въ кутежахъ съ дамами полусвѣта; но всѣ онѣ казались ему такими грубыми животными, что противно было говорить съ ними; а любовь ихъ была ему не нужна, слишкомъ сильно сидѣла въ немъ память о змѣиныхъ ласкахъ баронессы.

Digitized by Google

Въ это время онъ и познакомился съ Жанной.

Она не принадлежала къ тому обществу, котораго онъ боялся, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея изящный умъ, ея манеры, все это было такъ непохоже на вульгарныхъ demi-mondaine'окъ, которыя хуже заставляли его страдать объ утраченномъ.

Она отнеслась къ нему такъ сердечно, и съ ней онъ могъ говорить, зная, что она пойметъ его, и онъ найдетъ у нея участіе.

Его несложная натура вся уходила раньше въ одну безумную любовь, и когда баронесса его бросила, то онъ очутился въ положеніи мухи, попавшей въ пустой шаръ, которая не знаетъ, гдѣ верхъ, гдѣ низъ, гдѣ право и лѣво. Вдругъ все стало пусто вокругъ него. Службы или обязательнаго дѣла у него не было; искусства онъ не любилъ настолько глубоко, чтобы оно могло все ему замѣ-

Digitized by Google

нить; и онъ чувствовалъ только озлобленіе и страшную пустоту. И вдругъ явилась эта дружба, и онъ, какъ голодный на ѣду, накинулся на нее.

Можетъ быть, если голодному предложить на выборъ индѣйку съ трюфелями или кусокъ чернаго хлѣба, то онъ предпочтетъ первое; но если выбора не будетъ, то онъ и на сухой хлѣбъ набросится съ восторгомъ; такимъ насущнымъ хлѣбомъ показалась ему эта дружба.

Кромѣ того, она опять заполнила его время, опять дала ему общеніе съ молодой, прелестной женщиной, недостатокъ котораго такъ сильно чувствовала его мягкая, слегка женственная натура.

Времени ему было некуда дѣвать. А теперь онъ могъ ухаживать за Жанной, не считая этого измѣной памяти своей жестокой любви; а онъ такъ привыкъ жить жизнью, наполненной мелкими и очаровательными заботами о женщинѣ, онъ любилъ эту атмосферу. И вотъ

Digitized by Google

опять ему было кому выбирать перчатки, присылать духи, цвѣты и конфеты, заботиться о ложѣ, провожать къ портнихѣ, въ фотографію, выбирать костюмы, съ кого лѣпить медальоны, кому посвящать романсы, благодаря за дружбу и утѣшеніе.

Ему пріятно было показаться съ ней рядомъ въ ложѣ, или въ коляскѣ на Стрѣлкѣ, она не стѣснялась этого, но всѣ обращали вниманіе на ея прелестную головку, и это ему нравилось.

Она, со своей стороны, находила прелесть въ этихъ дружескихъ отношеніяхъ. Она была счастлива, что онъ ничего отъ нея не требуетъ и не хочетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно по-своему любитъ ее, и любуется ею, и съ нѣкоторой нѣжностью, «немного больше друга, меньше брата», цѣлуетъ ея руки. Но она такъ «устала отъ любви», какъ она сама себѣ иногда говорила (не подозрѣвая, что въ сущности любви-то никогда не испыта-

Digitized by Google

ла, а знала лишь то, что называютъ любовью), что эта дружба была ей пріятна. Не требуя ничего, онъ давалъ ей все, былъ ея «послушнымъ и вѣрнымъ рабомъ», какъ подписывалъ свои записки, и искренно привязался къ ней.

Онъ считалъ ее очень чистой, немножко по мужской привычкѣ судить женщину на основаніи ея отношеній именно къ нему, и умилялся душою, что въ то время, какъ баронесса въ самыя страстныя эпохи ихъ любви посылала ему телеграммы безъ подписи, Жанна смѣло и свободно писала ему милыя записочки, часто такія нѣжныя, что посторонній, прочтя ихъ, могъ бы предположить гораздо болѣе, чѣмъ было. Она не боялась этого, очевидно, и онъ преклонялся передъ ея смѣлостью.

Онъ называлъ ее «своимъ свѣтлымъ лучомъ» и даже сочинилъ для нея романсъ.

«Мой свѣтлый лучъ».

Digitized by Google

Она въ глубинѣ души гордилась этой ролью и думала, что дѣлаетъ истинно доброе дѣло, «утѣшая» его.

Она не понимала или, вѣрнѣе, не останавливалась на этой мысли, что въ сущности утѣшеніе это было чисто внѣшнимъ, что она не проникала въ его душу; ей и въ голову не могло бы придти заставить его заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ, вытащить его изъ той тины нравственнаго отупѣнія, въ которую онъ погрузился съ самаго начала связи съ баронессой, отнявшей у него мысль о чемъ-либо кромѣ нея. Жаннѣ та жизнь, которую онъ велъ, казалась вполнѣ нормальной; она сама была рада продолжать эту привычную ей жизнь съ нимъ, не платясь ничѣмъ.

И они ѣздили по театрамъ, по ресторанамъ, на всевозможныя «открытія» и «закрытія», «пробовать новую марку» въ загородные кабачки, ознаменовать привозъ устрицъ или появленіе клубники въ

Digitized by Google

январѣ. Пикники, кутежи, возвращеніе на разсвѣтѣ, когда уже звонили къ ранней обѣднѣ и просыпался рабочій городъ; постоянные наркотики; весь калейдоскопъ веселящихся во что бы то ни стало людей. И Жанну не шокировало, не казалось ей дикимъ, что въ отдѣльномъ кабинетѣ какого-нибудь кабака, въ облакахъ дыма, надъ залитымъ шампанскимъ столомъ, посреди жадныхъ, грубыхъ и утомленныхъ физіономій цыганъ, Максъ вдругъ бралъ гитару и нѣжко пѣлъ, глядя ей въ глаза:

«Мой свѣтлый лучъ, въ туманный день ненастья,
Ты мнѣ блеснулъ изъ-за свинцовыхъ тучъ;
Свѣти же мнѣ улыбкою участья,
Мой свѣтлый лучъ!..
Ты не влечешь къ мучительному раю
Земныхъ страстей, твой поцѣлуй не жгучъ;
Но безъ тебя я умеръ бы, я знаю—
Мой свѣтлый лучъ!..»

И она не понимала, какъ его чувства опошляются и становятся не стономъ ду-

Digitized by Google

ши, а банальнымъ цыганскимъ романсомъ, который гортанные голоса по привычкѣ подхватываютъ хоромъ, окончательно отнимая у него всю исключительность:

La-la-la-la! La-la-la-la!

Такимъ образомъ, въ сущности, ихъ дружба была основана на недоразумѣніи.

Это не мѣшало обоимъ твердо вѣрить въ нее, и когда всѣ вокругъ подсмѣивались надъ ихъ «флиртомъ» и намекали на него, они только улыбались другъ другу.

Около полутора года прошло такъ. Они успѣли даже за границей побывать вмѣстѣ—Жанна съ пріятельницей и Максъ, но въ остальное время они часто разъѣзжались. Жанна придерживалась больше «гастрольной системы» въ томъ смыслѣ, что нигдѣ не играла подолгу. А возвращаясь, каждый разъ, когда она видѣла Макса послѣ хотя бы недолгой разлуки, она замѣчала въ немъ странное измѣненіе, Максъ становился разсѣян-

Digitized by Google

нымъ, легко забывалъ то, что предложилъ ей раньше; обыкновенно очень элегантный, начиналъ быть небрежнымъ въ своемъ костюмѣ. Онъ, всегда такой сдержанный, вдругъ сталъ раздражаться до бѣшенства, вспыхивалъ, и разъ за какіе-то не во-время поданные фрукты чуть не прибилъ лакея, при чемъ Жанна даже испугалась за него, такъ исказилось его лицо и налилось кровью. Время-отъ-времени онъ, гдѣ бы это ни было, въ театрѣ, въ залѣ ресторана, несмотря на шумъ и яркій свѣтъ кругомъ, точно засыпалъ на минуту. Разъ въ ея присутствіи съ нимъ сдѣлался обморокъ безъ всякой причины, но очнувшись онъ даже не помнилъ о немъ. Онъ жаловался ей на общее нездоровье и выглядѣлъ все мрачнѣе. Въ концѣ второго года онъ совсѣмъ переѣхалъ въ Москву, къ овдовѣвшей матери—она была вторымъ бракомъ за богатымъ московскимъ коммерсантомъ. Тамъ онъ и остался. Сначала онъ часто писалъ

Digitized by Google

Жаннѣ, потомъ рѣже. Его письма начали удивлять ее: появились ошибки, не хватало буквъ, даже цѣлыхъ слоговъ. Она видѣла, что съ нимъ что-то происходитъ, но приписывала это нервамъ, и, по правдѣ сказать, немного надъ этимъ задумывалась, захваченная жизнью и ея обычными развлеченіями, заботами и мелочами, сплетавшими вокругъ нея неразрывную, непросвѣтную сѣть.

Однако, какъ только она проѣздомъ на Кавказъ попала въ Москву, она сейчасъ же дала ему знать. Она остановилась въ Славянскомъ Базарѣ и оттуда послала посыльнаго съ запиской къ Максу, а сама, освѣжившись и перемѣнивъ дорожный костюмъ на городской, сошла въ общую залу завтракать, и приказала швейцару, если ее спросятъ, прислать г. Бруни туда же.

Она уже сняла перчатки, велѣла принести себѣ десятокъ устрицъ и разсматривала карточку завтраковъ, когда въ

Digitized by Google

дверяхъ показалась странная фигура, въ которой однако было что-то знакомое ей. Она поднесла лорнетку къ глазамъ, вглядѣлась и вскрикнула:

— Максъ!

Между столиками, какъ-то неустойчиво ступая, пробирался Максъ. Длинный сюртукъ болтался на его похудѣвшей фигурѣ, какъ на вѣшалкѣ; широкій и очень пестрый галстукъ сидѣлъ криво, а его черные, вьющіеся волосы—густая шапка, унаслѣдованная имъ отъ отца-итальянца, которую такъ любила ласкать и трепать шутя Жанна, были нá-коротко острижены, почти выбриты, и лицо, и безъ того похудѣвшее, казалось маленькимъ до неузнаваемости.

Въ рукахъ онъ держалъ розы на длинныхъ стебляхъ, какъ любила Жанна, и, подойдя къ ней, онъ поцѣловалъ ей руку, но съ первыхъ его словъ ей стало жутко. Онъ заговорилъ такъ, какъ будто они вчера только видѣлись, не выказалъ

Digitized by Google

ни удивленія, ни радости по поводу ея пріѣзда. Глаза его смотрѣли куда-то мимо. Сначала она подумала, не пьянъ ли онъ? Но потомъ рѣшила, что этого, вѣроятно, нѣтъ. Онъ всегда краснѣлъ отъ вина, а теперь былъ блѣденъ.

— Вамъ нездоровится, Максъ?—спросила она его.

Онъ удивленно взглянулъ на нее и возразилъ:

— Я совершенно здоровъ, я никогда еще такъ хорошо себя не чувствовалъ, какъ теперь!

А говорилъ онъ такъ, словно языкъ съ трудомъ повиновался ему.

— Куда же дѣлись ваши волосы? Зачѣмъ вы ихъ остригли?—удивилась она, но онъ равнодушно отвѣтилъ ей:

— Всегда такъ было.

Она запнулась.

Онъ не спросилъ ее ни куда она ѣдетъ, ни на долго ли, а началъ ей усиленно

Digitized by Google

доказывать, волнуясь и глотая слова, что велосипеды «Clemence Gladiator» никуда не годятся. Онъ говорилъ съ большимъ возбужденіемъ и заикался.

Странное предчувствіе охватило Жанну. Она вглядывалась въ него съ ужасомъ и чувствовала себя чужой и далекой отъ него, какъ отъ умирающаго; ей казалось, что какая-то стѣна встала между ними, и ей было тяжело съ нимъ вдвоемъ. Она даже рада была, когда къ ея столу подошелъ раскланяться какой-то рецензентъ. Она едва была знакома съ нимъ, но тутъ любезно пригласила его подсѣсть къ столику. Она познакомила съ нимъ Макса, и тотъ сію минуту, услыхавъ, что онъ журналистъ, началъ его убѣждать, держа за пуговицу, чтобы онъ написалъ статью и «раскаталъ этихъ ш-шарлалатановъ «Clemence Gladiator».

Рецензентъ посматривалъ на Жанну, дѣлая значительно-сочувствующую мину. Когда они кончили завтракать, Максъ

Digitized by Google

какъ-то машинально попросилъ позволенія проводить Жанну.

— А... лошадь ждетъ.

Но ей показалось, что она не въ состояніи быть съ нимъ вдвоемъ. Истина не являлась ея воображенію, онъ просто сдѣлался совсѣмъ «ramolli, d'un parfait gatisme», какъ она про себя опредѣлила его состояніе. И она покривила душой и сказала, что она не можетъ сейчасъ ѣхать съ нимъ, что ее ждетъ подруга и у нихъ масса дѣла, но чтобы онъ ждалъ ее къ обѣду въ Эрмитажѣ, куда она пріѣдетъ къ 6 часамъ.

Они встали изъ-за стола.

Онъ опять поцѣловалъ ей руку, какъ-то по инерціи отвѣтилъ, какъ прежде говорилъ, шутя:

— Слушаю-съ.

И покорно, слегка сгорбившись и пошатываясь, побрелъ одинъ къ выходу.

У нея вдругъ странно сжалось сердце при видѣ этой жалкой фигуры... она чуть

Digitized by Google

не бросилась за нимъ, но остановилась, растерянная, хорошенько не отдавая себѣ отчета, что съ ней дѣлается. Она не имѣла понятія о томъ, что съ нимъ можетъ быть, но что-то точно запретило ей ѣхать въ Эрмитажъ.

Она рѣшила ѣхать съ 5-часовымъ поѣздомъ, а въ Эрмитажъ послала, уѣзжая, записку, извиняясь, что внезапно уѣхала раньше, чѣмъ предполагала. Въ Москвѣ ей было бы тяжело остаться: она остановилась спеціально для него, а онъ... вдругъ точно пересталъ существовать для нея.

Когда она сидѣла уже въ вагонѣ, ей стало совѣстно за свой обманъ и жалко Макса, но она утѣшила себя тѣмъ, что, вѣроятно, Максъ теперь сильно пьетъ, и ей было бы неудобно обѣдать съ нимъ вдвоемъ. Но это она думала словами, а гдѣ-то въ глубинѣ сознанія, какъ укоръ совѣсти, вставала его сгорбленная, понурая фигура, и тоска щемила ея сердце.

Digitized by Google

Она ждала отъ него какого-нибудь письма, но такъ и не дождалась, а черезъ три мѣсяца пришла къ ней вѣсть, что Максъ положенъ въ лѣчебницу и безнадеженъ.

Дня три она не спала, ходила мрачная и задумывалась такъ, что не слыхала, когда съ ней заговаривали. Но жизнь брала свое. Она и такъ привыкла къ его отсутствію за послѣднее время и печаль ея была не глубокой, скорѣе «эпической», чѣмъ «лирической». Она продолжала жить—и только когда при ней кто-нибудь вспоминалъ Макса, или ея глаза падали на «Свѣтлый лучъ», лежавшій на піанино, она вздыхала:

Бѣдный Максъ!

Зато теперь, когда она опять, послѣ почти годового промежутка попала въ Москву, она рѣшила навѣстить бывшаго друга. И вотъ она ѣхала къ нему съ искреннимъ сознаніемъ, что дѣлаетъ доброе дѣло, слегка умиленная собою въ

Digitized by Google

глубинѣ души, и думала: «не всякая способна была бы вспомнить о человѣкѣ, который уже конченъ для жизни!...»

Коляска остановилась у глухой бѣлой ограды, изъ-за которой виднѣлась только густая зелень парка и крыша небольшого особняка.

Засѣкинъ помогъ Жаннѣ выйти и нажалъ кнопку электрическаго звонка у воротъ. Имъ немедленно отперъ привратникъ, на иностранный ладъ, въ темно-синей курткѣ съ блестящими пуговицами.

— Передайте доктору мою карточку.

Привратникъ мелькомъ опустилъ глаза на карточку и сказалъ:

— Пожалуйте, васъ ждутъ.

Прямая, какъ стрѣла, обсаженная чудесными липами аллея привела ихъ къ крыльцу бѣлаго особняка, свѣтлаго и элегантнаго, гдѣ жилъ самъ докторъ съ семьей.

Digitized by Google

Докторъ, хорошій знакомый Засѣкина и кажется и всей Москвы, ждалъ ихъ и вышелъ къ нимъ навстрѣчу, красивый, румяный, любезно улыбающійся, въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ.

Онъ галантно склонился передъ Жанной.

— Прошу васъ, присядьте... Вы позволите предложить вамъ чашку чая... и клубники изъ собственнаго огорода!—съ гордостью предложилъ онъ. Имъ уже подавали изящно сервированный чай, серебряную бульотку.—Не взыщите, я на холостомъ положеніи,—шутилъ докторъ. —Жена уже въ Крыму.

Гостиная, гдѣ они сидѣли, съ громаднымъ венеціанскимъ окномъ, была уставлена зеленой лакированной мебелью style moderne. На свѣтлыхъ драпировкахъ по палевому фону были раскиданы темнорозовые ирисы. Всюду валялись воздушныя подушки всевозможныхъ величинъ, съ махровыми, какъ лепестки мака, во-

Digitized by Google

ланами нѣжныхъ тоновъ; въ жардиньеркахъ благоухали цвѣты.

Докторъ былъ любезенъ, шутилъ, острилъ и только тогда принималъ слегка соболѣзнующій тонъ, когда Жанна начинала его разспрашивать о больномъ.

— Скажите, докторъ... неужели же Максъ... т.-е. М. Бруни... безнадеженъ?

— Безнадеженъ, сударыня. Не могу этого скрыть отъ васъ! Корковое вещество мозга поражено и идетъ хроническое разложеніе личности,—отчетливо и внятно выговаривалъ докторъ.—Другими словами, прогрессивный параличъ.

— Боже мой... Но почему... Почему это могло случиться?

— Къ несчастію, сударыня, это очень распространенная болѣзнь, и чаще другихъ поражаетъ людей свободной профессіи. Знаете, интеллектуальная сфера требуетъ нервовъ. Особенно, если принять во вниманіе, что нашъ паціентъ велъ очень... неправильную жизнь. Куте-

Digitized by Google

жи... безсонныя ночи... спиртные напитки, убивающіе мозгъ...

Жанна помолчала, подавленная, потомъ спросила:

— А если бы... этихъ условій не было?

— Кто знаетъ? Навѣрное ничего нельзя сказать. Можетъ быть онъ и избѣгнулъ бы такого печальнаго конца, а можетъ быть, несмотря на отсутствіе внѣшнихъ толчковъ, все-таки заболѣлъ бы. Во всякомъ случаѣ, конечно, каждая капля алкоголя являлась гибельной для его организма.

— Несчастный, несчастный!—шептала Жанна.

— Да, бѣдный молодой человѣкъ! — сочувственно-равнодушно поддержалъ ее докторъ.—Еще клубники, пожалуйста! И рюмочку этого ликера, мнѣ его привезли изъ Японіи. Сейчасъ я могу вамъ его показать, онъ находится въ сравнительно спокойномъ состояніи.

Digitized by Google

Жанну больно задѣло, что о Максѣ уже говорятъ, какъ о вещи.

— Можно было бы подумать, что это свѣтлый промежутокъ, если бы съ нимъ еще вчера не было маленькаго ударчика!— съ нѣжностью произнесъ докторъ.—Такъ вы желаете пройти къ нему?

— Непремѣнно.

Засѣкинъ поглядѣлъ на ея лицо и сказалъ:

— Смотрите, Жанна Ивановна, выдержите ли вы это?

— Я хочу его видѣть!—нервно отвѣтила она.

Докторъ позвалъ ассистента, изящнаго молодого брюнета, и послалъ его впередъ посмотрѣть, все ли въ порядкѣ въ комнатѣ больного, а самъ предложилъ руку Жаннѣ.

Засѣкинъ сѣлъ въ качалку, взялъ какую-то книгу и, нахмуренный и недовольный, остался въ гостиной.

Digitized by Google

Подъ-руку съ докторомъ Жанна черезъ стеклянную террасу вышла въ паркъ.

Паркъ былъ разбитъ въ англійскомъ вкусѣ, деревья подстрижены, роскошный газонъ окаймляли пестрые «ковровые» бордюры; цѣлыми клумбами высились великолѣпные красные, бѣлые, розовые шпажники, въ сочной и густой зелени щебетали птицы.

Время-отъ-времени докторъ показывалъ попрятавшіеся среди деревьевъ небольшіе коттэджи и любезно объяснялъ:

— Водолѣчебница... помѣщеніе для служащихъ... отдѣленіе для алкоголиковъ...

Съ той же улыбкой, съ которой указывалъ дальше:

— Площадка для laun-tennis'a .. гимнастика...—и продолжая «le tour du propriétaire», говорилъ:—Огородъ... я самъ люблю въ немъ возиться. . взгляните, какія уже яблоки большія, а это будутъ чудесные персики: tétons de Venus.

По аллеямъ бродили, попадаясь имъ

Digitized by Google

навстрѣчу, одни или въ сопровожденіи надзирателей блѣдные, желтые, худые люди. Жанна смотрѣла на нихъ пугливо, они казались ей кошмарами, а докторъ, очевидно, привыкъ къ нимъ такъ, что почти не замѣчалъ ихъ.

Благодаря тому, что больные въ лѣчебницѣ носили частные костюмы, ихъ можно было легко спутать со здоровыми.

Мимо Жанны прошли двѣ женщины: молоденькая, худенькая, блѣдная дѣвушка съ грустнымъ личикомъ и нѣжная, румяная женщина въ синихъ очкахъ.

— Чѣмъ больна эта молодая дѣвушка?—спросила Жанна, рѣшивъ, что женщина въ синихъ очкахъ—надзирательница.

— Она вовсе не больна, это она присматриваетъ за больною: та, что въ очкахъ—безнадежная идіотка.

У посѣтителей, приходившихъ навѣщать больныхъ, тоже былъ удрученный и несчастный видъ, такъ что ихъ легко

Digitized by Google

было принять за нервно-больныхъ. Ясно было здѣсь, что въ сущности каждый таитъ въ себѣ хорошій матеріалъ для нервной болѣзни, и не хватаетъ, можетъ быть, пустяка, чтобы перешагнуть за грань здоровья.

Прилично одѣтый молодой человѣкъ приблизился къ доктору и тихо попросилъ его о чемъ-то. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ вѣжливо наклонилъ голову и удалился.

— Это вашъ ассистентъ?—поинтересовалась Жанна.

— Нѣтъ! Онъ просилъ меня телефонировать императору Англіи, чтобы ему поскорѣе высылали принцессу, которую онъ нанялъ въ горничныя!—спокойно отвѣтилъ докторъ.

Жанна вздрогнула. У нея уже слегка кружилась голова отъ видѣнныхъ ею желтыхъ, гримасничающихъ физіономій, подергиваній тиковъ и безсмысленныхъ глазъ.

Digitized by Google

Они подходили къ дверямъ главнаго флигеля хорошенькаго бѣлаго зданія, къ входной двери котораго вели широкія гранитныя ступени съ мраморной баллюстрадой, наверху образующія нѣчто въ родѣ балкона; на него выходили и большія свѣтлыя окна по бокамъ двери. Прямо противъ дверей шла наверхъ лѣстница, съ первой площадки раздѣлявшаяся на двѣ и сворачивающая назадъ ко второму этажу. Изъ лѣвыхъ дверей, ведущихъ въ буйное отдѣленіе, слышался гулъ, точно свистъ вѣтра, и, ясно выдѣляясь, неслись хриплые, жалкіе, злобные звуки:

— Не имѣете права! Не имѣете права!

Жанна прижималась ближе къ доктору, блѣднѣя. Мягкій, скрадывающій шаги коверъ довелъ ихъ до одной изъ дверей коридора. Тамъ докторъ остановился и постучалъ. Этотъ стукъ отозвался у Жанны въ сердцѣ, и оно на минуту замерло въ груди.

— Войдите! — послышался беззвучный голосъ. Дверь отворилась.

Digitized by Google

Передъ Жанной стоялъ Максъ—и не Максъ. Да, это была его характерная, красивая голова, его ротъ, его лобъ. Но какъ будто кто-то вынулъ изъ этого лица все выраженіе и оставилъ только блѣдную маску,—маску, снятую съ мертвеца. На этомъ мертвомъ лицѣ еще жили глаза, они смотрѣли и двигались. Они сохранили свой голубой цвѣтъ, всегда казавшійся такимъ страннымъ, дѣтски-наивнымъ своей яркостью на смугломъ лицѣ. Но за ними не было ничего. Безъ блеска, безъ свѣтящейся точки, мѣняющей выраженіе, они смотрѣли, словно не видя, и ужасенъ былъ этотъ взглядъ безъ взгляда.

Но, какъ всегда, внѣшнее джентльменство еще держалось въ этомъ призракѣ человѣка. Увидя даму, онъ запахнулъ пиджакъ на груди и забормоталъ:

— Пожалуйста, пр-шу покорно... садиться.

Рѣчь его была сильно затруднена. Онъ

Digitized by Google

спотыкался на *л* и *р* и иногда пропускалъ гласныя.

— Максъ!—съ волненіемъ произнесла Жанна, протягивая ему обѣ руки.—Развѣ вы не узнаете меня?

— Какъ не узнаю? Что съ вами, Жанна?—равнодушно отвѣтилъ онъ, какъ будто они и не думали разставаться. Очевидно, у него еще хватало интеллекта, чтобы вспомнить *фактъ*, но вспомнить *настроеніе* онъ уже не могъ и чувство радости уже было ему недоступно.

— Садитесь!—продолжалъ онъ, съ трудомъ подвигая ей стулъ.

Она машинально сѣла. Съ ней творилось что-то необычайное.

Несмотря на затрудненную рѣчь, на шаткую походку, на тусклый взглядъ—онъ все-таки казался ей нормальнымъ: онъ понималъ ее, узналъ, отвѣчалъ логично. И она не могла знать, что это была уже безсознательная, инертная работа мозга.

Digitized by Google

Обращаться съ нимъ, какъ съ больнымъ, представлялось ей невозможнымъ.

Подъ слегка насмѣшливымъ взглядомъ доктора, видѣвшаго и понимавшаго ея состояніе, она волнуясь начала разспрашивать Макса:

— Максъ! Голубчикъ мой! Какъ же вы себя чувствуете?

— Какъ я себя чувствую?—заволновался и Максъ.—Вер..ликлѣпно. Я свер... свершенно здоровъ. А меня здѣсь держатъ... держатъ... не пускаютъ, это интриги! У меня концертъ въ Парижѣ назначенъ, мнѣ ѣхать надо... Уже билеты взяты, а меня не пускаютъ! Все онъ! —съ мелькнувшимъ озлобленіемъ кивнулъ онъ на доктора.

— Вотъ видите!—тихо сказалъ тотъ поблѣднѣвшей Жаннѣ, и спокойно возразилъ Максу.—Вы отлично знаете, что вы еще не совсѣмъ оправились. Какъ вы говорите, напримѣръ? Опять хуже.

— Какъ... какъ я г... варю? Немудре-

Digitized by Google

но у васъ здѣсь от... отучиться говорить. Я къ обществу привыкъ... а здѣсь, что я? все одинъ. Эти гр... глупости читать, вотъ и все раз...лаз...влеченіе!—весь какъ-то дрожа и озлобленно проговорилъ онъ, швырнувъ на полъ книжку, лежавшую на столѣ.

Жанна опять вся была на его сторонѣ. Лицо ея горѣло. Конечно, онъ разсуждалъ логично. И среди нормальныхъ людей онъ быстро бы поправился!

Она съ затаеннымъ укоромъ взглянула на доктора. Тотъ выдержалъ ея взглядъ, чуть улыбнувшись, и успокоительно обратился къ Максу:

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, вы знаете,что васъ скоро выпишутъ. Вы лучше сыграйте-ка намъ ту симфонію, что вы намѣрены играть на вашемъ концертѣ!—безмятежно предложилъ онъ.

— О, съ удовольствіемъ!—сказалъ Максъ такъ весело, какъ будто за минуту ничего не происходило. Всѣ ощущенія,

Digitized by Google

проходившія по его душѣ—злоба, радость, отчаяніе—почти не отражались ни на его лицѣ, ни въ глазахъ, словно это были тѣни настроеній, что-то фиктивное и несуществующее.

Онъ подошелъ къ піанино,—его комната, благодаря заботамъ матери, была убрана съ извѣстной роскошью,—и поднялъ крышку знакомымъ Жаннѣ жестомъ, вдругъ напомнившимъ ей прошлое.

Она сѣла глубоко въ кресло и, не двигаясь, вся ушла въ слухъ...

Максъ заигралъ.

Странные, жалкіе звуки, съ намеками на мотивы, наполнили комнату ужасомъ. Руки Макса едва касались клавишъ; въ нихъ уже не было ни силы, ни точности, ни бѣглости—все это ушло, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему казалось, что онъ играетъ fortissimo, и онъ, обернувшись къ нимъ, говоритъ:

— Каково? Цѣлый оркестръ... Громъ! Землетрясеніе!...—Слабо, глухо, какъ тѣ-

Digitized by Google

низвуковъ, послышались нѣсколько страшныхъ аккордовъ похороннаго марша, еще мрачнѣе, еще зловѣщѣе, чѣмъ обыкновенно, благодаря этому pianissimo... и вдругъ перешелъ въ припѣвъ неаполитанской шансонетки: funiculi-funicula!... А тамъ изъ неяснаго хаоса диссонансовъ ясно прорвалась сладкая фраза Фауста: «laissè moi, laisse moi contempler ton visage...» и сейчасъ же была заглушена казачкомъ, а за нимъ изъ отрывковъ какого-то вальса выдѣлилось знакомое «мой свѣтлый лучъ...» и, оборвавъ на полутонѣ, Максъ всталъ.

— Что, хорошо? Не правда ли! Послѣ Чайковскаго парижане еще такой вещи не слыхали!—сказалъ онъ своимъ беззвучнымъ голосомъ.

— Значитъ, хорошо,—отвѣтилъ ему докторъ,—если вы барыню до слезъ довели!

Жанна дѣйствительно сидѣла вся помертвѣвшая; крупныя слезы катились у

Digitized by Google

нея изъ глазъ. Теперь для нея сомнѣнія не было.

То, что было прежнимъ, рыцарски вѣжливымъ, чуткимъ Максомъ, вдругъ заставило несчастнаго, помимо его воли, рефлексомъ,—склонить свою жалкую, остриженную голову передъ плачущей женщиной.

Онъ взялъ ея руку въ свои худыя руки и поцѣловалъ ее. Вдругъ она увидѣла слезы въ его ничего невыражающихъ глазахъ; онъ, словно что-то припоминая, произнесъ:

— Мой свѣтлый лучъ!

Что-то безпомощное было въ его голосѣ, когда онъ выговорилъ эту фразу изъ другого міра. Жанна не выдержала, привлекла къ себѣ эту худую голову и, не сдерживая слезъ, цѣловала его лобъ, но когда она отпустила его, онъ уже улыбался, занятый другой мыслью:

— Нѣтъ, какъ вы уснули-то въ ложѣ?— а, докторъ! Въ ложѣ уснула!—смѣясь сказалъ онъ.

Digitized by Google

Жанна сначала не поняла, но потомъ сообразила, что онъ вспомнилъ случай изъ ихъ заграничной поѣздки. Разъ она не спала всю ночь, скитаясь по разнымъ cabarets artistiques, въ Halles Centrales и т. п.—и до того устала на другой день, что вечеромъ въ театрѣ Мариньи задремала во время балета съ пѣніемъ, и съ полчаса проспала подъ тихую музыку какихъ-то поющихъ цвѣтовъ.

Ей ясно вспомнилось то ощущеніе, какъ она открыла глаза: изящный театръ, переливы музыки, переливы нѣжныхъ тканей, изгибающіяся въ пластическихъ позахъ красивыя женщины, какіе-то фантастическіе цвѣты, мягкія, ласкающія краски—и Максъ рядомъ съ ней въ ложѣ, красивый, здоровый, съ нѣжной насмѣшкой улыбающійся ея изумленному взгляду; точно она тогда не проснулась, а перешла въ еще болѣе сладкій сонъ, такъ было хорошо...

Боже мой!

Digitized by Google

Вѣдь сейчасъ передъ ней былъ Максъ, онъ говорилъ, глядѣлъ, отвѣчалъ ей? И это уже былъ не онъ. Онъ не существовалъ! Но онъ жилъ.

Страшная тайна встала передъ ней...

Въ дверь постучали — вошелъ ассистентъ.

— Вашъ спутникъ просилъ напомнить вамъ, что пора.

Жанна очнулась: надо было уходить. Она поднялась съ мѣста.

— Прощайте, Максъ! Я ухожу.

У него вдругъ мелькнуло въ глазахъ что-то похожее на выраженіе затравленнаго звѣря. Онъ, какъ ребенокъ, уцѣпился за ея платье и зашепталъ:

— Не уходите! возьмите меня съ собой.—Я домой хочу... домой... Возьмите меня!

Жанна едва высвободилась отъ него. Дрожащимъ голосомъ она стала успокаивать его:

— Максъ, милый мой, сейчасъ нельзя

Digitized by Google

васъ взять... Но я скоро вернусь къ вамъ... вернусь, и мы поѣдемъ.

— Вернетесь?—послушно, не пробуя протестовать, сказалъ онъ, выпуская ее.— Вернетесь?

— Вернусь непремѣнно, голубчикъ, скоро вернусь!—и она вышла, почти шатаясь.

Онъ проводилъ ее слабой поступью до дверей. Когда она у лѣстницы обернулась, онъ еще стоялъ въ дверяхъ, улыбался и вѣжливо кланялся ей.

— Хотите валеріанки?—предложилъ ей докторъ, видя ея блѣдность, когда они очутились въ гостиной.

Жанна безъ силъ опустилась въ кресло. Засѣкинъ началъ было шутливо упрекать ее:

— Вы меня совсѣмъ покинули! Я здѣсь съ горя столько прочелъ, сколько во всю жизнь не читалъ:

За полгода Revue des Revues и два тома Нивы осилилъ!

Digitized by Google

Но увидя ея лицо, бросилъ разговоры.

Она сидѣла, закрывъ лицо руками, и молчала.

— Сильно на барыню подѣйствовало!— произнесъ докторъ, отсчитывая капли.— Это съ непривычки.

— А вы привыкли? — спросилъ Засѣкинъ.

— О, еще бы!

Жанна выпила капли, поправила волосы и беззвучно сказала:

— Ѣдемъ...

Потомъ, прощаясь съ докторомъ, прибавила:

— Можно мнѣ завтра опять пріѣхать?

Засѣкинъ запротестовалъ:

— Жанна Ивановна, вы этакъ себя уходите!

— Нѣтъ. Я ему обѣщала. И не хочу его обмануть.

Докторъ снисходительно улыбнулся:

— Милая барыня, да онъ уже забылъ,

Digitized by Google

что вы у него были! Не дѣлайте себѣ иллюзій!

— Все равно... обмануть его—все равно, что у спящаго украсть!—прошептала Жанна.—Я пріѣду.

— Да сколько угодно, если только вамъ не тяжело! Мнѣ-то очень пріятно васъ видѣть!— пошутилъ докторъ, провожая ее до экипажа и срывая ей розу:

— Вотъ вамъ на память! Чудесный экземпляръ la France!... Самъ ростилъ...

Они поѣхали.

Жанна молчала. Засѣкинъ чувствовалъ, что съ ней говорить не стóитъ—все равно не услышитъ.

— Розу на память... На память о чемъ? Какая насмѣшка... и такъ до послѣдняго часа не уйдетъ все это изъ его памяти!—думала Жанна, судорожно сжимая нѣжный, полный цвѣтокъ.

Въ ушахъ ея звучала все время та безумная «симфонія», которую игралъ ей Максъ.

Digitized by Google

Она машинально смотрѣла на все, что мелькало передъ ея глазами: кривыя улицы, пыльные пустыри, вывѣски, дома и домишки... Вотъ возводимый какимъ-то милліонеромъ дворецъ, весь мраморный, съ колоннами и балконами, точно чудомъ перенесенный сюда изъ-подъ греческаго, южнаго неба, съ какой-нибудь Мадридской піаццы—сквозной, бѣлый, съ ажурными арками...

А рядомъ возъ, тяжело нагруженный сѣномъ. Везетъ его угрюмая кляча и рядомъ идетъ грязный, оборванный печенѣгъ въ лаптяхъ изъ березовой коры, какъ плели тысячу лѣтъ назадъ его предки.

Вотъ они проѣзжаютъ мимо заведенія, гдѣ когда-то они выбрасывали сотни: turbeau, sôle, filet de cailles, Suprême Alexandre III, Mumm Cordon Rouge.

А вотъ рядомъ полупьяная нищенка съ прозрачнымъ ребенкомъ на рукахъ, и у ребенка старческое, неподвижное лицо.

Digitized by Google

. . . . . .

И жизнь казалась Жаннѣ такой же дикой симфоніей, какую игралъ бѣдный Максъ.

Въ этотъ день Жанна гдѣ-то завтракала, потомъ была на скачкахъ; обѣдала въ Мавританіи, оттуда поѣхала въ театръ.

Встрѣчались какіе-то знакомые, каждый антрактъ въ ложу являлись, что-то ей говорили, подносили цвѣты, цѣловали руки. На сценѣ вертѣлись, пѣли и прыгали фантастическія японки съ громадными хризантемами, легкая, шаловливая музыка звенѣла въ ушахъ...

И изъ-за всего этого неотступно вставала маска блѣднаго лица... того, прежняго... и не того...

Когда стучались въ дверь ложи, ей вдругъ казалось, что дверь отворится— и войдетъ онъ, элегантный, оживленный, съ грандіозной коробкой отъ Флея... и

Digitized by Google

тутъ же воображеніе мгновенно рисовало ей его теперешняго, разслабленнаго, безсмысленнаго... И она встрѣчала вошедшаго широко раскрытымъ взглядомъ, въ которомъ читался ужасъ. Потомъ она спѣшила преодолѣть себя, улыбалась, лихорадочно шутила—но все: экзотическіе вальсы, веселые куплеты, хоръ и оркестръ— все это аккомпанировало одному слову, страшному, неподходящему и повторяющемуся въ ней съ каждымъ ударомъ сердца, съ каждой пульсаціей въ вискахъ: «Онъ погибъ! Погибъ! Погибъ»!

Это слово заглушало музыку, затемняло электрическій свѣтъ. Минутами она вся вздрагивала, холодѣла и, точно теряя сознаніе, судорожно сжимала ручку кресла, чувствуя, что вотъ-вотъ и ей сдѣлается дурно.

Послѣ театра они ужинали тутъ же въ саду, подъ сѣнью чахлыхъ и жалкихъ деревьевъ, освѣщенныхъ пестрыми элек-

Digitized by Google

трическими лампочками. Жанна машинально говорила, отвѣчала, улыбалась, оставаясь до послѣдней минуты закрытія сада, безсознательно боясь мысли очутиться одной.

Она вернулась домой и уже не могла заснуть. Сквозь опущенныя гардины пробивался разсвѣтъ яркаго лѣтняго утра. Слышался тяжелый скрипъ отпирающихся воротъ, чьи-то голоса, топотъ лошадей по асфальту.

Было жарко, душно. Жаннѣ казалось, что вокругъ нея нѣтъ воздуху, а какая-то тепловатая, неподвижная масса, въ которой она задохнется. Она лежала, тревожно ворочаясь съ боку на бокъ, голова ея горѣла, сердце усиленно билось. Все время ея воспоминаніе работало. То вдругъ приходили клочки, обрывки ихъ свиданій, ихъ разговоровъ. Вырисовывался уголъ отдѣльнаго кабинета, зеркало, изрѣзанное надписями, цвѣты въ хрустальномъ цилиндрѣ... Откуда-то появлялось

Digitized by Google

глупое, бритое лицо татарина и смѣхъ Макса:

— Мы компрометируемъ себя, Жанночка, въ этихъ заповѣдныхъ мѣстахъ! Хоть для приличія поцѣлуемся!

И бѣглый поцѣлуй, не оскорбляющій ее грубой страстью, но все-таки чуть нѣжнѣе дружескаго...

Потомъ вдругъ — клочокъ идилліи: сосны съ красными стволами, голубое море, голубое небо — и онъ переноситъ ее на рукахъ черезъ ручеекъ... Это они на пикникѣ въ Финляндіи...

А тамъ звонъ гитары и его голосъ:

«Но безъ тебя я умеръ бы, я знаю,
Мой свѣтлый лучъ!...»

И опять — идіотическая маска сегодняшняго Макса.

Свѣтлый лучъ!...

Что же, что она ему озаряла?

И вдругъ съ безпощадной ясностью явился ей и отвѣтъ: то же, что могла

Digitized by Google

бы дать ему всякая продажная женщина. Тѣ же ночные кутежи, загородные рестораны, пикники... Вотъ все, что ея память приводила ей теперь отъ ихъ дружбы.

Она спекулировала словомъ *дружба*! Она себялюбиво эксплуатировала это слово, въ полной увѣренности, что очень хорошо поступаетъ. Да и что же она дѣлала дурного? Отношенія ихъ были вполнѣ чистыми... Она никогда не взяла бы у него ни гроша... Въ минуты тоски она его утѣшала.

Но безпощадный голосъ словно откуда-то извнѣ продолжалъ ей отвѣчать:

— А попробовала ли она заглянуть въ его душу, пробудить въ немъ интересъ къ жизни, къ какому-нибудь дѣлу?

Нѣтъ, она только помогала ему «веселиться», не спать ночи, одурманивать себя, прожигать жизнь, жечь ее съ двухъ концовъ.

Вотъ оно!...

Digitized by Google

Слова доктора зазвучали ясно у нея въ ушахъ:

— Конечно, каждая капля алкоголя была для него гибелью!..

И кто знаетъ, можетъ быть онъ и не погибъ бы, если бы не такое безумное существованіе.

Но фактъ, что такъ или иначе — даже по своему желая ему только добра — она все же влила хоть каплю отравы, — да, влила въ его жизнь.

Ну, пускай безсознательно, пускай она легкомысленно не вѣдала, что творила, но все же она была причастна къ этому медленному убійству. И теперь, когда передъ ней вставало это ужасное, полуживое лицо, — о, какой ироніей, какой безжалостной ироніей слышался беззвучный голосъ, бормочущій:

— Мой свѣтлый лучъ!..

Когда Засѣкинъ пришелъ на другой день, онъ прямо испугался.

Digitized by Google

— Вы какая-то прерафаэлистская живопись сегодня! Что съ вами? Вы больны?

Жанна, смертельно блѣдная, съ небрежно раздѣленными прямымъ проборомъ волосами, въ какой-то блекло-бирюзовой свободной блузѣ, правда, на себя была не похожа.

— Надо вамъ воздуху взять! — заботливо говорилъ Засѣкинъ. — Одѣньтесь и поѣдемъ. День чудный!

— Въ лѣчебницу поѣдемъ! — устало сказала Жанна.

— Ну, нѣтъ!—возмутился Засѣкинъ.— Я васъ туда больше возить не намѣренъ! Этакъ вы и сами тамъ скоро совсѣмъ останетесь!

— Такъ я одна поѣду! — равнодушно отвѣтила Жанна.

Черезъ часъ они уже были въ лѣчебницѣ, и съ этихъ поръ Жанна не пропускала ни одного дня. Объ отъѣздѣ изъ Москвы она и не говорила. По вечерамъ она по обыкновенію проводила

Digitized by Google

время съ Засѣкинымъ, ѣздила въ паркъ, въ театры, на симфоническіе концерты, словомъ, по виду вела обычную жизнь и была съ Засѣкинымъ оживлена, мила и любезна, не давая ему времени выговаривать ей за частыя посѣщенія лѣчебницы и какъ бы стараясь, чтобы онъ не замѣчалъ въ ней никакой перемѣны.

Но каждое утро она ѣздила въ лѣчебницу. Она ѣздила туда одна, отговариваясь разными дѣлами, когда Засѣкинъ просилъ разрѣшенія придти къ ней утромъ.

Ее влекла къ себѣ лѣчебница, какъ влечетъ убійцу мѣсто преступленія.

Скоро докторъ и ассистенты встрѣчали ее, какъ старую знакомую, и она тамъ знала всѣ углы. Знала она и всѣхъ больныхъ. И несчастную, лежавшую не вставая, женщину, похожую на двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку со ссохшимся, когда-то красивымъ, личикомъ. Она медленно умирала; голосъ ея походилъ на шорохъ листьевъ; этимъ умирающимъ голо-

Digitized by Google

сомъ она говорила Жаннѣ «здравствуйте» и «прощайте», потомъ повторяла единственное, что оставалось въ ея головѣ:

— Дѣти тамъ... мои дѣти... спрятаны въ коробочкѣ...

Затѣмъ укутывалась съ головою и лежала уже въ небытіи.

Знала Жанна и стараго профессора, когда-то бывшаго любимцемъ студентовъ, который теперь только мычалъ и смѣялся безумнымъ смѣхомъ, послѣ трагической потери двухъ сыновей, и молоденькую, страдавшую неизлѣчимой меланхоліей, дѣвушку, доведенную до этого жестокостью мачехи, и много другихъ.

Все это были концы существованій, послѣдствія тяжелыхъ и невидимыхъ житейскихъ драмъ, страшныхъ болѣзней или проклятія наслѣдственности, которыхъ мы и не видимъ, и не замѣчаемъ, пока медленно, за прикрытіемъ каменныхъ стѣнъ, свѣтскихъ приличій, семейной тайны, идетъ ихъ разрушительный про-

Digitized by Google

цессъ, и которыя вдругъ становятся ясны во всемъ своемъ ужасѣ только тогда, когда онѣ уже непоправимы.

Всѣ эти ужасныя лица, померкшіе глаза, странные голоса—все это заставляло Жанну проникаться страстною жалостью къ нимъ; сердце ея дрожало при видѣ чужихъ страданій, впервые явившихся ей во всей своей наготѣ.

Но всего ужаснѣе ей было видѣть Макса.

Максу становилось съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ хуже. Болѣзнь достигла полнаго развитія и теперь быстро спѣшила къ концу.

Онъ все нечленораздѣльнѣе говорилъ, съ бо̀льшимъ трудомъ двигался. Жанну онъ узнавалъ, тѣмъ болѣе, что она возила ему все, чего онъ ни просилъ: фрукты, конфеты, сигары. Но обращеніе его дѣлалось все страннѣе. Иной разъ узнаетъ ее—и сейчасъ же, не обращая никакого вниманія, отойдетъ въ сторону и займется чѣмъ-нибудь.

Digitized by Google

Иной разъ оживится, начнетъ разсказывать:

— А вотъ у насъ вчера былъ вечеръ, очень весело было...

А когда она удивится, что ей ничего не говорили о вечерѣ, ассистентъ объясняетъ ей, что вечеръ, о которомъ говоритъ Максъ, былъ два мѣсяца тому назадъ.

Послѣдніе дни онъ почти не вставалъ съ постели, но когда она приходила, онъ сейчасъ же начиналъ собираться:

— Ѣдемъ же въ Парижъ! Мнѣ надо, надо!

— Ѣдемъ, другъ мой, сейчасъ ѣдемъ!— подтверждала она, а онъ уже не въ силахъ былъ сползти съ постели, весь дрожалъ и трясущимися руками хватался за воздухъ, воображая, что одѣвается.

— Что же это, что же это, докторъ!— съ отчаяніемъ спрашивала Жанна доктора, измученная этой медленной агоніей.

Digitized by Google

— Что? Это конецъ, милая барыня!— серьезнѣе обыкновеннаго отвѣчалъ онъ. —Въ одинъ прекрасный день онъ совершенно незамѣтно покинетъ земную юдоль. Хорошо еще, что по большей части смерть бываетъ въ этихъ случаяхъ отъ паралича сердца и мгновенная.

— Да и не лучше ли смерть? Развѣ это можно назвать жизнью?—тихо спросила Жанна.

Они спускались съ докторомъ съ лѣстницы, оставивъ Макса полууснувшаго.

Навстрѣчу имъ поднималась стройная молодая красавица. Еще издали Жанна обратила вниманіе на ея тонкую талію и пышную грудь, облегавшуюся мягкими складками черной шелковой ткани, на маленькую, граціозно поставленную головку съ тяжелыми пепельными волосами.

Только вблизи Жанна разсмотрѣла странный цвѣтъ ея лица, какъ мраморъ, испещренный тоненькими багровыми жилками, и легкую одутловатость, порти-

Digitized by Google

вшую нѣжный овалъ лица. Несмотря на это, хороша она была удивительно.

Красавица опустила свои синіе глаза, поровнявшись съ ними, и какъ-то стыдливо и вмѣстѣ гордо прошла, позванивая длинными золотыми цѣпочками, висѣвшими на ея груди.

— Кто это? — невольно пріостановившись, спросила Жанна.

— Это одна больная.

— Больная? — почти съ ужасомъ повторила Жанна. — Почему же я не видѣла ея?

— Она рѣдко выходитъ и просила никого не пускать къ ней.

— Больная... но что же она...

— А что, хороша?

— Удивительно.

— Это... алкоголичка и, вѣроятно, неизлѣчимая.

— Какой ужасъ! — вырвалось у Жанны. — Но какъ же... Что же...

— Милая барыня, на основаніи много-

Digitized by Google

лѣтняго опыта, могу вамъ сказать, что если женщины дѣлаются алкоголичками, то въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста надо искать причину этого въ ея сердечныхъ и семейныхъ дѣлахъ. А это... но вамъ все станетъ ясно, когда я скажу, что ея мужъ—знаменитый баритонъ Эннони!

Жанна поблѣднѣла и пошатнулась.

Вскорѣ послѣ ея пріѣзда въ Петербургъ,—лѣтъ 8 тому назадъ,—она познакомилась съ Эннони, все у того же Фирсова. Она сразу понравилась пѣвцу, онъ ей тоже. И между ними завязался одинъ изъ тѣхъ мимолетныхъ и, какъ обоимъ казалось, красивыхъ романовъ, которые такъ естественно развязываются необходимостью разлуки. Оба уѣхали служить въ разные города и оба сохранили другъ о другѣ пріятное, безпечное воспоминаніе... одно изъ многихъ.

Ихъ таинственныя встрѣчи, легкіе и шаловливые разговоры, ласки, гдѣ не

Digitized by Google

было замѣшано сердце, разлука безъ страданія—все это принесло имъ одно удовольствіе и *никому не мѣшало!*

«Я свободна!—разсуждала Жанна.—И его свободы не стѣсняю».

И вотъ теперь нужно было, чтобы одинъ за другимъ спадали покровы съ ея себялюбивыхъ иллюзій. Это было еще страшнѣе!

Такъ, можетъ быть, въ эту минуту, когда она поджидала Эннони гдѣ-нибудь вечеромъ на набережной, подъ темной вуалью, съ розами на груди, въ это время несчастная женщина терзалась его отсутствіемъ, и каждая минута ихъ поцѣлуевъ отсчитывалась на циферблатѣ ея жизни лишней слезой, ихъ счастливые вздохи искупались рыданіями.

Она страдала, какъ когда-то страдала мать Жанны.

Она шла къ вѣрной гибели и даже не знала, что Жанна была одной изъ ступеней для этого,—одной изъ тѣхъ не-

Digitized by Google

извѣстныхъ соперницъ, которыхъ она даже не знала и которыя убивали ея молодую душу.

И теперь, встрѣтившись съ Жанной на узкомъ пространствѣ лѣстницы, скользнувъ по ней взглядомъ, она даже и не подозрѣвала, что передъ ней стоитъ безнаказанная, красивая, молодая женщина, которая влила и въ ея жизнь свою каплю отравы...

Вернувшись домой, Жанна заперлась. Она не велѣла никого пускать къ ней. Напрасно Засѣкинъ, несмотря на заявленіе швейцара, поднялся наверхъ и долго стучалъ у двери,—она не откликнулась ему. Такъ онъ и ушелъ, увѣрившись, что ея нѣтъ дома. Она ходила по комнатѣ и въ отчаяніи ломала руки.

Такъ вотъ въ какомъ видѣ, искаженныя, точно въ «адскомъ зеркалѣ», являлись къ ней теперь «красивыя» воспоминанія ея молодости, о которыхъ она не думала прежде иначе, какъ съ мечтательной

Digitized by Google

улыбкой, какъ съ легкимъ умиленіемъ надъ своими «джентльменскими», какъ она любила говорить, чувствами, заставлявшими ее сохранить чистою свою дружбу съ Максомъ или не требовать ничего отъ Эннони, ставъ съ нимъ на равную ногу товарища.

Теперь судьба случайно указала ей *продолженіе* двухъ ея романовъ.

Конечно, она не могла предвидѣть ничего подобнаго. Она не думала ни о чемъ, кромѣ настоящей минуты. Она самовольно захлопнула книгу на любой главѣ и, не дочитавъ послѣдняго акта пьесы, увѣрила себя, что пьеса кончается счастливо. И теперь случайность, судьба жестоко указывала ей, что это не такъ.

Но, значитъ, тогда и другіе, можетъ быть, и всѣ другіе ея поступки тоже несутъ искупленіе въ будущемъ?

Такъ ея независимость, ея либеральные взгляды на «свободу чувства», на то, что женщина принадлежитъ себѣ и

Digitized by Google

вольна дѣлать, что угодно, что тѣло и душа двѣ вещи различныя—все это такъ же фальшиво, какъ «свѣтлый лучъ» въ устахъ Макса.

Почему же... почему ей суждено, даже не дѣлая зла, всюду вносить только *отраву?*

Или это и было зло, все то, что она дѣлала? Гдѣ же добро? Чѣмъ же жить?..

И Жанна билась головой объ стѣну, въ нѣмомъ отчаяніи, но ясно чувствовала только одно, что такъ дальше жить нельзя, что прежнее существованіе уже немыслимо, разъ ушло это безсознательное легкомысліе, которое заставляло жизнь казаться такой несложной и веселой...

Въ ея сердце забралась и совершала свой процессъ отрава; тотъ ядъ, которому суждено или принести смерть, или, властно вытравивъ все больное, все ненужное, освободить организмъ къ новому здоровью, къ новой жизни.

Digitized by Google

Переходъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Сегодня Фирсову встрѣтилъ актеръ Зарѣцкій, прошелъ рядомъ съ ней—и не узналъ ея.

У нея совершенно мимо воли вырвалось:

— Андрей Павловичъ!

Потомъ она немедленно раскаялась, что окликнула его, и готова была свернуть въ переулокъ, да поздно было: онъ уже оглянулся, пріостановился и актерскимъ звукомъ произнесъ, приподнимая цилиндръ:

— Виноватъ... Э...

И вдругъ совсѣмъ другимъ тономъ воскликнулъ:

Digitized by Google

— Надежда Сергѣевна! Вы ли это? Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— И всего только три года...—смущенно возразила она.

— Нѣтъ... четыре... послѣдній разъ я пріѣзжалъ гастролировать къ Роману Петровичу четыре года тому назадъ.

— Да, правда...

— Какъ вы измѣнились, мамочка моя!..

— Постарѣла!—съ грустной ироніей отвѣчала Фирсова, избѣгая его взгляда и смотря куда-то въ сторону.

А онъ стоялъ передъ нею, красивый, бритый до синевы, величественно запахиваясь въ бобровую шинель, и снисходительно возражалъ:

— Что вы, что вы... нисколько... пополнѣли, это правда! Что же вы подѣлываете? Супругъ какъ поживаетъ?

— Ваня уже годъ какъ умеръ.

— А!.. Извините... Я и не зналъ. Что же?—счелъ онъ нужнымъ поинтересо-

Digitized by Google

ваться.—Вѣдь онъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ былъ?

— Скоротечная... — коротко сказала Фирсова.

Ей вдвойнѣ больно было говорить объ этомъ, чувствуя то едва любезное равнодушіе, съ которымъ Зарѣцкій разспрашивалъ ее.

— А дѣтки... есть?

— Двое... Мальчики.

— Да-а... Что же, опять служить будете?

— Я и не переставала... служу... у Романа Петровича... да вотъ, боюсь...

Но она вдругъ разсердилась сама на себя. Съ какой стати посвящать ей этого сытаго господина въ свои страхи и опасенія? Что жъ, что онъ когда-то за ней ухаживалъ и напѣвалъ ей сладкія слова? Развѣ она такая тогда была? Она была тоненькая, миленькая «инженюшечка»; правда, красотою особенной никогда она не отличалась, но свѣженькая

Digitized by Google

была, глаза горѣли и смѣялись, зубы блестѣли, и, главное, зажигательно весела была: ее такъ и въ театрѣ «бѣсенкомъ» звали... Куда это все дѣлось?

Отвѣтъ становился яснымъ, если взглянуть на двухъ малышей, пищавшихъ въ ея каморкахъ... Но Зарѣцкій ихъ не видѣлъ—и не могъ понять, что сдѣлалось съ бѣднымъ «бѣсенкомъ»,—только въ глазахъ его ясно читала она сожалѣніе, обидное, небрежное сожалѣніе...

— Еще и стоять-то ему со мной, пожалуй, непріятно... Ишь, бобры какіе... А я въ своей кацавейкѣ...

И она вдругъ быстро и рѣзко кинула ему:

— Прощайте... я тороплюсь.

И, не давъ ему времени опомниться, она скрылась направо въ переулкѣ.

«Чортъ возьми! Недурна была дѣвочка, а теперь... Смотрѣть тошно. Какъ это онѣ скоро успѣваютъ обабиться!»—

Digitized by Google

размышлялъ Зарѣцкій, продолжая свой путь.

Впрочемъ, скоро онъ забылъ о «незначущей встрѣчѣ» и весь расплылся въ улыбку навстрѣчу 16-лѣтней блондинкѣ, съ ясными глазами херувима, въ котиковой шапочкѣ и съ папкой въ рукахъ, выходившей изъ дверей музыкальнаго училища.

Херувимъ тоже улыбался ему, краснѣя; и въ оживленной бесѣдѣ они пошли впередъ, довольные, веселые и жизнерадостные...

А Фирсова долго еще не могла успокоиться.

Шагая по обмерзлымъ тротуарамъ, она нервно кусала губы, и прошлое, такое недавнее, какъ въ калейдоскопѣ, кружилось передъ ней.

Какъ же! Пророчили успѣхъ, находили способности... Сравнивали съ знаменитой ея бабушкой, Румянцевой...

Digitized by Google

До сихъ поръ изъ рецензій хранитъ она выдержки.

«Молодая дебютантка напомнила намъ своей живостью и непринужденностью знаменитую свою бабушку, Румянцеву; тѣ же неправильныя черты, тотъ же огонь въ глазахъ; мы надѣемся, въ виду данныхъ юной артистки, въ скоромъ времени сказать—и тотъ же талантъ».

Это писалъ о ней старый, заслуженный критикъ лучшей газеты...

И выдвинулась бы, можетъ быть, если бы не эта несчастная любовь, тянувшаяся нѣсколько лѣтъ и отнимавшая все время стремленіе къ успѣху, желаніе работать; если бы не это, наконецъ, рѣшенное замужество съ бѣднымъ банковымъ чиновникомъ—а тамъ... въ три года двое дѣтей (послѣдній родился уже послѣ смерти мужа)... болѣзнь Фирсова...

Потомъ—смерть его, когда ей даже плакать нельзя было, а надо было думать о двухъ малышахъ, о томъ, чтобы

Digitized by Google

у нихъ было и молоко, и дрова, и... да всего не перечтешь.

И ночью даже она не могла уткнуться въ подушку и выплакать свои слезы, потому что—то изъ колясочки, гдѣ спалъ двухлѣтній Тосикъ, то изъ бѣльевой корзинки, замѣнявшей колыбельку Ванѣ, слышался жалобный пискъ, и надо было бѣжать пеленать, кормить, качать, убаюкивать...

Тосика вскормила она сама; Ваню тоже хотѣла кормить, но у нея на второмъ мѣсяцѣ пропало молоко, и пришлось взять кормилицу.

Какъ сдѣлать, чтобы на ея пятьдесятъ рублей и дѣтей прокормить, и кормилицу найти порядочную—она и придумать не могла, но такая вышла удача: кормилица нашлась хорошая и нетребовательная, душевная баба.

Довольствовалась своими десятью рублями, больше не старалась ничего вытянуть и поняла положеніе своей барыни.

Digitized by Google

Правда и то, что настоящей барыней была она, а не Надежда Сергѣевна, которая безпрекословно подчинялась всѣмъ ея желаніямъ и распоряженіямъ, во что бы то ни стало усиливаясь сохранить ее. На нее она, по крайней мѣрѣ, совершенно спокойно могла оставлять дѣтей въ тѣ рѣдкіе вечера, когда она играла.

Да, все рѣже и рѣже теперь случалось ей играть.

Романъ Петровичъ держалъ ее—она сама не знала изъ-за чего: изъ уваженія ли къ ея бабушкѣ, изъ жалости ли къ ней... Но все-таки она не поднялась съ пятидесяти рублей. Какъ она получала въ первый годъ службы пятьдесятъ рублей—такъ и теперь. Ролей ей доставалось все меньше и меньше. Да и дѣйствительно, для водевилей она не подходила: ея болѣзненная полнота и обрюзглость производили непріятное впечатлѣніе, мѣшали ей—и все чаще и чаще режиссеръ поглядывалъ на нее такими же

Digitized by Google

глазами, какіе были сегодня у Зарѣцкаго...

О, этотъ взглядъ полупрезрительнаго сожалѣнія! Какъ ударомъ хлыста, обжигалъ онъ Надежду Сергѣевну... Но не женщину оскорблялъ онъ въ ней—гдѣ тамъ! А пугалъ мать,—мать, въ смертельномъ страхѣ сознававшую, что вотъ-вотъ она можетъ лишиться послѣдняго заработка, и тогда... Но при одной мысли о томъ, что будетъ тогда,—ужасъ охватывалъ ее, и когда-то легкомысленная «инженюшечка» принималась молиться и креститься простыми бабьими крестами со всхлипываніями.

II.

Фирсова не замѣтила, какъ дошла до низкаго забора, машинально дернула калитку и только тогда опомнилась, что она дома.

Она отворила безъ звонка дверь со двора, обитую потрескавшейся клеенкой,

Digitized by Google

изъ-подъ которой торчали куски мочалы; поднялась ступенекъ на десять по кривой деревянной лѣстницѣ и дернула вторую дверь.

Та выходила прямо въ крохотныя сѣнцы, составлявшія собственно часть одной комнаты, не доходящей до потолка, перегородкой раздѣленной на четыре неравныя части: «переднюю», кухоньку и двѣ каморочки. За это, громко именуемое «квартирой въ три комнаты съ кухней», помѣщеніе брали съ нея безъ дровъ 20 рублей въ мѣсяцъ.

Изъ-за дверей слышался дѣтскій пискъ и монотонное:

«А-а, á-а, á-а, а... Тш... тш... тш... тш...»—кормилицы.

Сразу Фирсову охватилъ запахъ тѣснаго помѣщенія, пеленокъ, молока, чего-то прокислаго, чѣмъ неизбѣжно пахнетъ тамъ, гдѣ есть деревенская кормилица и дѣти.

Digitized by Google

Фирсова привыкла къ этому запаху, но послѣ свѣжаго морознаго воздуха ее прямо шатнуло.

— Кормилица! Ты опять форточки не отворяла.

— Да, какъ же! Выдумщицы! Стану я форточки вамъ отворять! Тосикъ кашляетъ, да и Ванечку куды я дѣну? Перегородки-то не до верху: въ одной комнатѣ откроешь, всѣ настудишь!—ворчливо отвѣтила кормилица. Она сидѣла на старомъ диванѣ, служившемъ Фирсовой кроватью, и качала Ваню.

Тосикъ тутъ же въ одной рубашонкѣ сидѣлъ и занимался тѣмъ, что усиленно старался запихнуть маленькую, розовую и пухлую ножонку себѣ въ ротъ, держа ее обѣими руками и кряхтя, когда она не поддавалась его усиліямъ.

Сынъ кормилицы, пятилѣтній Семка, въ вязаной фуфайкѣ и старыхъ башмакахъ Фирсовой, не зная, куда себя дѣвать, хныкалъ и приставалъ:

Digitized by Google

— Мамка! Гулять пусти на вулицу! Мамка-а!..

Та время отъ времени давала ему молчаливый подзатыльникъ и снова принималась за свое:

— Ба-ай, ба-ай, ба-ай, бай!

Въ комнатахъ какъ-то не было ничего цѣльнаго. На первый взглядъ казалось, что тамъ все обломки, обрывки, остатки.

Колченогіе стулья; какіе-то старые деревянные ящики, изъ которыхъ торчало неопредѣленное тряпье; лампа съ отбитымъ стекломъ, чашки безъ ручекъ, блюдца безъ чашекъ и т. д.

Еще въ первой комнатѣ было хоть подобіе порядка. Замѣчалось намѣреніе сдѣлать изъ нея нѣчто въ родѣ «гостиной». По крайней мѣрѣ столъ былъ накрытъ цвѣтною скатертью, на комодѣ стояло зеркало, имѣлись даже два кресла, обитыя кретономъ, и лоскутки того же кретона успѣшно замѣняли драпировки у окна, хотя и тутъ на столѣ, рядомъ съ

Digitized by Google

фотографіями, памятью прошлаго, валялись вязаные мокрые башмачки, рожокъ съ молокомъ, а на зеркало была для просушки повѣшена пеленка.

Но что творилось въ сосѣдней комнатѣ, побольше, гдѣ стояла кровать кормилицы и коляска, и корзиночка дѣтей— этого описать было бы невозможно: такой безпросвѣтный хаосъ тамъ царилъ.

— У тебя опять не прибрано, кормилица! Съ утра!—со смиреннымъ упрекомъ сказала Фирсова.

— Да! Есть тутъ когда прибирать!— огрызнулась кормилица.—Небось, трое— всѣ руки оторвали. Охъ, ты, разгулялся! И не думаетъ спать! Тш-тш-ш-ш-ш... Принесли, что ли?

— Три съ полтиной... больше не даютъ. И то проценты вычли.

— Ну, ладно. Завтра дровецъ купимъ.

— А до завтра-то хватитъ?

— Хватитъ, хватитъ! Ну, таперя вы его покачайте, а я пойду похлебку по-

Digitized by Google

смотрю. Небось, сами-то отощали!—съ грубоватой заботливостью заявила кормилица и передала закутанный комочекъ на руки Фирсовой. Та покорно взяла ребенка. Она уже успѣла снять свое «выходное» платье—единственное уцѣлѣвшее изъ гардероба, и повѣсила сушить мокрый подолъ у печки.

Теперь она была въ бумазейной блузѣ съ протертыми локтями.

Она сѣла на мѣсто кормилицы и затянула знакомое:

— Ба-ай, ба-ай, ба-ай, бай!

Должно быть съ полчаса сидѣла она, задумавшись и безсознательно убаюкивая уже заснувшаго ребенка.

Кормилица мѣшала распространявшую запахъ капусты похлебку и поджаривала картошку. Семка вертѣлся тутъ же и жадно глядѣлъ ей въ ротъ; мимоходомъ она совала ему кусочекъ чего-нибудь и отгоняла его. Тосикъ, очевидно, находилъ источникъ интереса въ самомъ се-

Digitized by Google

бѣ и тихо ворковалъ что-то непонятное никому, кромѣ его самого.

Вдругъ заскрипѣлъ блокъ у двери, и за перегородкой послышалось шарканье тяжелыхъ сапоговъ и чье-то покашливанье.

— Матушки, кто тамъ?

Кормилица выглянула за дверь.

— Барыня, это Федоръ Ивановичъ!

Федоръ Ивановичъ былъ разсыльный изъ театра. Появленіе его всегда сопровождалось волненіемъ у Фирсовой, и сейчасъ она даже покраснѣла. Быстро положила она ребенка на диванъ, отчего онъ опять запищалъ, и вышла къ разсыльному, запахивая блузу на груди.

— Что, Федоръ?

— Пожалуйте расписаться,—отвѣчалъ онъ, протягивая ей огрызокъ карандаша, висѣвшій у книжки.—Сегодня къ тремъ часамъ въ театръ.

Что такое?

Digitized by Google

Сердце захолонуло у Надежды Сергѣевны.

— Не знаешь, что тамъ, Федоръ, голубчикъ?

— А намъ почемъ знать? — отвѣчалъ Федоръ, потянувъ носомъ воздухъ. — Намъ развѣ говорятъ?

— Репетиція будетъ?

— Нѣтъ, репетиція нынче въ десять часовъ... Такъ чего-нибудь...

— Ну, приду, приду... — торопливо подписывая свое имя, сказала Фирсова.

Разсыльный вышелъ, а она опустилась на диванъ безъ силъ, вся замеревъ въ предчувствіи бѣды.

Сердце у нея колотилось и словно подступало къ горлу. Руки похолодѣли. Пискъ дѣтей отдавался въ ушахъ тупою болью, нылъ въ сердцѣ, и чувство страшной безпомощности охватывало ее.

— Зовутъ... послѣ репетиціи... Замаевъ зоветъ. Будетъ... знаю, что будетъ. «Не нужны», скажетъ. Выгонитъ! И то: ма-

Digitized by Google

ло ли теперь на вторыя роли молоденькихъ, хорошенькихъ, съ туалетами... Изъ богатыхъ домовъ—а не то и съ богатыми покровителями. У Орлицыной такъ брилліанты и сверкаютъ! У Рамской что ни шляпка—то больше стоитъ, чѣмъ я въ два мѣсяца получу. Имъ хоть безъ жалованья служить: еще иная сама платить готова, чтобы только на сцену поступить... И красивыя, молодыя... О, Господи! Дѣти мои, дѣти, что же я буду съ вами-то дѣлать!..

Она привалилась къ облѣзлому валику дивана и, спрятавъ голову, принялась плакать тихо и беззвучно, вся вздрагивая отъ рыданій.

— Ну, чего, чего?—попробовала утѣшить ее кормилица, наклоняясь надъ ней.—Чего убиваетесь-то, право? Поѣли бы вотъ... И картошка готова.

Но видя, что и ея уговоры не дѣйствуютъ, она махнула рукой и отошла.

Тосикъ посмотрѣлъ на мать.

Digitized by Google

Онъ еще ничего не говорилъ, но уже все понималъ, что ему говорили. Это было то таинственное состояніе, когда ребенокъ уже на землѣ, между насъ, но еще прикованъ какими-то необъяснимыми путами къ тому міру, изъ котораго явился.

Его большіе сѣрые глаза глядѣли обыкновенно ясно и точно проницательно, и онъ улыбался, когда ему что-нибудь говорила мать или кормилица, такъ странно улыбался кроткой, дѣтской улыбкой, словно хотѣлъ сказать:

— Подождите, потерпите, скоро я заговорю—и тогда на все отвѣчу вамъ; потерпите.

А сейчасъ онъ увидѣлъ, что мать плачетъ, губки его задрожали, и онъ, протянувъ къ ней ручонки, горько заплакалъ самъ. Чего не могли сдѣлать увѣщанія кормилицы, совершилъ плачъ сына.

Фирсова немедленно вышла изъ своего оцѣпенѣнія, схватила мальчика на ру-

Digitized by Google

ки и, покрывая его жадными поцѣлуями, твердила:

— Ничего... ничего... не плачь, мой голубчикъ, сокровище мое! Въ горничныя пойду, полы мыть стану—но вы-то у меня сыты будете, милые мои, ненаглядные!..

Но со словами утѣшенія все-таки текли слезы,—слезы страха и безпомощнаго отчаянія.

III.

Варвара Петровна Радина-Стрѣлецкая сидѣла въ своей просторной столовой, дубовыя стѣны которой были увѣшаны гобеленами блеклыхъ тоновъ. Сидѣла она въ креслѣ empire и пила кофе.

Стрѣлецкій въ легкой тужуркѣ сидѣлъ напротивъ Варвары Петровны и читалъ газеты. Прислуживала горничная, ступавшая неслышно, затянутая въ корсетъ, съ бѣлымъ чепчикомъ на головѣ.

Digitized by Google

Картинка получалась очень красивая: настоящій завтракъ двухъ молодыхъ супруговъ «enfin seuls!»

Все дышало изяществомъ, семейственностью, порядкомъ.

Все было какъ-то въ тонъ: и свѣтло-голубой—bleu pastel—суконный капотъ, выгодно оттѣнявшій золотистые волосы хозяйки, и темно-синяя тужурка хозяина, и ослѣпительно-бѣлая скатерть, и голубой фарфоръ, и блескъ серебра на столѣ, и вылинявшія фигуры пастушковъ и пастушекъ, улыбающихся съ гобеленовъ неясными наивными улыбками...

Да, картинка была бы прехорошенькая, если бы... не солнце, безпощадное солнце. Оно яркимъ свѣтомъ заливало столовую, и, какъ всегда при его лучахъ, правда выступала наружу и громко заявляла свои права.

Оно позволяло разглядѣть, что стѣны столовой только отдѣланы подъ дубъ, что гобелены—поддѣльные; серебро, во-

Digitized by Google

все не серебро, а мельхіоръ, а красивый бѣлокурый цвѣтъ волосъ хозяйки несомнѣнно пріобрѣтенъ у Mothiron.

Оно показывало и утомленные глаза Варвары Петровны, и морщинки около глазъ и на шеѣ, и сѣроватый оттѣнокъ кожи, уставшей отъ косметикъ и притираній...

Также неуловимо отчетливо освѣщало оно въ этой, на видъ такой уютной семейной картинкѣ, печать скуки и недовольства, нависавшихъ тяжелой пеленой, звучавшихъ въ каждомъ словѣ супруговъ, несмотря на то, что онъ иначе не обращался къ ней, какъ со словами: «Душенька», «милочка» или «ангелъ мой», а она его называла «Мися».

И онъ, и она служили у Романа Петровича уже больше пятнадцати лѣтъ. Это было одно изъ супружествъ, считавшихся въ артистическомъ мірѣ примѣрнымъ. Они старались всячески корректно вести себя,—въ этомъ было ихъ

Digitized by Google

самолюбіе; и главнымъ желаніемъ ихъ было—чтобы ихъ не смѣшивали съ актерской «богемой», какъ они выражались. Ни позднихъ ужиновъ, ни кутежей они себѣ не позволяли; жили нѣсколько лѣтъ на одной и той же квартирѣ, обѣдали всегда въ положенное время, держали строго дрессированную прислугу, вели знакомство только съ семейными домами и откладывали деньги въ банкъ.

Варвара Петровна была старше своего мужа. Передъ тѣмъ, какъ поступить къ Роману Петровичу, она лѣтъ десять съ крупнымъ успѣхомъ играла въ провинціи, а теперь пятнадцать лѣтъ уже плѣняла публику ихъ театра своимъ веселымъ успѣхомъ, такими наивными со сцены глазами и вздернутымъ носикомъ.

Но, правда, послѣдніе годы публика начала замѣчать, что воздушная походка Варвары Петровны отяжелѣла, смѣхъ не звучитъ такъ серебряно-прозрачно; когда она прыгаетъ и бѣгаетъ по сценѣ, рѣз-

Digitized by Google

вясь, какъ мотылекъ, то послѣ этого нѣсколько минутъ переводитъ духъ и задыхается; а ея удивительная талія теряетъ нѣжныя очертанія—и даже художественная рука Войткевичъ не можетъ этого скрыть.

Но кто другой такъ неподражаемо будетъ говорить въ «Сорванцѣ»:

— «А дура-то была умнѣе всѣхъ!..»

Или восклицать въ «Тайнѣ»:

— «Я буду купчиха Мучкина, толстая, квасъ буду пить, пряники ѣсть, на пристани барки счита-ать!..»

Гдѣ найти другую такую «Рѣзвушку», «Шалунью», «Вострушку», «Вертушку», и т. д., и т. д. «Вы, нынѣшніе, нутко!»

Но вотъ уже года три какъ почему-то все меньше ставилось на репертуарѣ милыхъ легкихъ комедій; авторы меньше писали и переводили ихъ; пошли все драмы, мелодрамы, страшно сказать—трагедіи! И Радиной все меньше становилось дѣла, негдѣ было щебетать птич-

Digitized by Google

кой... И она хандрила, и нервничала, и собиралась побраниться съ режиссеромъ Замаевымъ. Въ этотъ сезонъ она сыграла всего одну новую роль—вдовушки, помѣшанной на скачкахъ,—и то не центральную, а подыгрывая этой дѣвчонкѣ, Мурановой, все достоинство которой въ томъ, что она худа, какъ кошка, и потому глаза занимаютъ у нея полъ-физіономіи!

И публика какая-то стала странная: завсегдатаи и старые посѣтители театра все рѣдѣли и рѣдѣли, какъ грибы, поднималась молодежь и требовала драмы, и устраивала успѣхъ Мурановой, недавно кончившей гимназію... Это все было такъ ясно для Радиной.

Этимъ и объяснялось то неудовлетворенно-томительное молчаніе, которое царило между супругами, на видъ представлявшими такую идиллическую парочку.

— Мися... хочешь еще кофе?

Digitized by Google

— Mercі, мой ангелъ.

Пауза. Шелестъ газеты. Шипѣніе самовара.

— Орлицыной вчера корзину поднесли.

— Это, конечно, ея нефтяной господинъ... Хотѣла бы я знать, что дѣлать теперь честнымъ женщинамъ на сценѣ?..

Большая пауза.

— Ты не забылъ, Мися,—мы сегодня у Синицыныхъ винтимъ.

— Какъ же, какъ же, душенька, помню.

Опять пауза.

Наконецъ, неслышными шагами вошла горничная и подала барынѣ книгу и свертокъ.

— Пожалуйте расписаться... Алексѣй принесъ.

— Роль! — забывши сдержанность, вскрикнула Варвара Петровна и, какъ кошка, бросилась на тетрадку.—Въ новой пьесѣ... Ничего Замаевъ мнѣ не говорилъ!.. И тебѣ роль.

Стрѣлецкій тоже всталъ со своего мѣ-

Digitized by Google

ста. Оба поспѣшно поставили въ книгѣ противъ своихъ фамилій по каракулькѣ и, отпустивши горничную, взялись за тетрадки.

Бѣсъ томительной скуки вдругъ исчезъ. Энергія, какъ электрическимъ токомъ, охватила обоихъ. У Варвары Петровны заблестѣли глаза, порозовѣли щеки...

— «Замужество Нины»,—читала она заглавіе пьесы.—Это что-нибудь интересное!

— «Роль Полины Михайловны Устюжской, молод...»

Вдругъ она остановилась. Глаза ея широко раскрылись, она откинулась назадъ, какъ отъ удара, и смотрѣла на слова, прыгавшія у нея передъ глазами—такъ дрожали ея руки.

Нѣсколько минутъ она не могла выговорить ни слова: горло у нея сдавило.

Потомъ, задыхаясь, почти беззвучно зашептала:

— Что же это... что же это такое?

Digitized by Google

— Что съ тобой, душенька?—обезпокоился Стрѣлецкій, замѣтивъ волненіе жены.

Она безсознательнымъ жестомъ протянула ему тетрадку.

Онъ взглянулъ—и самъ обмеръ.

Передъ его глазами ясно, чернымъ на бѣломъ, стояли буквы:

«Роль Полины Михайловны Устюжской, молодящейся кокетки лѣтъ подъ 50».

Онъ опустилъ глаза, потомъ, не смотря на жену, промолвилъ:

— Это, вѣроятно, ошибка, ангелъ мой!

Радина отыскала способность говорить, наконецъ.

Она вскочила съ мѣста, забывъ совсѣмъ свои изящно-сдержанныя манеры, и забѣгала по комнатѣ, какъ пантера.

— Ошибка?—истерически вскрикивала она.—Ошибка? Нѣтъ! Я знаю, что это такое. Это штуки Замаева! Это его Муранова наускиваетъ! А! Они смѣяться надо мной думаютъ? Но я имъ этого не

Digitized by Google

позволю! А, голубчики! Переходъ мнѣ устроили, не спросясь! А-а-а! Какая низость, какая подлость! Я имъ не прощу этого издѣвательства! Я во всѣ газеты напишу. Я контрактъ разорву! Я въ провинцію поѣду! Посмотрятъ они, каково имъ безъ Радиной. Ха-ха-ха! Въ ногахъ валяться будете —да не пойду. А! Негод...

Она схватилась за грудь, не могла докончить слова и захлебнулась, падая на диванъ.

— Ангелъ мой, успокойся!—бормоталъ Стрѣлецкій, бросаясь къ графину и подавая ей воду.

Она жестоко оттолкнула его. Брызги воды, какъ капли слезъ, упали на голубую ткань ея платья.

— Уходите! Убирайтесь!

Опять вскочила она. Настоящія слезы текли по ея щекамъ, смывая пудру; волосы растрепались, и изъ-подъ золотистыхъ завитковъ виднѣлись жалкіе, посѣдѣвшіе.

Digitized by Google

— Вамъ все равно! Я знаю, вамъ опять «любовника» прислали! Красавецъ-мужчина! Это только мнѣ такая пощечина... Въ награду за все... о, Боже, Боже мой!

И непритворными слезами отчаянія, съ воплями, со стонами, рыдала она, колотясь головой о стѣнки дивана. Черезъ нѣсколько минутъ горничная летѣла за докторомъ, Стрѣлецкій—за Замаевымъ, а пастухи и пастушки съ гобеленовъ смотрѣли на все это и улыбались своею наивною улыбкою.

IV.

Фирсова вошла за кулисы съ бокового хода.

Послѣ солнечнаго дня на сценѣ казалось совсѣмъ темно. Тѣни какихъ-то людей копошились, таская громоздкія декораціи; кое-гдѣ тускло горѣли лампочки. Занавѣсъ былъ поднятъ, и залъ казался таинственнымъ, а въ нѣкоторыхъ ложахъ были отворены двери, и непріятно вры-

Digitized by Google

вался въ нихъ синеватый, мертвенный свѣтъ дня.

Люкъ зіялъ въ полу сцены, какъ черная могила.

Фирсовой въ первый разъ стало страшно въ театрѣ.

Онъ показался ей чѣмъ-то живымъ, безпощаднымъ, равнодушнымъ—какъ сама судьба.

«Съѣмъ все, что мнѣ отъ тебя нужно... И выброшу тебя, какъ негодную ветошь...»—казалось, слышалось отъ его темныхъ стѣнъ, а зіявшія двери насмѣшливо и мрачно улыбались...

Вздрагивая, чувствуя прямо легкую тошноту отъ головокруженія, Фирсова вошла въ режиссерскую комнату съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ бросаются въ воду.

Сейчасъ рѣшится ея участь. Она знала, что услышитъ отказъ. Предчувствовала и объясненіе:

— Вамъ нечего играть... Для водевилей вы уже не подходите... и т. д., и т. д.

Digitized by Google

— Ну, что жъ? — съ тупымъ отчаяніемъ старалась она собрать разбѣгавшіяся мысли:—попрошу хоть въ костюмершахъ оставить... Что-нибудь... чтобы съ голоду не умереть!

Изъ-за книгъ и бумагъ ей кивнулъ головою Замаевъ. Его утомленное и доброе лицо смотрѣло на нее, какъ всегда, немножко пренебрежительно и очень жалостливо.

— Здравствуйте, голубушка... я васъ просилъ зайти...—началъ онъ.

Замаевъ со всѣми былъ, по принципу, равно любезенъ: онъ даже насмотрѣлся всякихъ видовъ и всегда сохранялъ усталое спокойствіе.

— Что угодно, Петръ Ивановичъ!— прошептала она.

Онъ все продолжалъ молча смотрѣть на ея измученное лицо, на шляпенку съ вороньимъ крыломъ и полинявшую тальму. Потомъ кашлянулъ.

Digitized by Google

«Вотъ... вотъ... Господи! Сейчасъ... сейчасъ начнется...»—думала Фирсова.

Смертельная блѣдность покрыла ея лицо; она держалась за свой стулъ, чтобы не упасть. Словно сразу ей въ обѣ ноги налили теплой воды или набили ихъ ватой: сейчасъ она не могла бы сдѣлать ни шагу.

Онъ заговорилъ, стараясь быть деликатнымъ:

— Я счелъ нужнымъ васъ позвать и спросить, голубушка... Есть тутъ у меня ролька, да не зналъ, захотите ли взяться. Я вѣдь знаю, что вы еще молоды... но... видите ли—намъ сейчасъ нужна комическая старуха. Я знаю, что у васъ есть способности... Хорошо помню вашу бабушку... Вамъ, разумѣется, рано переходить. Но я вамъ совѣтую. Роль хорошая.. сразу можно выдѣлиться... И тогда, разумѣется, Романъ Петровичъ вамъ прибавитъ...

Digitized by Google

Онъ опять поднялъ глаза на нее—и изумился.

На него глядѣли два восторженные глаза. Щеки Фирсовой пылали, она улыбалась со слезами на рѣсницахъ и безсвязно бормотала:

— Господи! Еще бы! Благодарю васъ... благодарю... Позвольте роль. Вы увидите, я сыграю... Спасибо за довѣріе!..

И она лихорадочно жала ему руку, забывъ свою обычную робость.

Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее и далъ ей тетрадку; на ней значилось:

«*Роль Полины Михайловны Устюжской, молодящейся кокетки лѣтъ подъ 50*».

— Спасибо... спасибо...

Не помня себя, Фирсова почти выбѣжала изъ театра и полетѣла домой на крыльяхъ, крѣпко прижимая къ груди свою роль. Переходъ былъ сдѣланъ—существованіе обезпечено. Молодящаяся кокетка спасла, можетъ быть, жизнь

Digitized by Google

двумъ маленькимъ существамъ. И смотря въ сѣрые глаза Тосика, мать ему возбужденно и радостно шептала:

— Будемъ сыты! Будемъ живы! Милые мои, выращу васъ и, Богъ дастъ, на ноги поставлю! Ужъ сыграю хорошо! Милые мои!.. Богъ помогъ!..

А Тосикъ положительно понималъ ее: онъ улыбался во всѣ глаза и смѣялся тихимъ, какъ воркованіе, радостнымъ смѣхомъ.

Digitized by Google

Флавія Тессини.

Есть имена, принадлежащія какому-то международному языку; гдѣ бы вы ни произносили ихъ,—на бульварахъ Парижа или подъ синими небесами Неаполя, въ туманахъ Лондона или въ глуши россійскаго губернскаго города,—вездѣ они, какъ таинственный пароль и лозунгъ между толпой и искусствомъ,—будутъ знакомы, понятны и болѣе или менѣе дороги. Такія имена какъ Дузэ, Сальвини, Сара Бернаръ, Зембрихъ, Сарасате и т. д., и т. д. становятся достояніемъ не только своей націи, но всей современности. Къ числу такихъ именъ принадлежало и имя знаменитой пѣвицы Флавіи Тессини.

Флавія Тессини жила постоянно въ Парижѣ, Парижъ—ville-lumière былъ во вла-

Digitized by Google

сти ея красоты и таланта, а за нимъ и вся Европа признавала ее своей.

Импрессаріо оспаривали ее другъ у друга, какъ семь городовъ—рожденіе Гомера; за выходъ ей платили тысячи, и она поминутно покидала свой очаровательный особнячокъ вблизи Елисейскихъ полей и ѣздила гастролировать то въ Лондонъ, то въ Россію, то въ Америку, пожиная тамъ «и золото, и лавры, и сердца».

И могло ли кому-нибудь придти въ голову при взглядѣ на эту элегантную красавицу, одѣтую Дусэ, причесанную Лентерикомъ, съ ногъ до головы—въ каждой неуловимой мелочи туалета, интимной подробности домашней обстановки пропитанную Парижемъ, что какія-нибудь пятнадцать лѣтъ тому назадъ она бѣгала въ порыжѣвшемъ платьишкѣ по улицамъ родного Кіева съ папкой для нотъ въ рукахъ, не мечтая объ изящныхъ купэ съ вензелями, гдѣ капризно

Digitized by Google

изогнутое F. обвивалось бы вокругъ стройнаго T. Тѣмъ болѣе, что и иниціалы-то у нея были совсѣмъ другіе, такъ какъ въ то время звали ее Женя Браиловская.

Она и сама забыла бы, съ удовольствіемъ забыла бы, какъ тяжелый кошмаръ, годы дѣтства и юности: скудное житье, воркотню измученной матери, жалкую обстановку маленькаго часового магазина, гдѣ торговалъ ея отецъ, пожилой, молчаливый человѣкъ съ усталыми глазами.

Но прошлое не уходило изъ ея памяти, и часто передъ глазами вставала низенькая комната, увѣшанная и уставленная всевозможными часами, съ дверью, жалобно скрипѣвшей при входѣ рѣдкихъ покупателей и впускавшей струю холода изъ сѣней.

Это была несчастливая лавочка.

Помѣщалась она въ полуподвальномъ этажѣ большого каменнаго дома и дверью

Digitized by Google

выходила въ тѣ же сѣни, которыя прямо съ улицы вели къ дверямъ на лѣстницу въ остальные этажи, такъ что для того, чтобы проникнуть въ глубь дома, необходимо было пройти мимо лавочки, и передъ ея стеклянною дверью поминутно мелькали тѣни людей.

Лавочка была темная, низенькая и тѣсная. Ей какъ-то не везло. Когда-то тамъ помѣстился «куаферъ Николай изъ Парижа», съ бодрою надеждой разставилъ на оконцѣ свои парики, букли и локоны, а посрединѣ помѣстилъ восковую голову въ пудреной прическѣ, румяную и улыбающуюся, и принялся ждать кліентовъ. Но дѣла шли совсѣмъ плохо. Парижскихъ куафюръ никому на этой улицѣ не было нужно; со временемъ не только самъ парикмахеръ становился все мрачнѣе и мрачнѣе, но и восковая голова слиняла и поблекла отъ мрака и сырости; румянецъ ея исчезъ, пудреная прическа казалась сѣдиною и, поникнувъ, съ уныло-

Digitized by Google

старческой гримасой вмѣсто улыбки, она все грустнѣе и грустнѣе смотрѣла на выцвѣтавшіе парики, висѣвшіе, подобно скальпамъ, на подставкахъ.

А тѣни все скользили мимо и мимо стеклянной двери, но не заходили въ нее. И появилась вывѣска: «Заперто по случаю прекращенія торговли».

Тогда, прельстившись дешевизной, снялъ лавочку маленькій сапожникъ.

Съ утра до вечера онъ, его блѣдная и худая жена, всегда прикрывавшая большимъ платкомъ не въ мѣру располнѣвшій станъ, и рахитичный сынишка съ большой головой, работали и постукивали молоточками; на вывѣскѣ симпатично повернутые другъ къ другу носками скромная дамская ботинка и молодцоватый сапогъ со шпорами ясно приглашали желающихъ войти; но... богатые шли въ магазины на главной улицѣ, бѣдные—покупали на рынкахъ.

И еще разъ появилась вывѣска:

Digitized by Google

«Заперто по случаю прекращенія торговли».

Наконецъ занялъ лавочку часовщикъ Браиловскій, и ей относительно повезло.

Часы были у всѣхъ, и у всѣхъ почти шли скверно; на всей улицѣ былъ онъ одинъ, и ему хватило работы не только на то, чтобы съ грѣхомъ пополамъ прокормить себя, жену и пятерыхъ дѣтишекъ, но даже на то, чтобы по мѣрѣ силъ образовать ихъ, а старшую, Женю, по окончаніи прогимназіи отдать въ музыкальное училище.

— Уроки будетъ давать!—соображалъ старый Браиловскій.—Все жъ-таки сама себя прокормитъ: теперь это дочерямъ важнѣе приданаго...

Въ училищѣ Женя попала въ хоръ; тамъ старый итальянецъ-профессоръ замѣтилъ ея голосъ и сталъ учить ее безвозмездно.

И вотъ, съ 15-ти до 18-ти лѣтъ Женя работала за двоихъ. Музыкой она зани-

Digitized by Google

малась «по чувству долга», такъ сказать, пѣніемъ—«по чувству сердца». Она твердила гаммы, повторяла сольфеджіи и вокализы, зубрила теорію, бѣгала по два раза въ день въ училище,—а въ видѣ отдыха замѣняла уставшую мать и помогала отцу, читая свои учебники за прилавкомъ темнаго магазинчика.

Вокругъ нея дюжины четыре самыхъ разнообразныхъ часовъ тикали и отчетливо отбивали время, качая маятниками, такъ что ей казалось,—она слышитъ, какъ время идетъ.

Каждый часъ, три четверти, полчаса, четверть всѣ часы, висѣвшіе на стѣнахъ, стоявшіе на полкахъ, отъ старинныхъ бронзовыхъ съ амурами до двухрублевыхъ, разрисованныхъ грубыми розами по бѣлому циферблату, одни за другими на разные голоса отсчитывали удары.

Но всѣ, всѣ мучительно отзывались въ головѣ и въ сердцѣ у Жени, и въ ихъ боѣ она слышала всегда одно и то же:

Digitized by Google

— Время уходитъ! Время убѣгаетъ! Время летитъ впередъ! Еще часъ твоей жизни ушелъ безвозвратно, а ты здѣсь... здѣсь... здѣсь...

И съ отчаяніемъ Женя думала, что мимо нея проходитъ жизнь, полная шума, блеска, счастья, та жизнь, которой ей такъ страстно хочется... а она сидитъ тутъ, въ мрачномъ подвалѣ, и слушаетъ, какъ часы смѣются надъ ней, оплакиваютъ ее, возмущаются ей... И она клялась себѣ добиться этой жизни, чего бы это ни стоило, какъ бы ни было, но взять себѣ отъ судьбы всѣ радости, все, чего требуетъ и ждетъ нетерпѣливая юность,—а пока—бѣгала въ дождь, въ холодъ и вьюгу на уроки, ступая въ стоптанныхъ башмакахъ по грязи; за нею же слѣдовалъ тѣнью, неся ея папку, какъ правовѣрный несъ бы коранъ, собственноручно писанный Магометомъ,—скрипачъ Гриша Тесманъ, ея соученикъ и вѣрный рабъ. Не особенно красивый, не-

Digitized by Google

большого роста, слабогрудый, худой и блѣдный, съ шапкой кудрявыхъ волосъ на головѣ и лихорадочно-блестѣвшими глазами, Гриша еще больше терялся передъ пышной красотой Жени, съ ея смуглымъ личикомъ, огневымъ взглядомъ и тяжелыми, темными косами... Но дѣтски-простодушная, добрая улыбка красила его лицо, а въ глазахъ свѣтилось такое безпредѣльное обожаніе, что Женя привыкла къ этому лицу и не замѣчала его некрасивости. По-своему она даже любила Гришу. Особенно любила въ тѣ вечера, когда они оставались вдвоемъ въ полутемной залѣ училища.

Женѣ было разрѣшено заниматься тамъ по вечерамъ, если зала была свободна, и она предпочитала это занятіямъ дома на той невозможной балалайкѣ, что служила ей піанино и была куплена отцомъ у знакомаго мастера по случаю, за 35 рублей въ разсрочку.

Тогда Тесманъ аккомпанировалъ ей на

Digitized by Google

рояли, а иногда и на скрипкѣ вторилъ ея голосу, легко и свободно улетавшему вверхъ въ высокой залѣ, а потомъ бросалъ скрипку и со сверкающими глазами говорилъ Женѣ, что она прекрасна и что передъ ея голосомъ надо разбить лучшія скрипки міра.

— Когда вы будете артисткой...

— Когда я буду на сценѣ...

Такъ начинались всѣ ихъ разговоры. Они мечтали... Здѣсь они были свободны мечтать: никто не слушалъ ихъ, старый Браиловскій не могъ прервать грознымъ окрикомъ ихъ «глупыя бредни», и мечты толпились, перебивали одна другую, еще полудѣтскія, не умѣющія и подняться до того, что потомъ дала дѣйствительность.

Потомъ они возвращались домой, еще опьяненные собственными фантазіями, и имъ не хотѣлось отрываться отъ волшебнаго міра опять къ жалкой дѣйствительности; они невольно замедляли шагъ. Луна серебрила живописныя улицы Кіева,

Digitized by Google

ограды, изъ-за которыхъ поднимались вершины пирамидальныхъ тополей, куполъ собора, своды княжескихъ могилъ; и они сворачивали въ сторону, уходили дальше, туда, гдѣ на синемъ ночномъ небѣ высился величественный Владиміръ, высоко поднимая свой крестъ надъ засыпающимъ городомъ,—и смотрѣли на переливающіяся серебряной крупной рябью воды Днѣпра.

И все,—ночь, лунныя пятна, звуки музыки, чуть слышно доносящіяся откуда-то съ порывомъ вѣтерка,—все казалось имъ новымъ, удивительнымъ, созданнымъ только для нихъ двоихъ.

Тогда, помимо ея воли, темнокудрая головка Жени склонялась на плечо къ Тесману, а его рука осмѣливалась обнять станъ молодой дѣвушки,—и они были счастливы.

Онъ такъ безумно любилъ!

Ей казалось, что она такъ сильно любитъ!..

Digitized by Google

Когда люди очень вѣрятъ въ свою мечту, — она всегда исполняется. Судьба словно вознаграждаетъ за довѣріе къ ней.

У Тесмана была какая-то дальняя тетушка. Старушка благополучно дожила до 89-ти лѣтъ и скончалась въ мирѣ, оставивъ племяннику шерстяной чулокъ, а въ немъ—5,653 рубля 25 к. банковыми билетами и звонкой монетой, скопленные путемъ всевозможныхъ лишеній. Теперь Тесману казалось, что онъ понялъ, зачѣмъ тетка жила безъ прислуги, разъ въ день пила чай, сидѣла въ нетопленной конуркѣ и только по субботамъ ѣла мясо: это было такъ ясно! Судьба была такъ логична въ своихъ предопредѣленіяхъ! Все это было необходимо для того, чтобы Женя могла поѣхать въ Италію, стать большой артисткой и имѣть все то счастье, довольство, радость, которыхъ была достойна...

И началась сказка наяву.

Все казалось такъ просто. Они люби-

Digitized by Google

ли другъ-друга; старикъ былъ радъ пристроить дочь за человѣка, которому выпало такое счастье, только требовалъ, чтобы зять завелъ себѣ торговлю. Ему обѣщали все, что угодно, а сами давно уже рѣшили, какъ и что.

Они быстро обвѣнчались.

Въ послѣдній разъ четыре дюжины часовъ пробили Женѣ прощальнымъ привѣтомъ:

— Смотри же! Помни, что время не ждетъ! Оно уходитъ, оно убѣгаетъ, оно летитъ впередъ!..

И она покинула тѣсный магазинчикъ, чтобы больше никогда туда не возвратиться, но совѣта часовъ не забыла.

Они уѣхали съ мужемъ въ Италію и поселились въ недорогомъ пансіонѣ, казавшемся имъ верхомъ роскоши послѣ ихъ обстановки, и Женя принялась заниматься со всѣмъ пыломъ юной энергіи.

У нея точно выросли крылья. Она пѣла по цѣлымъ днямъ; торжествующая

Digitized by Google

улыбка раздвигала ея алыя губы даже во снѣ: она вѣрила, что побѣдитъ.

Днемъ они занимались; вечера и часто ночи фланировали вдвоемъ по незнакомымъ улицамъ, любуясь оживленіемъ пестрой южной толпы... Женя, способная ко всѣмъ языкамъ, быстро освоилась и съ итальянскимъ, который и раньше знала немного отъ своего профессора, и часто перекидывалась шутками съ толпой, отвѣчая остротой на остроту, благодарностью на любезность,—а молчаливый Тесманъ только восхищенными глазами глядѣлъ на свою красотку-жену и щипалъ себя за локоть, чтобы убѣдиться, что это не сонъ, что онъ — съ ней, въ Италіи, вдыхаетъ запахъ померанцевыхъ деревьевъ, слушаетъ пѣсенки Италіи, звучащія тамъ такъ же естественно, какъ вѣтеръ въ рощахъ, какъ плескъ волны, какъ музыка природы.

И все вмѣстѣ,—музыка, молодость, чары Италіи, красные цвѣты гранаты въ

Digitized by Google

темныхъ волосахъ Жени,—все это поэтизировало ихъ жизнь и любовь, придавало ей ароматъ необыденности.

Ужъ, конечно, не въ тѣсныхъ каморкахъ кіевскаго подвала такъ долго сохранили бы огонь и свѣжесть ихъ поцѣлуи, мечтательность ихъ глазъ и нѣжность ихъ сердца.

Въ это время Тесманъ упалъ изъ экипажа и такъ несчастливо, что сломалъ правую руку. Онъ долго проносилъ ее въ лубкѣ, а потомъ, по приговору профессоровъ, долженъ былъ навсегда отказаться отъ игры на какомъ бы то ни было инструментѣ. Его карьера какъ скрипача погибла безвозвратно. Онъ перенесъ этотъ ударъ сравнительно спокойно...

— Благодарю Бога, что я лишился руки, а не ты голоса!—сказалъ онъ женѣ, плакавшей надъ нимъ.—Вотъ это было бы страшной потерей. Что́ моя игра по сравненію съ твоимъ голосомъ? Ну... а

Digitized by Google

ты вѣдь не бросишь своего калѣку-мужа? — прибавилъ онъ, пробуя усмѣхнуться, и тутъ только его губы дрогнули.

— Пусть меня Богъ убьетъ! Пусть я навсегда лишусь голоса, пусть я умру нищей подъ заборомъ, если я тебя когда-нибудь брошу!—рыдала Женя и, упавъ на колѣни передъ мужемъ, страшной клятвой поклялась не разставаться съ нимъ до самой смерти.

Когда Тесманъ выздоровѣлъ, все пошло попрежнему, только онъ совсѣмъ уже пересталъ существовать лично. Онъ окончательно превратился въ тѣнь Жени, въ ея вѣрнѣйшую няньку. Онъ ее провожалъ на уроки, ждалъ у дверей по окончаніи урока, дома самъ снималъ съ нея башмаки, цѣлуя ея ножки, самъ кипятилъ ей молоко, помогалъ проходить партіи, словомъ—жилъ въ ней и для нея, любя ее съ нѣжностью матери, съ пылкостью влюбленнаго, съ вѣрностью друга. Она все это принимала какъ долж-

Digitized by Google

ное и была нѣжна и ласкова съ нимъ, насколько умѣла; она, вообще, чрезмѣрной ласковостью не отличалась, но онъ былъ единственный, кѣмъ она еще интересовалась, кромѣ своего пѣнія, будущности и карьеры. И тѣ немногіе часы, которые ей оставались для досуга, она, естественно, отдавала ему.

Наконецъ ученіе было кончено, насталъ великій для нея день дебюта.

Дебютировала Женя въ «Аидѣ». Долгое время совѣщались надъ тѣмъ, какой ей взять псевдонимъ. «Тесманъ» рѣшено было передѣлать на итальянскій ладъ. Переворачивали всячески: «Тесмани», «Тесмини», пока не напали какъ-то на Тессини.

— Eugenia! Это некрасиво!—рѣшила Женя.—Я вотъ что сдѣлаю (она была суевѣрна, какъ старая итальянка), открою календарь и возьму то имя, какое выпадетъ на день моего дебюта. Это принесетъ мнѣ счастье.

Digitized by Google

— А вдругъ некрасивое имя выйдетъ?

— У итальянцевъ всѣ имена красивыя.

— Да, напримѣръ, Урсула или Бонавентура!

— Ну, и буду Бонавентура!

Со страхомъ приступили, вышла «Флавія»; вмѣстѣ съ «Тессини» это показалось достаточно звучнымъ и эффектнымъ и дѣйствительно принесло счастье.

Только за границей можно лечь спать и на утро проснуться знаменитостью. Такъ было съ Женей. Послѣ ея дебюта всѣ газеты были полны ею; пылкая южная толпа устроила оваціо передъ окномъ скромной комнатки въ Pension Anglaise, гдѣ она жила, засыпала ее цвѣтами, и судьба Флавіи Тессини была рѣшена: она стала звѣздою, а Гриша Тесманъ остался тѣмъ же, чѣмъ и былъ.

Съ быстротой феерiи пошло превращеніе за превращеніемъ. Флавія тутъ же получила ангажементъ въ Парижъ; изъ скромнаго, уютнаго пансіона, изъ ласко-

Digitized by Google

вой, солнечной Италіи—очутились они въ дождливый осенній день въ роскошномъ нумерѣ Grand-Hôtel въ Парижѣ. И здѣсь,—какъ всѣ женщины, имѣющія за собою красоту, талантъ и успѣхъ,—она особенно быстро акклиматизировалась. Съ первыхъ дней ея выступленія на сценѣ о ней заговорили, закричали вездѣ. Скоро (вѣрный признакъ успѣха) появились вальсы, названные ея именемъ, вѣера и бонбоньерки съ ея портретами, конфеты, духи, шляпы à la Флавія Тессини, наконецъ—карикатура въ *Фигаро*... Парижъ былъ очарованъ, влюбленъ въ нее. Всѣ восторгались свѣжестью, непосредственностью, красотой новой звѣздочки. Флавія Тессини попала въ удачный моментъ, когда отцвѣтали прежнія примадонны, и побѣдила всѣхъ.

Успѣхъ росъ, увеличивались деньги, увеличивались и потребности. Какъ зубчатыя колеса, одно цѣплялось за другое, и движеніе все возрастало. Не успѣли

Digitized by Google

оглянуться, какъ переѣхали на собственную квартиру, какъ мебель, взятую напрокатъ, замѣнили обстановкой modern style, какъ вмѣсто наемнаго экипажа потребовалась собственная каретка и настоящая камеристка, и парикмахеръ, и портной,—словомъ, все то, чего требовало «представительство»; нельзя же было въ Парижѣ отличаться отъ другихъ артистокъ и дать показывать на себя пальцами!

И время проходило въ какомъ-то безумномъ чаду. Тесманъ едва успѣвалъ записывать расходы жены, и съ непривычки у него кружилась голова. У нея образовался кругъ знакомыхъ, въ домѣ появлялись то почтеннаго вида таинственныя дамы, рекомендующія необыкновенные аукціоны, удивительныхъ модистокъ, поразительныхъ куафероръ; приливали толпы поклонниковъ, отъ юныхъ поэтовъ до убѣленныхъ сѣдинами старцевъ съ Почетнымъ Легіономъ, какъ красная ге-

Digitized by Google

рань расцвѣтающимъ въ петличкѣ. Показывались бритыя актерскія физіономіи и слышались громкія имена изъ Готскаго альманаха, отъ которыхъ у Флавіи захватывало духъ.

Но она, какъ умница и энергичная женщина, отлично понимала, что далеко не все еще въ этомъ блестящемъ и неожиданномъ успѣхѣ, что мало *имѣть* его, а надо еще и *удержать*! А для этого требуется быть на высотѣ положенія. Мало свѣжести, оригинальности и простоты. Парижъ капризенъ. Она можетъ скоро пріѣсться ему, какъ балованному ребенку на мигъ занявшая его воображеніе дешевая игрушка.

Надо сумѣть захватить его, надо не давать ему опомниться, итти впередъ и впередъ, во что бы то ни стало пріобрѣсти «марку»,—марку той фабрики изящества и элегантности, что называется Парижемъ и которая даже и не знатоку бросится въ глаза при видѣ истинной парижанки.

Digitized by Google

А кромѣ того надо умѣть говорить, двигаться, поступать, держать себя во всѣхъ случаяхъ жизни такъ, какъ подобаетъ не только «звѣздочкѣ», а звѣздѣ, и, притомъ, первой величины.

Но кто же могъ помочь ей въ этомъ? Ужъ, разумѣется, не Гриша, съ его наивной неуклюжестью и полнымъ незнаніемъ жизни, свѣта и людей.

Она, какъ часто женщины, инстинктомъ угадывала многое; въ ней было врожденное чувство изящества, не разъ подсказывавшее ей одинъ поступокъ и запрещавшее другой, но все же этого было мало; Флавія видѣла ясно, что многаго ей не хватаетъ, чтобы сдѣлаться истинной парижанкой и истинной звѣздой.

Ей нуженъ былъ авторитетъ. Среди товарокъ по сценѣ она не могла его искать, не надѣясь на ихъ дружественность; свѣтскихъ женщинъ ей приходилось видѣть только издали... Она стала искать, и нашла то, что́ ей было нужно.

Digitized by Google

За кулисами ихъ театра, по старой памяти очевидно, часто бывала уже немолодая, полная, но со слѣдами большой красоты барыня,—мадамъ Валлесъ, съ которой отъ директора до послѣдней уврёзы всѣ были любезны. Мадамъ Валлесъ была когда-то сама извѣстной пѣвицей, но очень рано потеряла голосъ и занялась исключительно своими двумя сестрами, изъ которыхъ сдѣлала первоклассныхъ артистокъ. Одна изъ нихъ успѣла даже прославиться, но, пробывъ на сценѣ лѣтъ пять, бросила ее и вышла замужъ за какого-то англійскаго герцога; младшая послѣдовала ея примѣру и сдѣлалась польской графиней. Памятуя отношеніе своей сестры, обѣ устроили ей очень приличный пансіонъ и совершенно не стѣсняли ея свободы; она жила въ свое удовольствіе, изрѣдка ѣздила въ Лондонъ и въ Вильну и страшно скучала, не имѣя къ чему приложить свою энергію.

Ее-то и намѣтила Флавія. Она безъ

Digitized by Google

большого труда обворожила мадамъ Валлесъ, свела съ ней тѣснѣйшую дружбу и наконецъ предложила поселиться съ ними, обѣщая слушаться Дору во всемъ и любить... «Не какъ вторую мать,—для этого вы слишкомъ молоды, а какъ старшую сестру, которая вела бы меня за собой на путь труда и успѣха своею опытной рукой» и т. д., и т. д.

Дора Валлесъ безъ труда согласилась быть руководительницей Флавіи, въ которой чутьемъ предвидѣла знаменитость. Соперничество больше ни для себя, ни для сестеръ не было страшно; жизнь ея была пуста; она была свободна; довѣріе Флавіи льстило ей, и она приняла cette petite подъ свое покровительство.

Съ ея воцареніемъ у Тесмановъ пошла ужъ музыка не та.

Флавія чувствовала ея превосходство во всѣхъ житейскихъ вопросахъ и подчинилась ей безпрекословно, начиная съ меблировки, кончая распредѣленіемъ дня.

Digitized by Google

Началось съ того, что Тесмана изгнали изъ спальни Флавіи.

— Une femme qui se respecte, fait toujours chambre à part!—изрекла мадамъ Валлесъ.—Утромъ вы встаете не особенно интересной; къ вамъ приходитъ masseuse, потомъ manicure и т. д., и т. д. При чемъ тутъ мужъ? Надо всегда быть немножко кокеткой даже съ собственнымъ мужемъ!..

Жизнь ихъ все больше и больше раздѣляла; она теперь сплошь да рядомъ исчезала на весь день: репетиціи, занятія съ профессоромъ, которыхъ она не покидала, выборъ театральныхъ костюмовъ, примѣрка платьевъ, уроки велосипедной ѣзды, уроки англійскаго языка, фотографіи, interwiew'еры, спектакли,—все это занимало столько времени!

Сколько разъ онъ получалъ передъ обѣдомъ записку, нацарапанную карандашемъ, въ два слова:

«Гришокъ, обѣдай безъ меня, я не бу-

Digitized by Google

ду. Цѣлую нѣжно. Если бы ты зналъ, какъ я устала! Флавія».

Это имя она приняла окончательно и потребовала, чтобы и онъ такъ ее называлъ.

И онъ безъ аппетита обѣдалъ на кончикѣ стола.

Въ театръ онъ тоже не часто ходилъ. Дора объяснила Флавіи:

— Ma petite, не воображайте, что артисткѣ придаетъ очарованія постоянное присутствіе мужа; эта мѣщанская добродѣтель неумѣстна здѣсь! Любите его, будьте даже ему вѣрны, если ужъ вы такъ хотите... но не подчеркивайте этого другимъ: это повредитъ вашему успѣху!

А такъ какъ послѣдней фразой можно было заставить Флавію пойти на все, что̀ угодно, то мужу было сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе, и онъ оставался дома, такъ какъ другіе театры мало его

Digitized by Google

интересовали, а знакомыхъ у него совсѣмъ почти не было.

Тихій, застѣнчивый, необщительный, тѣмъ болѣе, что языки не давались ему, и онъ почти не владѣлъ французскимъ, Тесманъ ни съ кѣмъ не сходился близко. Дни онъ проводилъ въ одиночествѣ, читалъ немногочисленные русскіе книги и журналы, которые удавалось достать, или въ крайнемъ случаѣ шелъ побродить по улицамъ и выпить въ сосѣднемъ кафэ бокалъ пива.

И весь день для него въ сущности былъ однимъ долгимъ ожиданіемъ дорогой минуты ея возвращенія. Какъ бы поздно это ни было, онъ не спалъ. Онъ уже за нѣсколько комнатъ слышалъ поворотъ ключа въ замкѣ, мягкій стукъ двери, легкій шелестъ ея юбокъ,—и тутъ вдругъ какъ будто вся постоянная тревога, которой невидимо для другихъ билось его сердце, сразу прекращалась.

— Тутъ! — Словно что-то успокаива-

Digitized by Google

лось въ немъ и онъ свободно вздыхалъ.— Тутъ—и все хорошо.

Иногда она еще проходила къ Дорѣ; онъ слышалъ ихъ говоръ и тихій смѣхъ, а самъ лежалъ и ждалъ, считая секунды.

Й вотъ—отворялась дверь, и она являлась, прелестная, оживленная, нѣжная...

— Ты еще не спишь, Гришокъ?..

И она принималась болтать съ нимъ, а онъ восхищенными глазами слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, за тѣмъ, какъ она раздѣвается.

Облака батиста, шелка, валансьеннъ падали вокругъ нея, она бросала на бѣлый мѣхъ ковра шелковые чулки, подвязки съ изумрудами и закутывалась въ какую-то прозрачную мечту вмѣсто ночной рубашки, а онъ смотрѣлъ и не узнавалъ своей скромной Жени въ этой изящной красавицѣ; но она такъ весело разсказывала ему, какъ провела день, съ кѣмъ видѣлась, что дѣлала, и такъ нѣжно цѣловала его на прощанье, что у него

Digitized by Google

оставалось въ душѣ одно счастье ея близостью, счастье тѣмъ, что она—его и что онъ слышитъ ея ровное дыханіе, а ночью, открывъ глаза при свѣтѣ ночной лампочки, сразу увидитъ ея милую головку...

И эти часы, эта увѣренность, что онъ увидитъ ее, были у него отняты.

Онъ и не пробовалъ протестовать, какъ всегда, побѣжденный тѣмъ доводомъ, что это удобнѣе для ея спокойствія, а значитъ—здоровья, а значитъ—успѣха... Но на душѣ у него было тяжело, въ первый разъ сознательно и глубоко тяжело.

Флавія, правда, часто забѣгала къ нему и теперь, но она становилась все разсѣяннѣе и разсѣяннѣе и мало говорила съ нимъ, развѣ между двумя поцѣлуями сообщала ему торопливо и всегда безапелляціонно какіе-нибудь факты:

— Милый, мы ѣдемъ туда-то...

— Милый, у насъ въ среду обѣдаетъ критикъ изъ *Фигаро*...

Digitized by Google

— Гришокъ, завтра надо отвезти деньги въ банкъ! и т. д., и т. д.

Всѣ нескончаемые разговоры, планы, соображенія, — это велось теперь съ Дорой, которой она довѣрилась безусловно и которая это довѣріе оправдывала вполнѣ.

Тесманъ не могъ жаловаться на жену: онъ самъ такъ мечталъ о ея славѣ,—она работала только надъ этой славой; только слава и неусыпная работа надъ ней и забота о ней вытѣсняли его изъ ея жизни, и онъ довольствовался своей ролью, замыкался въ ней, ни словомъ, ни вздохомъ не давая понять Женѣ, что ему можетъ быть мало этого.

Только чаще теперь онъ бралъ свою скрипку, слабо проводилъ по ней смычкомъ—и, роняя его, съ тупымъ отчаяніемъ смотрѣлъ на свою безсильную руку.

Такое же выраженіе иногда бывало у него, когда онъ тихонько подходилъ къ дверямъ гостиной и смотрѣлъ на кра-

Digitized by Google

сиваго молодого испанца, аккомпанировавшаго Флавіи, когда она разучивала свои партіи. Этому онъ мучительно завидовалъ.

На пріемахъ жены, становившихся разъ-отъ-разу все блестящѣе, онъ чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ.

Для гостей же этотъ блѣдный, вѣчно молчавшій въ своемъ углу человѣкъ былъ ничѣмъ. Мало кто былъ съ нимъ знакомъ, и ужъ никто не зналъ его по фамиліи.

Спрашивали:

— Qui est ce monsieur?

И опредѣляли:

— Le mari de madame Tessini.

Шли годы, и мало-по-малу позиція была закрѣплена. Флавія давно превзошла свою наставницу. Теперь она могла манерами удивить герцогиню, роскошью— куртизанку: она была звѣздой.

Digitized by Google

У нея появился свой особнякъ въ Парижѣ и маленькая вилла на Ривьерѣ, гдѣ она отдыхала отъ сцены. Но изъ благодарности она не желала разставаться съ мадамъ Валлесъ, и образъ ихъ жизни установился прочно. Тесманъ примирялся съ этимъ, какъ и вообще со всѣмъ.

Онъ старался быть женѣ полезнымъ, сколько могъ; самъ себя какъ бы перевелъ на амплуа секретаря, чтобы только не чувствовать, что онъ ничего не дѣлаетъ и живетъ на деньги своей жены... То, что онъ отдалъ ей,—забылось и казалось даже ему такою каплей по сравненію съ тѣмъ, что она зарабатывала и что проходило черезъ его руки. Онъ велъ по ея указаніямъ ея переписку, разбиралъ корреспонденцію, дѣлалъ, что могъ, работалъ, какъ платный секретарь, исполняя добросовѣстно всѣ ея порученія, а она, какъ всегда, была мила и добра съ нимъ, когда видѣла его, но случалось, что они не видѣлись и по цѣлымъ недѣлямъ.

Digitized by Google

Обыкновенно онъ сопутствовалъ ей во всѣхъ ея поѣздкахъ; у нея была цѣлая свита: Дора, камеристка, аккомпаніаторъ, куаферъ и онъ.

Иногда же она заходила къ нему въ кабинетъ и мягко, но рѣшительно, какъ все, что она ему говорила, заявляла:

— Я ѣду всего на три спектакля, милый, тебѣ не стоитъ меня сопровождать. Не безпокойся, со мной поѣдетъ Дора, а ты отдохни!

И Тесманъ оставался.

Что въ это время дѣлала Флавія, кто былъ съ ней, кто находился въ сосѣднемъ отдѣленіи sleeping'а, кто сидѣлъ во время представленія въ маленькой ложѣ за кулисами, кто подносилъ ей тѣ цвѣты, о которыхъ Тесманъ читалъ въ театральной хроникѣ *Figaro* и *Journal*, кто послѣ ея тріумфовъ накидывалъ манто на античныя плечи и провожалъ домой, счастливую, опьяненную успѣхомъ, цвѣтами, усталостью, — кто, можетъ быть, ужи-

Digitized by Google

налъ съ нею въ нумерѣ гостиницы подъ снисходительными взглядами всегда готовой во-время почувствовать «непреодолимую потребность сна» Доры...

Тесманъ не хотѣлъ и спрашивать, боялся и подумать и продолжалъ втихомолку, несмотря ни на что, обожать ее. Да посвоему и она любила его. Для того, чтобы ей было совсѣмъ хорошо, она должна была сознавать, что онъ существуетъ гдѣ-то близко и что ей стóитъ послать за нимъ или отправить телеграмму,—и онъ сейчасъ же будетъ тутъ, смотря на нее такими же полными нѣжности глазами, какъ и 15 лѣтъ назадъ,—и она не замѣчала, сколько къ этой нѣжности прибавилось глубокой скорби и сколько сѣдыхъ нитей было въ густой попрежнему шапкѣ кудрявыхъ волосъ. Когда она ѣздила на гастроли, то, конечно, останавливалась въ лучшей гостиницѣ и брала лучшее отдѣленіе, но случалось такъ, что въ немъ не оказывалось нужнаго коли-

Digitized by Google

чества комнатъ: спальня, уборная, гостиная, пріемная, комната Доры и комната камеристки, которыя обѣ могли ей понадобиться во всякое время... Тогда, естественно, Тесману приходилось помѣщаться гдѣ-нибудь на другомъ концѣ коридора, гдѣ найдется нумеръ.

Тогда онъ по цѣлымъ днямъ иной разъ не заходилъ къ ней, стѣсняясь ея посѣтителей и посѣтительницъ, кишѣвшихъ у нея съ утра: поклонники, дамы-патронессы, барышни за фотографіями, рецензенты, композиторы и т. п., и т. п. Къ обѣду или въ свободные вечера у нея тоже всегда кто-нибудь бывалъ, элегантныя дамы изъ высшаго общества считали за удовольствіе провести часъ—другой у Флавіи, и Тесманъ не рѣшался итти туда, а сидѣлъ въ своемъ нумерѣ и издали слѣдилъ за долетавшей до него жизнью. Вонъ пронесли въ ея нумеръ по коридору роскошную корзину голубыхъ гортензій... Вонъ спѣшатъ накры-

Digitized by Google

вать на столъ, несутъ шампанское въ серебряномъ холодильникѣ... Вотъ прошелестѣли юбки, какая-то высокая фигура останавливается у ея двери:

— Est ce qu'on entre?

Это—графиня Нидерсъ, онъ узнаетъ ее по англійской манерѣ одѣваться... А вотъ шпоры звенятъ, чей-то голосъ спрашиваетъ:

— Здѣсь № 10-й?

Это тоже къ ней...

Изъ пріотворенной двери вырывается шумъ, звукъ голосовъ, смѣхъ...

Хорошенькая модистка прошла, за ней дѣвочка съ большимъ картономъ... Тоже къ ней.

И тамъ жизнь кипѣла, тамъ было шумно, оживленно и весело.

Иногда, вернувшись откуда-нибудь вечеромъ, она вспоминала о немъ. Легкіе шаги, вмѣсто того чтобы миновать его дверь, останавливались возлѣ нея; слышался властный стукъ и вопросъ:

Digitized by Google

— On entre?

Не дожидаясь отвѣта, она входила и улыбалась ему.

На ней было какое-нибудь манто, стоившее больше, чѣмъ стоилъ имъ когда-то годъ ея «музыкальнаго образованія». Вся она сіяла: сіяли жемчуга и бриллiанты на груди и въ ушахъ, сіяли темные глаза, сіяли даже волосы,—не прежнія, темныя косы, которыя онъ такъ любилъ, но золотистые, выкрашенные по послѣдней модѣ и отливавшіе то темнымъ золотомъ, то бронзой, чужіе, незнакомые ему волосы. Она подходила къ нему, шурша треномъ, роняя блестки и жемчужинки со своего платья на коверъ, благоухая ей одной присущимъ ароматомъ (она заказывала спеціальные духи у Viollet, и ея составъ не продавался другимъ покупателямъ) и цѣловала его.

Потомъ внимательнѣе вглядывалась въ него и говорила по-французски,—она те-

Digitized by Google

перь почти всегда говорила по-французски, даже и съ нимъ:

— Dieu, que tu es pâle! Faut que tu te soignes. Attends, je vais t'apporter un verre de lait!

И она собственноручно, своими пальчиками, унизанными перстнями, какъ пальцы сказочной принцессы, приносила ему стаканъ молока на подносикѣ. Заставляла его непремѣнно при себѣ выпить, перекидывалась съ нимъ нѣсколькими фразами и почти всегда, черезъ нѣсколько минутъ, говорила ему:

— Non, cheri, une autre fois je resterai plus longtemps, je tombe de sommeil; j'ai ma répétition à 9 heures demain matin!— еще цѣловала его и скрывалась, оставляя за собой слѣдъ падающихъ блестокъ и жемчужинокъ. Онѣ катились, какъ слезинки, къ нему подъ ноги, онъ смотрѣлъ на нихъ и прислушивался, какъ долго еще у нихъ не смолкала жизнь, слышались

Digitized by Google

голоса ея и Доры, пробѣгала горничная за водой и т. д.

Въ концѣ зимняго сезона въ Парижѣ Тесманъ заболѣлъ. Доктора рѣшили, что это—воспаленіе легкихъ.

Флавія обезпокоилась не на шутку.

— Нужно же такое несчастье!—говорила она Дорѣ.—Бѣдный Гриша! И какъ-разъ у меня премьера на горизонтѣ. Ты сама знаешь, какая это трудная партія. Когда мнѣ быть подлѣ него? Посиди съ нимъ иногда, Дора, не правда ли? Ты меня замѣнишь? Но когда мадамъ Валлесъ пришла къ больному, онъ началъ безпокойно метаться и по-русски умолять оставить ему только сестру милосердія, такъ что Дора съ удовольствіемъ ушла.

Онъ лежалъ подъ присмотромъ немолодой, грустной монашки, перебирающей все время четки, и когда онъ стоналъ или вздыхалъ, она ему кротко говорила:

Digitized by Google

— Priez, mon fils...

А болѣзнь затягивалась и затягивалась, и, наконецъ, доктора объявили Флавіи, что у ея мужа скоротечная чахотка.

Когда Флавія узнала это, она впала въ жесточайшую истерику. Дора едва-едва отпоила ее водой, каплями и т. д. Оправившись, она надѣла гладкое темное платье, послала въ театръ сказать, что не будетъ репетировать и предпочитаетъ уплатить неустойку, а сама сѣла у постели мужа и осталась около него, не отходя.

Потянулись длинные часы унынія въ полутемной комнатѣ съ запахомъ лѣкарствъ и тяжкимъ дыханіемъ больного. Зеленоватый свѣтъ отъ абажура падалъ на его лицо, словно заранѣе пріучая ея глаза къ страшному мертвенному оттѣнку. Часы тревожно и громко тикали, подчеркивая тишину; монашенка, точно застывъ въ своемъ креслѣ, только тихо

Digitized by Google

отщелкивала зернышки четокъ,—а Флавія сидѣла неподвижно и думала. Прошлое вставало передъ ней; тѣсный магазинчикъ и тиканье часовъ, гнавшихъ ее на волю, къ жизни... Вечеръ вдвоемъ съ нимъ въ залѣ училища... Лунныя ночи въ Кіевѣ, Италія... Все, что совсѣмъ заслонилось въ ея памяти настоящимъ, яркимъ и счастливымъ,—робкое, бѣдное прошлое вдругъ оживало въ этой тишинѣ, и вспоминалась горячая любовь лежавшаго передъ ней полумертваго теперь человѣка... И становилось жутко, и что-то давило грудь.

— Но вѣдь я вполнѣ права по отношенію къ нему!—думала Флавія.—Я всегда была добра и нѣжна съ нимъ. Я никогда не дала ему ни словомъ понять, какъ далеко я ушла отъ него впередъ. Я не позволила ни одному моему увлеченію разрушить нашей семейной жизни. Никогда не разставалась съ нимъ надолго. Я сдержала свою клятву и не бро-

Digitized by Google

сила его. А еще въ прошломъ году—кто на моемъ мѣстѣ устоялъ бы?

Князь нравился мнѣ... молодой, красивый, милліонеръ... У ногъ моихъ ползалъ, умоляя меня взять разводъ и стать его женой. Однако, я на это не пошла... И онъ былъ не единственный. Да, я не виновата предъ мужемъ... Почему же мнѣ сейчасъ такъ больно и жутко? Дора бы сказала: глупая сантиментальность!..— И долго смотрѣла она на это исхудавшее, такое некрасивое теперь лицо; ей странно было подумать, что эти блѣдныя, запекшіяся уста ее когда-то такъ горячо, такъ пылко цѣловали, что она отвѣчала на эти ласки... Дрожь пробѣгала по ея плечамъ.

И длинно, длинно тянулись часы.

Приходилъ и уходилъ докторъ; пустѣли и вновь наполнялись склянки лѣкарствъ; день смѣнялся ночью, возвращался и снова шелъ на отдыхъ. Атмосфера смерти витала повсюду. Всѣ хо-

Digitized by Google

дили тревожные; какой-то гнетъ висѣлъ въ воздухѣ. Присутствіе страшной тайны связывало каждое слово, звукъ... Шопотомъ говорили, на цыпочкахъ ходили. Напряженіе всѣхъ нервовъ безсознательно заставляло ждать конца какъ облегченія, мимовольный эгоизмъ шепталъ сердцу:

— «Не твоя еще очередь... Какое счастье»!..

А больной все еще держался за жизнь въ полу-снѣ, въ полу-бреду.

Былъ вечеръ. Полная тишина и зеленоватый полумракъ обнимали комнату. Углы тонули въ темнотѣ; монашка дремала.

Тесманъ открылъ глаза и вдругъ, въ первый разъ за все время, явственно позвалъ:

— Женя! Женя!—такимъ ласковымъ, такимъ жалкимъ голосомъ, что у Флавіи

Digitized by Google

сердце перевернулось. Она быстро наклонилась надъ нимъ:

— Что, милый?

— Женя! Женя!—настойчивѣе и безпокойнѣе повторилъ онъ, глядя на нее и словно не видя ея.

— Да я тутъ же, милый!—взволнованно сказала она, беря его руку въ свои. Онъ высвободилъ руку, съ минуту испуганно глядѣлъ на Флавію и, словно извиняясь, тихо проговорилъ:

— Я не васъ... Я Женю... Позовите ее, пожалуйста!

И вдругъ онъ съ отчаяніемъ застоналъ:

— Гдѣ же моя Женя?

Флавія бросилась на колѣни передъ кроватью. Жгучія слезы сдавили ей горло, а мучительный дѣтски-жалобный стонъ продолжалъ съ хрипомъ вырываться изъ надорванной груди:

— Женя! Что же ты меня оставила? Женя, гдѣ ты?..

— Я тутъ, милый, я, твоя Женя!—

Digitized by Google

возбужденно залепетала она, ловя его руки и притягивая къ себѣ, наклоняясь близко къ нему.—Погляди хорошенько, что съ тобой, неужели ты не узнаешь меня?

— Онъ приподнялся на локтѣ и взглянулъ на нее, но сейчасъ же отшатнулся съ какимъ-то ужасомъ и пробормоталъ:

— Я знаю васъ... Вы—Флавія Тессини... А я зову Женю... она не похожа на васъ... О Боже мой, Боже мой!

— Онъ откинулся на подушки, не въ силахъ уже и стонать, а только шепча:

— Женя... Женя...

У Флавіи вырвалось рыданіе. Острое раскаяніе, какъ лезвіе кинжала, вошло къ ней въ сердце.

— Да вѣдь это я! Узнай меня! Прости меня!.. Я—твоя Женя!

— Нѣтъ... не вы... не вы... не вы...

И съ этими словами мужъ Флавіи Тессини умеръ.

Digitized by Google

Бронзовый амуръ.

Весною Луизу Антоновну начала заѣдать тоска. Жизнь ея казалась ей безцѣльной; театръ вызывалъ въ ней отвращеніе; на сожителя своего Федора Матвѣевича она не могла смотрѣть безъ нервной зѣвоты и раздраженія. По цѣлымъ днямъ она валялась неодѣтая и непричесанная на кушеткѣ, переходя съ нея только на диванъ въ столовую или на кровать въ спальню, оттуда обратно на кушетку и т. д. Ея античныя руки, высвобождаясь изъ широкихъ рукавовъ краснаго замазаннаго халата, заламывались то и дѣло кверху въ порывѣ невыразимаго отчаянія, а красивый ротъ произносилъ совершенно некрасивыя слова, свидѣтельствующія о крайне гнѣвномъ настроеніи духа.

Digitized by Google

Всѣмъ домашнимъ въ такія минуты приходилось плохо, начиная отъ собачонки Фифишки, бѣлой, глупой и вѣчно-дрожащей, и кончая Федоръ Матвѣичемъ и горничной.

Въ обыкновенное время Федоръ Матвѣичъ былъ съ Луизой Антоновной довольно строгъ, а за изученіемъ ролей такъ даже прибѣгалъ къ расправѣ дѣйствіемъ, не говоря уже о щедро разсыпаемыхъ эпитетахъ, въ родѣ «дубина», «тупоухая баба», «глухая тетеря» и т. п.

Онъ считалъ себя въ правѣ такъ поучать Луизу Антоновну. Когда онъ сошелся съ ней, ей шелъ 17-й годъ, и она играла пажей въ опереткѣ, благодаря чудеснымъ ногамъ. Была она дочерью оркестроваго музыканта, который умеръ, когда дѣвочкѣ было лѣтъ 10, и оставилъ ее на попеченіе тетки. Тетка была чѣмъ-то въ родѣ театральной портнихи. Толстая, вздорная баба, она Луизу то поколачивала, то запирала, а ко-

Digitized by Google

гда пристроила въ «пажи», то отбирала у нея всякій грошъ. Впрочемъ, она была по-своему честна; ей никогда и въ голову не пришло бы воспользоваться красотой племянницы съ корыстной цѣлью. Зато, запирая и сторожа дѣвочку, она все время внушала ей самымъ этимъ постояннымъ страхомъ за нее, что съ ея красотой можно многое сдѣлать.

Федоръ Матвѣичъ обратилъ на «рыжую Лизу» вниманіе и какъ-то, слыша, какъ она бѣжитъ по коридору въ своемъ красномъ трико и напѣваетъ пѣсенку Маскотты, открылъ, что у нея не только ноги хороши, но и голосокъ недуренъ.

— Дайте мнѣ время!.. думалъ онъ, сидя послѣ спектакля за пивомъ въ «Alpenrose»,—такъ я изъ бревна примадонну сдѣлаю, а не то что изъ такой дѣвчурки. Бутончикъ... Это теперь на сценѣ за милліоны не найдешь... А въ ней цѣлое состояніе.

Послѣ этого онъ принялся за дѣло

Digitized by Google

энергично. Началъ за ней ухаживать, внушалъ ей, что тетка ее эксплуатируетъ, что ей нужна свобода, и что будь она въ его рукахъ—онъ бы изъ нея сдѣлалъ первоклассную артистку. Луиза слушала его съ блестящими глазами и ея ноздри раздувались. Въ одинъ прекрасный день она ушла отъ тетки и очутилась въ его номерѣ, а на другой день уѣхала съ нимъ служить въ одинъ изъ богатыхъ приморскихъ городовъ. Лѣтъ черезъ пять Федоръ Матвѣичъ дѣйствительно сдѣлалъ изъ нея примадонну.

Самъ онъ былъ опытный, старый комикъ. Голосъ онъ пропилъ давно, но таланту у него оставалось на двоихъ; правда, таланту пошлаго, площадного, циничнаго—но яркаго безспорно; у нея же красоты было тоже на двоихъ, и когда они выходили въ какомъ-нибудь городѣ въ первый разъ—непремѣнно въ своихъ коронныхъ роляхъ Менелая и Елены прекрасной—весь театръ неистовство-

Digitized by Google

валъ. Любили его красный носъ луковицей, отвисшія щеки, круглые глаза и лысую голову, даже голосъ со своеобразной хрипотой; любили и ея царственную юность, съ неподдѣльно-рыжими локонами Елены, съ дерзкими глазами и улыбкой пунцоваго рта, обжигающей, какъ стручокъ краснаго перца.

Что она въ немъ любила—неизвѣстно; да и любовью нельзя было назвать ихъ отношенія. Такъ—не то привычка, не то цѣпь, связавшая двухъ каторжниковъ. Тутъ же и сознаніе, что вдвоемъ они больше стоятъ,—и довѣріе къ нему, какъ къ учителю, тутъ и безтолковая ревность, кромѣ того, суевѣріе,—чисто актерское суевѣріе. Она была суевѣрна и невѣжественна, какъ испанская цыганка. Въ головѣ у нея было цѣлое смѣшеніе всевозможныхъ религій, обычаевъ, примѣтъ и т. п. Будучи лютеранкой, она не ѣздила въ театръ безъ православнаго образка Николы-чудотворца, вдѣланнаго въ ея

Digitized by Google

зеркало; въ уборной прибивалась подкова у входа; ея атласный ридикюль былъ всегда набитъ гвоздями, найденными на улицѣ и продиравшими его; изъ муфты торчали клочки сѣна, схваченные на счастье съ проѣзжавшихъ мимо возовъ; въ квартирѣ не уничтожались черные тараканы; если горничная начинала обувать ее съ лѣвой ноги, то эта самая прелестная ножка энергичнымъ толчкомъ отшвыривала туфлю прямо въ физіономію горничной и т. д., и т. д. Такъ вотъ, Федоръ Матвѣичъ игралъ у нея тоже роль фетиша. Она была увѣрена, что если они разойдутся, то это принесетъ ей несчастье, и потому переносила его такимъ, какимъ онъ былъ—часто пьянымъ, неаккуратнымъ, ворчливымъ и ревнивымъ.

Теперь они зарабатывали вдвоемъ тысячи двѣ въ мѣсяцъ, не считая бенефисовъ,—въ афишѣ ихъ обоихъ печатали въ красной строкѣ и аршинными буквами; жили они широко; несмотря на нѣмец-

Digitized by Google

кую кровь, она совершенно лишена была расчетливости. Деньги она любила, но для того, чтобы ихъ тратить немедленно на какой-нибудь капризъ, который черезъ полчаса забывался; впрочемъ иногда на нее нападала экономія, и она изъ-за пропавшаго куска колбасы поднимала крикъ на весь домъ, выгоняла прислугу и каталась въ истерикѣ.

Постоянно у нихъ были обѣды, ужины, шампанское она пила за обѣдомъ, какъ красное вино; въ гостиницахъ брались лучшіе номера, а иногда снималась цѣлая квартира, если они по два-три сезона оставались въ одномъ городѣ, и потомъ все распродавалось за гроши.

Держали лошадей, словомъ не считали расходовъ. Онъ всѣ деньги отдавалъ ей, оставляя себѣ сторублевку—другую на табакъ и пиво, но отъ нея требовалъ за то почтенія, говорилъ ей «ты», тогда какъ она ему по старой привычкѣ—«вы», и была ему лѣниво послушна. Да ей и

Digitized by Google

не въ чемъ было съ нимъ сталкиваться; въ сущности жизнь ея протекала однообразно въ кажущемся своемъ разнообразіи. Утромъ репетиція, вечеромъ спектакль; послѣ спектакля или опять репетиція, или ужинъ. Рѣдко въ ресторанѣ, когда заявлялись какіе-нибудь «меценаты» изъ публики, чаще у себя дома. Общества настоящаго не было; все больше группировались вокругъ нихъ театральные прихлебатели, мелкіе рецензенты, вторые актеры—родъ льстиваго, услужливаго и въ глубинѣ души ненавидящаго двора завистниковъ, сплетниковъ и любителей поѣсть на чужой счетъ. Между репетиціей и спектаклемъ обѣдъ на скорую руку и сонъ въ вознагражденіе за безсонную ночь. Книгъ—никакихъ.

Еще Федоръ Матвѣичъ, кончившій въ свое время гимназію, когда не былъ пьянъ, то любилъ почитать, что попадется подъ руку,—даже выписывалъ «Вѣстникъ иностранной литературы». Онъ про-

Digitized by Google

бовалъ въ былое время отполировать Луизу, далъ ей прочесть нѣсколько романовъ, но съ теченіемъ времени она совсѣмъ забросила чтеніе. Только утромъ, за кофе въ постели, она пробѣгала въ газетахъ отдѣлъ «Театръ и Музыка», сопровождая это краткими резюмэ, въ родѣ:

— Молодецъ «Неизвѣстный».

Или

— Мерзавцы! Смотря по тону рецензіи.

Этой литературы ей было довольно; иногда она еще просматривала отдѣлъ происшествій, списокъ недоставленныхъ телеграммъ и объявленія о продажѣ случайныхъ вещей, къ покупкѣ которыхъ у нея была извѣстная слабость.

Кромѣ того, третій годъ въ ея спальнѣ валялся «Вѣчный жидъ», котораго она никакъ не могла одолѣть; вотъ и все. Такова была ея жизнь. Эта жизнь была ей не всегда пріятна, и на нее по временамъ (по выраженію Федора Матвѣича)

Digitized by Google

«находили черти». Этихъ чертей онъ такъ боялся, что, замѣтивъ ихъ, считалъ болѣе благоразумнымъ ретироваться.

А она, выгнавши его, запиралась въ спальнѣ и ложилась навзничь на кушетку. Спальня у нея была обита голубымъ атласомъ; хаосъ въ ней стоялъ невыразимый. На голубыхъ стульяхъ съ поломанными ножками валялись смятыя юбки, шелковые корсеты, башмаки, кардонки; на окнахъ валялись пустыя бутылки, остатки ужина, — она иногда требовала себѣ ужинъ въ спальню,—коробки съ пудрой и румянами; тутъ же пузырекъ съ чернилами, обгрызенная писарская ручка, башмаки и гребенка съ пучками золотисто-рыжихъ волосъ. Пыльный балдахинъ постели поддерживалъ амуръ съ отбитымъ носомъ; на зеркалѣ можно было писать. По ковру, бывшему когда-то бѣлымъ, разбросаны были окурки. На мраморномъ умывальномъ столѣ стояли тазы съ мыльной водой. Посреди всего этого

Digitized by Google

безпорядка Луиза Антоновна лежала, злобно смотря на амура съ отбитымъ носомъ, курила папиросу за папиросой, и если Фифишка лѣзла къ ней съ нѣжностями, то колотила ее снятой съ ноги въ шелковомъ чулкѣ дырявой, стоптанной туфлей.

Въ одинъ изъ подобныхъ «феральныхъ дней» Луиза Антоновна по обыкновенію лежала вышеописаннымъ образомъ на своей кушеткѣ. Былъ третій часъ дня. Репетиціи у нея сегодня не было. Федоръ Матвѣевичъ игралъ внизу въ ресторанѣ на бильярдѣ.

Яркое осеннее солнце свѣтило въ зеркальныя окна ея номера, но и это не веселило ея. Она курила папиросу за папиросой и скучала немилосердно.

Фифишка полѣзла было къ ней съ нѣжностями, но она сняла со стройной ноги въ шелковомъ чулкѣ стоптанную туфлю и отколотила собачонку.

Вдругъ въ двери раздался сильный

Digitized by Google

стукъ и, не дожидаясь отвѣта, въ комнату быстро вошла хорошенькая, полная шатенка съ огромными брилліантами въ ушахъ. Это была Райцева, лирическое сопрано ихъ труппы.

— Опять лежитъ! Опять киснетъ! Ахъ, Луиза, это нестерпимо! — затараторила она.—Ты меня изъ себя выводишь! Посмотри, день-то какой чудный, совсѣмъ лѣтній! Ну, да я съ тобой долго разговаривать не стану. Одѣвайся!

— Это еще что? — довольно сурово отвѣчала Луиза.—Зачѣмъ одѣваться?

— За городъ поѣдемъ.

— Не желаю.

— Да я тебя и не спрашиваю—желаешь ли ты! Я этого желаю. Ну, вставай, вставай!

— Ахъ, оставь!

— Встряхнись! Стыдно! Молодая, красивая женщина и на что ты похожа!— начала возмущаться Райцева.— Что съ

Digitized by Google

тобой дѣлается? Влюбилась ты что ли въ кого-нибудь?

— Если-бы только!

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Въ кого тутъ влюбляться-то!

— Разумѣется, сидя въ четырехъ стѣнахъ, никого не увидишь. Ну, ѣдемъ, ѣдемъ! Тебѣ надо провѣтриться. Да что съ тобой, скажи?

— Тоска!

— Вотъ и надо ее прогнать. Слышишь, Луиза, если сейчасъ не встанешь и не поѣдешь, я съ тобой больше не знакома. Тамъ генералъ и Барвинковскій ждутъ съ коляской... Провизію съ собой взяли... Ну, ну, не упрямься!—

Не обращая больше вниманія на протесты Луизы, она позвонила горничную, велѣла ей подать платье, почти насильно, съ хохотомъ и поцѣлуями, одѣла Луизу и, не давъ ей времени опомниться, потащила внизъ, крикнувъ горничной на ходу:

Digitized by Google

— Скажешь барину, что барыня уѣхала со мною обѣдать.

— Ну вотъ, веду вамъ упрямицу, затворницу! Ни за что не хотѣла ѣхать! Цѣлуйте мнѣ скорѣе ручки, едва уговорила!—объявила она ожидавшимъ у подъѣзда кавалерамъ, генералу и извѣстному своимъ богатствомъ сахарозаводчику.

Пошли комплименты, привѣтствія, поцѣлуи ручекъ.

Усѣлись въ коляску. Сѣрые рысаки нервно перебирали ногами. Кучеръ былъ нагруженъ кульками и корзинами.

— А что же супругъ вашъ, Луиза Антоновна?—рыцарски обезпокоился генералъ.

— Дома его нѣтъ! Она, бѣдненькая, вѣчно одна!—отвѣтила за Луизу Райцева.

— Мнѣ кажется, Луизы Антоновны нечего жалѣть!—любезно возразилъ сахарозаводчикъ, толстый брюнетъ, одѣтый изысканно-скромно, но нацѣпившій бриллiанты въ орѣхъ, вмѣсто запонокъ, и

Digitized by Google

массу перстней на короткіе пальцы.— Вѣдь, стоитъ ей пожелать—и весь городъ будетъ у ея ногъ.

— Не заѣхать ли намъ за Федоромъ Матвѣевичемъ?—предложилъ генералъ.

— Къ чорту!—лаконически отвѣтила дива, и коляска мягко помчала ихъ, укачивая на сафьяновыхъ подушкахъ, по направленію къ чертѣ города. Миновали тюремный замокъ, переѣхали воздушный мостъ, повисшій надъ зеленоватыми волнами рѣки, и скоро очутились за городомъ. Летѣли по шоссе. По обѣимъ сторонамъ его стѣною стоялъ лѣсъ, разубранный со всею роскошью южной осени. Небо синѣло, словно вспоминая о недавно умчавшемся лѣтѣ; воздухъ былъ чистъ и ласковъ, солнце грѣло, но не жгло, заливая все розовымъ свѣтомъ.

— Какъ хорошо здѣсь!—невольно сказала Луиза.

— Вотъ видишь! А еще не хотѣла ѣхать!—торжествующе воскликнула Рай-

Digitized by Google

цева.—Постой, что я еще придумала! Не надо никакого ресторана; это такъ надоѣло! Все одно и то же. Я вездѣ каждую клѣтку на обояхъ наизусть знаю! Мы лучше вотъ что: пріѣдемъ въ слободу, остановимся у первой попавшейся хаты и на воздухѣ будемъ закусывать! Хорошо?

— Да, это, дѣйствительно, хорошо придумано!—отвѣчала Луиза. Лицо ея прояснилось.

— У Полины Андреевны всегда геніальныя мысли!—одобрилъ генералъ.

Оживившееся лицо Луизы всѣхъ привело въ лучшее настроеніе духа. Пошли шутки, смѣхъ; барыни раскраснѣлись на воздухѣ и совершенно не замѣтили, какъ доѣхали до слободы и кучеръ обернулся:

— Гдѣ прикажете остановиться, ваше превосходительство?

— Вотъ здѣсь, у крайней хаты! — скомандовала Райцева.—Смотрите, какъ здѣсь мило—совсѣмъ какъ на картинкѣ!

Digitized by Google

Бѣлая хатка пряталась въ зелени. На порогѣ стояла женщина, лѣтъ 35, смуглая, худая, съ черными глазами и бѣлыми зубами. Куча ребятишекъ съ испугомъ шарахнулась въ сторону, когда генералъ вышелъ изъ коляски и пошелъ къ ней «развѣдчикомъ».

— Здравствуй, тетка; а есть у тебя самоваръ?

— Пожалуйте, паночку, какъ не быть, усе есть, и самоваръ, и посуда, усе знайдется...

Она низко стала кланяться неожиданному гостю, съ тревогой слѣдя глазами за его взглядомъ.

— Ой, лишенько, вдругъ уйдетъ!—думала она.

Но генералу, очевидно, понравилось въ «садочкѣ», было чисто и онъ внушительно приказалъ ей:

— Такъ вынеси сюда столъ и стулья, а я пойду скажу господамъ, чтобы шли.

Digitized by Google

Онъ направился къ экипажу, а женщина юркнула въ избу и взволнованно и радостно зашептала мальчику лѣтъ двѣнадцати:

— А ну, Грицько, бери шапку, да бѣги къ шинкаркѣ; попроси у нея самоваръ и посуды, скажи—ко мнѣ гости пріѣхали, дамъ, скажи, злотый за подержаніе; да бѣги задворками; да не вздумай разсказывать, что это паны наѣхали, упаси тебя Богъ. Ой, что будетъ, если старая Тауба не дастъ самовара!

Но Тауба самоваръ дала и черезъ нѣсколько минутъ подъ черешнею былъ накрытъ столъ. Грицьковы пятки такъ и сверкали; вытащены были лавки, колченогій какой-то стулъ; появилась посуда — жалкая, расписная посуда пригородной деревни.

Барыни вышли изъ коляски. Райцева пришла сразу въ лирическое настроеніе. Тамъ, у нихъ, въ городѣ, сезонъ уже вступилъ въ свои права, о лѣтѣ давно

Digitized by Google

забыли думать; а здѣсь стояло настоящее бабье лѣто, теплое, ароматное.

Хатка ютилась на пригоркѣ; внизу розовымъ золотомъ сверкала рѣка, на казавшемся розовымъ подъ косыми лучами солнца пескѣ чернѣли опрокинутыя лодченки, разстилались сушившіяся сѣти. У тына росли громадные подсолнечники, доцвѣталъ кустъ красной мальвы съ сѣрыми суконными бутонами, краснѣли кисти барбариса. На фонѣ бурьяна и пышныхъ лопуховъ ярко выдѣлялись воздушные туалеты барынь, ножки въ бѣлыхъ башмакахъ; громадныя черныя шляпы съ перьями задѣвали за вѣтки низко растущей бузины.

— Въ чемъ же мы будемъ пить шампанское?—вопросилъ генералъ.

— Ахъ, Боже мой, да конечно, въ этихъ чашкахъ. Это еще веселѣе! Посмотрите, какіе у меня нарисованы чудные цвѣты!—восхищалась Райцева:—голубыя розы и красные ландыши!

Digitized by Google

— Вѣроятно, художникъ былъ декадентъ!—поддержалъ Барвинковскій.

— А на моей написано: «вдѣнь андела»!—смѣялась развеселившаяся Луиза.

— Дайте мнѣ страсбургскаго паштета!

— Извините, рѣжу кривымъ ножомъ... Другого не имѣется.

— А мнѣ зернистой икры... Вотъ вамъ ложка!

— Деревянная! Прелесть, прелесть!

— Какую вы марку взяли? Надѣюсь, не сладкую?

— Конечно, Wlute Star.

— А ужъ ананасъ-то придется рѣзать перочиннымъ ножомъ.

— Ничего, на войнѣ—по-военному!

— Генералъ, вы забрали себѣ все полотенце, эгоистъ; дайте мнѣ утереться.

„Это иди-и-и-лія!
Во вкусѣ Ѳеокрита и Вирги-и-и-лія“!..

пѣла Луиза.

И смѣхъ, и звонкое чоканье импровизированныхъ бокаловъ... А поодаль, подъ

Digitized by Google

тыномъ, столпилась куча дѣтворы. Всѣ эти босенькіе, въ однѣхъ рубашкахъ, черномазые ребятки, съ искреннимъ наслажденіемъ и захватывающимъ любопытствомъ смотрѣли на невиданныхъ гостей. Имъ казалось, что это какія-то сказочныя существа; и ѣдятъ и пьютъ они все незнакомыя вещи, и одѣты такъ красиво...

Они съ заглушеннымъ смѣхомъ и шопотомъ оживленно обмѣнивались впечатлѣніями насчетъ пановъ и, вѣроятно, веселились не меньше послѣднихъ, хотя и безъ шампанскаго. Мать напрасно тихо и грозно цыкала на своихъ цыплятъ, стараясь водворить порядокъ, а сама суетилась съ посудой и полотенцами.

Райцева подъ вліяніемъ природы и шампанскаго приходила все болѣе и болѣе въ поэтическое настроеніе. Она томно склонила головку на плечо къ генералу; онъ совсѣмъ растаялъ и поддерживалъ ее съ такимъ видомъ, какъ будто бы она была до краевъ наполнена ки-

Digitized by Google

пяткомъ, который онъ боялся расплескать.

Луиза тоже, глядя на подругу, чувствовала, что разнѣживается.

Вокругъ было тихо; пахло мятой и скошенымъ сѣномъ; съ рѣки доносился мягкій, влажный воздухъ, гдѣ-то звучала пѣсня; звонкій дѣвичій голосъ пѣлъ:

„Барвиночку зелененькій,
Стелися низенько“...

Гдѣ-то мычала корова, хлопалъ бичъ пастуха...

Все было полно покоя, не похоже на городъ, далеко отъ театра...

И хотѣлось чего-нибудь хорошаго, мягкаго, пріятнаго и тоже спокойнаго.

Она отставила шампанское и глядѣла на чудесныя краски неба на западѣ, на блестящую издали рѣку... Потомъ машинально перевела взглядъ на шушукавшуюся дѣтвору—и вдругъ широко раскрыла глаза и ахнула.

Digitized by Google

— Посмотри!—дернула она за рукавъ Райцеву.

— Что такое?

— Посмотри на этого ребенка! Вглядись въ него! Дѣвочка, дѣвочка! Поди сюда!

Дѣвчурка лѣтъ трехъ-четырехъ спряталась за спины другихъ дѣтей и, засунувъ въ ротъ весь кулачокъ, пугливо озиралась.

— Ну, иди же, Мариська, видишь, тебя какая красивая барыня зоветъ! Что ужъ ты пугаешься, ходи, доню!—торопливо заговорила хозяйка, беря дѣвочку за грязную ручку и подводя къ Луизѣ.

Та смотрѣла на нее съ восторгомъ. Ребенокъ былъ прелестенъ. Подъ лохмотьями рубашонки виднѣлось стройное, смуглое тѣльце; черные, спутанные волосы вились въ кольца и падали на лобъ; изъ-подъ нихъ испуганно глядѣли огромные черные глаза съ синеватыми бѣлками. Загаръ заставлялъ казаться еще темнѣе

Digitized by Google

и безъ того золотистую кожу, а крошечный ротикъ былъ удивительной формы и ярко-алый.

— Посмотрите, какой удивительный ребенокъ!—восхищалась Луиза. Остальные, разглядѣвъ дѣвочку, тоже хоромъ подняли похвалы.

— Неужели это твоя дочка?—спросила Луиза хозяйку.

— Моя, золотая барынька, моя... послѣдняя, шестая, послѣ нея мужъ померъ... Всѣхъ-то ихъ, вонъ, шестеро у меня.

— Да... впрочемъ, вѣдь, ты тоже, вѣрно была красива!— безцеремонно разсматривая ея коричневое лицо, сказала Луиза,—ты не цыганка?

— Молдаванка я, дорогая барыня, изъ-подъ Букурешти... но давно сюда пришла, ужъ не помню когда, съ отцомъ... А замужъ вышла за тутошняго, рыбачилъ онъ, да вотъ третій годъ померъ, оставилъ меня съ ними маяться!

Digitized by Google

Луиза посадила дѣвочку къ себѣ на колѣни, не жалѣя голубого муслиноваго платья, и жадно смотрѣла на нее. У нея начиналъ разгораться одинъ изъ тѣхъ непреодолимыхъ капризовъ, которые заставляли ее ломать и разрушать все вокругъ.

Дѣвочка притихла въ рукахъ у нея. Ея крошечное сердечко стучало сильно-сильно, какъ у пойманнаго воробья, и она безпомощно смотрѣла на мать.

— Посмотрите, какія ручки, какія ножки! — говорила Луиза своимъ спутникамъ.—Это все грязно, запущено, но отмойте ее... Вѣдь это совершенно бронзовый амуръ! Этотъ золотистый цвѣтъ кожи!.. Послушай! — вдругъ обратилась она къ женщинѣ, горделиво улыбавшейся, слыша, какъ хвалятъ ея дочку:—отдай мнѣ ее!

— Какъ... отдать?—оторопѣла женщина, сразу не понявъ.

— Очень просто!—объясняла Луиза

Digitized by Google

съ заблестѣвшими глазами.—Отдай мнѣ ее... на воспитаніе... вмѣсто дочки. У меня дѣтей нѣтъ. Ей будетъ хорошо. Я ее воспитаю, дамъ ей образованіе...

— Луиза, подумай, что ты дѣлаешь?— вставила Райцева.

— Оставьте ее! Это такой благородный порывъ!—умиленно перебилъ генералъ.

— Какъ, что я дѣлаю?—повернулась Луиза всѣмъ корпусомъ къ Райцевой, уже взбѣшенная возраженіемъ.—Мнѣ нечего дѣлать... Я вѣчно одна... Это будетъ цѣль въ моей жизни. Я буду съ ней возиться.

— Надоѣстъ тебѣ скоро.

— Не учи меня, пожалуйста!—вспылила Луиза.—Я знаю, что я дѣлаю. Послушай! Такъ отдай мнѣ дѣвочку.

— Что вы! золотая моя барыня!—опѣшивши, говорила женщина.—Какъ же это я вдругъ... Что вы!..

— Пойми!—властно возразила Луиза.

Digitized by Google

Она у тебя красавица... Я изъ нея сдѣлаю настоящую барышню, будетъ у меня въ шелку ходить...

Женщина отрицательно мотала головой, тяжело дыша отъ волненія.

Луизѣ пришла новая мысль.

— Вѣдь, ты говоришь, что ты съ ними маешься?

— О, Господи! Какъ же не маяться? Вѣдь, шестеро у меня. Еще какъ есть поденная работа (бѣлье я стираю, въ городъ хожу), такъ можно жить, а когда нѣту, то и голодомъ сидятъ. За хату платить надо... Кормить ихъ надо... Шестеро, вѣдь, ихъ у меня! Позатыкаю окна въ хатѣ, чтобы думали, что еще солнышко не вставало, да и велю спать цѣлый день, а сама съ ними лежу, да и горькими слезами плачу...—и она всхлипнула и утерла слезы рукавомъ сорочки.

— Ну, такъ слушай... — перебила ее Луиза, почти не обратившая вниманіе на то, что она говорила: —Если отдашь мнѣ

Digitized by Google

дѣвочку, я тебѣ буду присылать... каждый мѣсяцъ... десять... пятнадцать рублей, слышишь?

Женщина даже плакать перестала. Голова у нея закружилась. Сразу она ничего не могла сообразить. Мариську ея возьмутъ въ дочки... Сдѣлаютъ барышней... А у нея будетъ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ... Да, но отдать своего ребенка? Какъ-же это мыслимо? Но зато всѣ остальные будутъ сыты, да и Мариськѣ будетъ хорошо... Что же дѣлать? Пятнадцать карбованцевъ! Цѣлое состояніе! Никогда у нея въ жизни такихъ денегъ не бывало. Отдать своего послѣдушка! Просвѣти, научи, Матерь Божія! Что сдѣлать?

— Соглашайся!—повелительно говорила ей Луиза, вся трепещущая отъ своей новой фантазіи.—Подумай, отъ чего ты отказываешься?..

— Не ломайся, баба!—поддержалъ генералъ.—Тебѣ счастье въ руки плыветъ; не будь дурой!

Digitized by Google

Слова такого важнаго пана совсѣмъ смутили женщину. Она чувствовала, что земля уходитъ у нея изъ-подъ ногъ.

— Я двадцать рублей въ мѣсяцъ буду тебѣ платить, слышишь! — уже съ гнѣвомъ говорила Луиза, прижимая ребенка къ себѣ.

— Что дѣлать?

— Растерянная, оторопѣвшая, она сама не знала, какъ отвѣтила, точно кто ее толкнулъ:

— Что же... берите...

Луиза вскрикнула и вскочила съ мѣста, высоко поднявъ оробѣвшую дѣвочку.

— Ну, такъ ѣдемъ, господа! — заторопила она.

— Не терпится наиграться новой игрушкой?—засмѣялась Райцева.

— Боюсь, вдругъ передумаетъ,—тихо сказала ей Луиза.

— Какъ?—залепетала мать, видя, что она не выпускаетъ ребенка изъ рукъ.

— Я возьму ее сейчасъ съ собою. Вотъ

Digitized by Google

тебѣ мой адресъ!—она вынула изъ мѣшечка и дала ей визитную карточку.—Ты принесешь мнѣ въ городъ ея метрику... свидѣтельство... слышишь?

Всѣ уже поднялись съ мѣстъ. Генералъ сунулъ десятирублевку въ руки женщинѣ. Черезъ нѣсколько минутъ они уже усаживались въ коляску.

Луиза не дала даже поцѣловать дѣвочку матери. Ребенка завернули въ кружевную пелерину и посадили въ коляску. Увидя, что это не шутка, она побѣлѣла отъ испуга и начала изо всѣхъ силъ выдираться изъ кружевъ, съ плачемъ и крикомъ.

— Мамо! Мамо!

Та бросилась было къ ней, но кучеръ ударилъ кнутомъ, рысаки помчались... Женщина нѣкоторое время бѣжала за коляской, полуобезумѣвшая, задыхающаяся. Потомъ остановилась въ оцѣпенѣніи, и вдругъ крикнула не своимъ голосомъ:

Digitized by Google

— Маруся моя! Доню моя! Ратуйте, добрые люди!—и пластомъ повалилась на землю.

Участь бронзоваго амура была рѣшена.

Мариську водворили у Невѣровыхъ. Такъ какъ некуда было больше, то ее устроили въ гардеробной, гдѣ спала горничная; и посреди всевозможныхъ сундуковъ, атласныхъ юбокъ, вышитыхъ треновъ Луизы, мундировъ Федора Матвѣевича, корзинокъ, цвѣтовъ и т. п.—уставилась маленькая желѣзная кроватка съ сѣточкой. Казалась она тутъ какъ-то не къ мѣсту; сразу видно было, что ребенокъ здѣсь является чѣмъ-то случайнымъ, неподходящимъ. Несмотря на это, Луиза занялась своей новой забавой съ ожесточеніемъ. Начала она съ того, что ребенка дня два собственноручно отмывала, чистила, подстригала и т. д. Затѣмъ каждый день дѣлала ей ванны съ духами,

Digitized by Google

сама раздѣвала ее и вертѣла во всѣ стороны, любуясь «бронзовымъ амуромъ». У Мариси появилось батистовое бѣлье, шелковыя платьица, шелковые носочки—все, что угодно. Занималась Луиза ею страшно. У нея сдѣлалась idée fixe выгнать изъ Мариси «хамскій духъ». Сначала дѣвочка страшно тосковала и плакала по цѣлымъ днямъ, но за эту тоску ее стали наказывать. Луиза высѣкла ее раза два (по собственному опыту полагая, что въ этомъ-то и заключается воспитаніе дѣтей) и внушила ей, что ея мама—она, а не деревенская, а папа—Федоръ Матвѣевичъ, и что если она будетъ говорить глупости насчетъ прежней мамы и деревни, то ее выдерутъ. Доставалось ей нещадно за каждый «неизящный» жестъ, за деревенское выраженіе. Кормили ее деликатесами, рябчиками, сливками, фруктами, «чтобы измѣнить въ ней всю кровь»,—какъ увѣряла Луиза,—и били по рукамъ, когда она тянулась къ черному

Digitized by Google

хлѣбу, еще недавно составлявшему ея главную пищу.

Луиза требовала отъ нея быстраго пониманія всего, чего она хочетъ, и немедленнаго повиновенія, совершенно забывая, что это крошечный ребенокъ, не отдающій себѣ отчета въ своихъ поступкахъ.

Она не привыкла возиться съ дѣтьми, не имѣла понятія о томъ, какъ съ ними обращаются, и разсуждала съ Марисей такъ же точно, какъ съ Невѣровымъ или съ горничной.

Въ концѣ концовъ Марися поняла, что всякій протестъ напрасенъ, что плакать нельзя, потому что за это «мама» больно наказываетъ, а «папа» обѣщалъ, что если онъ услышитъ въ домѣ крики и писки, то возьметъ Марисю за ножки и выброситъ въ форточку. Въ виду такой страшной перспективы она совершенно перестала плакать и кричать, когда ее бранили или давали ей шлепка, а только

Digitized by Google

дрожала всѣмъ тѣльцемъ, и глазки ея хранили вѣчно испуганное выраженіе.

Мать ея пришла черезъ нѣсколько дней въ городъ, но ее дальше передней не пустили. Луиза Антоновна вышла къ ней сама.

— Барышню повели гулять!—заявила она.—И ты, милая, вообще не безпокой насъ. Тебѣ каждый мѣсяцъ, когда будемъ посылать деньги, будемъ и писать о здоровьѣ Мариси, а теперь ступай. Принесешь метрику—получишь деньги.

Марися такъ и не знала, что приходила ея мать, а та, проревѣвъ въ лакейской часа два, опять поплелась домой, проклиная свою горькую долю.

Въ концѣ сезона Невѣровы уѣхали въ другой городъ и увезли Марисю.

Дѣвочка мало-по-малу забывала деревню. Жилось бы ей ничего себѣ, если бы не бѣшеная вспыльчивость Луизы. Марися была тиха и молчалива, какъ мышка, въ чуждой ей обстановкѣ; все пугало

Digitized by Google

ее; часто разгоралось дѣтское любопытство, но удовлетворить ему было нельзя: она боялась что-нибудь спросить, чтобъ ей не досталось, зная, что ей влетаетъ за каждое почти слово. Почему нельзя говорить тѣхъ словъ, къ которымъ она привыкла за свою недолгую жизнь, почему нельзя было ѣсть того, что недавно она еще ѣла каждый день, почему нельзя было сидѣть, ходить такъ, какъ она умѣла—этого ей не объясняли, а только кричали на нее и ставили въ уголъ. Когда какъ-то разъ она увидѣла у горничной «сѣмячки» и, обрадовавшись, взяла нѣсколько зернышекъ, то ее отхлопали по рукамъ такъ, что пальцы побагровѣли; а тамъ... та прежняя мама давала ей сѣмячки, какъ любимое угощенье. Она уже ничего не понимала, и только все испуганнѣе становились ея глазки.

Какъ-то Райцева пришла къ Луизѣ вечеромъ передъ театромъ и застала шумъ и крикъ на всю гостиницу. Мари-

Digitized by Google

ся сидѣла на стулѣ, сложивъ ручки на колѣняхъ, и съ ужасомъ смотрѣла на Луизу. Нижняя губешка у нея тряслась, но она не плакала. Луиза немилосердно кричала и расшвыривала все вокругъ себя.

— Что тутъ у васъ случилось?—спросила она, снимая перчатки.

— Что! А то, что какъ волчонка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ! Отвратительное, хамское отродье! Какъ съ ней ни бьешься, немыслимо ей внушить порядочныхъ манеръ.

— Зачѣмъ ты ее взяла? Я тебѣ говорила, что тебѣ надоѣстъ!

— Ничего не надоѣстъ, но не могла же я предполагать, что мнѣ съ ней будетъ столько возни. А! ты опять? Да что же это такое? На зло ты мнѣ что ли это дѣлаешь?

Ребенокъ совершенно безсознательно опять принялъ ту позу, за которую ему такъ досталось: она наклонила набокъ головку, оперлась локоткомъ одной руки

Digitized by Google

на другую, подперла подбородокъ крошечнымъ кулачкомъ и забавно, задумчиво, по-бабьи «пригорюнилась».

Луиза прянула, какъ пантера, схватила лежавшій рядомъ кожаный поясъ и замахнулась на Марисю. Та только успѣла закрыть ручкой лицо, инстинктивно защищаясь, но безъ крика, безъ жалобы; въ это время Райцева схватила Луизу за руку.

— Ты съ ума сошла!

— Я тебѣ говорю, что это она нарочно дѣлаетъ... Я ей не велѣла такъ садиться... по-мужичьи... а она, этотъ упрямый чертенокъ, нарочно это вытворяетъ, чтобы разозлить меня!

— Во всякомъ случаѣ, если ты вздумаешь ее бить, я тебя самое вытяну этимъ ремнемъ! — вступилась Райцева, разозлившись въ свою очередь.

Она по добродушію своему не понимала, какъ можно кого-нибудь и пальцемъ тронуть.

Digitized by Google

— Скажите, пожалуйста! — пробормотала Луиза, но все же устыдилась и, ворча что-то себѣ подъ носъ, ушла одѣваться.

Райцева подошла къ дѣвочкѣ и, взявъ ее на руки, приласкала. Та молча прижалась къ ней и вдругъ стала осыпать ее торопливыми, горячими, боязливыми поцѣлуями, вся дрожа и не говоря ни слова. Вся сдерживаемая нѣжность, вся страстная натура этого крошечнаго черноглазаго существа вылилась въ этомъ.

Тронутая Райцева гладила ее по кудрявой головкѣ и, съ жалостью глядя на нее, сказала:

— Охъ, ты моя маленькая дѣточка, Марися моя милая!..

Такой ласки Марися давно ни отъ кого не видала. Она совсѣмъ стосковалась по нимъ, правда, безсознательно. Съ дѣтской впечатлительностью, она уже привыкла думать, что эта новая мама и есть настоящая, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ея памяти еще оставались другія воспоминанія ласокъ и

Digitized by Google

поцѣлуевъ и няньчанья съ ней той, другой мамы, о которой ей было запрещено вспоминать.

Здѣсь Луиза или ее рядила, какъ куклу, или по цѣлымъ днямъ забывала о ней, или опять возилась, какъ съ котенкомъ, но всегда Марися чувствовала, что гроза близка, что вотъ-вотъ возня и игра смѣнится крикомъ и розгой, и никогда не знала, что сейчасъ нужно: смѣяться или плакать.

И теперь неожиданная ласка вдругъ все въ ней перевернула; она положила головку на плечо Райцевой и тихо заплакала, тихо, тихо, боясь выдать свои слезы. Но та не бранила ее за слезы, а все нѣжнѣе гладила по головкѣ и цѣловала ее, и Марисѣ хотѣлось такъ остаться навсегда на груди у этой тети, такой спокойной и ласковой, и ея встревоженное сердчишко не ёкало, какъ у пойманной птички, не билось неровно, а затихало, затихало...

Digitized by Google

Вошла въ комнату Луиза и посмотрѣла на эту сцену.

— Вотъ, хоть бы когда-нибудь ко мнѣ такъ приласкалась, маленькій змѣенышъ!—сказала она.—Однако, пора. Поѣдемъ, Полина! Луша, все готово? Что же вы копаетесь? Поѣзжайте! Я изъ-за васъ опять опоздаю. Ахъ, да вы еще не уложили Мариську! Удивительно. Все я должна дѣлать. Хотѣла бы я узнать, кто у кого служитъ, вы у меня или я у васъ? Ну, чего вы стали, какъ ворона? Поѣзжайте! Я сама ее уложу. Да живѣе поворачивайтесь!

— Какъ же дѣвочка одна останется? — удивилась Райцева.

— А что ей сдѣлается? Мы не въ степи, я думаю, а въ гостиницѣ. Она спать должна. Славу Богу, семь часовъ уже!

Мариську раздѣли. Въ одной рубашкѣ она, дѣйствительно, была похожа на амура.

Уложенная въ кроватку, она не могла

Digitized by Google

преодолѣть себя и, рискуя навлечь гнѣвъ на свою голову, жалобно пролепетала:

— Мама! Я боюсь!

— Вотъ еще выдумала!—изумилась Луиза, не боявшаяся ничего въ жизни, кромѣ числа 13, черной кошки и трехъ свѣчей.—Чего еще боишься? Спи!

Она потрепала ее по щекѣ, потушила лампу и направилась къ дверямъ. Райцева поцѣловала дѣвочку и хотѣла тоже уйти.

Марися уцѣпилась за нее изо всѣхъ силъ и опять прошептала:

— Я боюсь... боюсь... тетя...

Та хотѣла успокоить ребенка, но Луиза прикрикнула на дѣвочку:

— Будешь капризничать, такъ я такъ тебя нахлопаю, что весь страхъ забудешь. Что за нѣжности еще такія!

Марися быстро выпустила юбку Райцевой изъ рукъ, съежилась и замолкла, только изъ груди ея вырвались судорожные, долгіе вздохи, да лихорадочно блестящіе глаза, не отрываясь, смотрѣли на

Digitized by Google

двигавшіяся въ полумракѣ комнаты фигуры.

— Неужели ты ее въ темнотѣ оставишь?—покачала головой Райцева.

— А что же мнѣ, иллюминацію для нея что ли зажигать? Еще чтобъ пожаръ надѣлала? Дѣйствительно! Да что ей? Изъ коридора свѣтъ, напротивъ окна электрическій фонарь, свѣтло, какъ днемъ.

Райцева пожала плечами.

— Я, милая, сантиментальнаго воспитанія не признаю!—важно сказала Луиза подхваченную у Невѣрова фразу, и вышла Райцева за ней.

Ключъ щелкнулъ въ замкѣ... Мариська осталась одна. Тутъ она не выдержала. Неподдѣльное дѣтское горе охватило все ея маленькое существо съ такой силой, что она даже не могла лежать. Она сѣла на постелькѣ и оглядѣлась вокругъ. Все было темно, страшно. Казалось, кто-то черный прятался въ каждомъ углу, а сзади хотѣли схватить чьи-то косматыя руки.

Digitized by Google

Она протянула впередъ ручки и рыдая звала:

— Мама! Мама!..

Но когда она произносила это слово, то передъ ней мелькалъ не образъ рыжей красавицы, а худое, темное лицо женщины, которую ей не велѣли вспоминать.

Что-то заскреблось, зашуршало въ углу... Она вся похолодѣла отъ страха. Въ это время въ коридорѣ послышались чьи-то шаги.

— Устя! — вскрикнула дѣвочка, думая что это горничная при гостиницѣ, которая иногда возилась съ ней въ свободную минутку.

Она насторожилась, даже плакать перестала; перелѣзла черезъ рѣшетку кровати на стулъ, тамъ на полъ, и, подобравшись босыми ножками по холодному паркету къ двери, прильнула къ замочной скважинѣ и начала смотрѣть въ дырочку. Эта ужасная дверь раздѣляла ее съ ко-

Digitized by Google

ридоромъ, который сейчасъ казался ей должно быть тѣмъ же, чѣмъ для іудеевъ земля обѣтованная. Тамъ былъ свѣтъ, были люди, была жизнь—здѣсь пугающая темнота и пустота.

Слезы текли по ея личику. Она дрожала отъ страха и холода въ своей кружевной рубашонкѣ. Она сначала тихо, потомъ все громче звала Устю.

— Устя! Устенька!

Въ надеждѣ, что та хоть откликнется ей, но Усти не было въ коридорѣ, и никто ей не отвѣчалъ. Такъ она плакала весь вечеръ, пока не услышала шаги, остановившіеся у этой двери: возвратилась Луиза изъ театра. Она юркнула быстро въ свою кроватку, легла, притаивъ дыханіе—и, чувствуя присутствіе живого человѣка, заснула.

— Что это тамъ за крикъ,—спрашивала у коридорнаго генеральша, занимавшая сосѣднее отдѣленіе.

— А это, ваше превосходительство,

Digitized by Google

рядомъ квартируетъ артистъ Федоровъ-Невѣровъ-съ, такъ ихняя супруга дѣвочку одну оставляютъ вечеромъ, такъ она сильно боится и плачетъ-съ...—пояснилъ лакей.

На другой день генеральша встрѣтила Луизу въ коридорѣ и дипломатически къ ней обратилась:

— Извините, сударыня, хоть я съ вами не имѣю удовольствія быть знакомой, но мнѣ хотѣлось васъ предупредить... Вы, вѣроятно, не знаете, что въ ваше отсутствіе прислуга оставляетъ вашего ребенка одного, и бѣдное дитя надрывается отъ крика...

— Благодарю васъ! — отвѣчала Луиза, дѣлаясь пунцовой и скрывая бѣшенство подъ любезной улыбкой.—Я вамъ очень обязана... Я приму мѣры. . Знаете, эти прислуги...

— Вы, надѣюсь, не въ претензіи...

— Нѣтъ, помилуйте... что вы...

— Право, я бы не рѣшилась, если бы

Digitized by Google

не этотъ раздирающій душу плачъ... на всю гостиницу...

— Я вамъ безконечно благодарна!..

Внѣ себя отъ злости, Луиза влетѣла въ комнату и съ силой тряхнула дѣвочку за руку.

— Ты что же это, скверная дѣвчонка! Орешь тутъ по ночамъ, а мнѣ изъ-за тебя скандалы дѣлаютъ! Ахъ ты, негодница!

— Ничего, матушка, сама себѣ посадила обузу на шею,—иронически замѣтилъ Федоръ Матвѣевичъ.—Не было у бабы хлопотъ, купила себѣ баба порося...

Мариську высѣкли.

Съ тѣхъ поръ она уже и одна не смѣла плакать, не понимая, откуда мама про это знаетъ. Но эти вечера, въ одиночествѣ, въ темной комнатѣ, были для нея страшнѣе всякой пытки.

Когда къ Невѣровой приходили гости, то всѣ пріятно поражались той декораціей семейнаго счастья, которая воцарилась у нихъ. За столомъ между «мамой»

Digitized by Google

и «папой» возсѣдала на высокомъ креслицѣ Марися, въ какой-нибудь очаровательной блузочкѣ съ мягкимъ кушакомъ, розовой или красненькой, подвязанная салфеткой подъ шейку. Послѣ обѣда она цѣловала выхоленую ручку «мамы» и пропахшую табакомъ волосатую лапу «папы»; ей говорили:

— Ступай въ дѣтскую!

И она удалялась въ «дѣтскую», т.-е. въ гардеробную, гдѣ садилась на сундукъ въ углу и принималась играть. Игрушекъ у нея не было: думали вѣдь не объ ея развлеченіи, а о своемъ... Но, за неимѣніемъ игрушекъ, Марися играла съ собственными пальцами. Она рядила ихъ въ лоскуточки, обрывки бумаги; средній палецъ у нея былъ папа, безымянный — мама, указательный — Луша, большой — тетя Райцева, а сама она, Марися—мизинчикъ. Остальные пальчики—на лѣвой рукѣ — были, смотря по обстоятельствамъ, всѣми людьми, хотя на время занявшими

Digitized by Google

ея воображеніе: Устя, бывавшая у мамы, толстая тетя, дядя дирижеръ и т. д.

Часто безымянный палецъ бранилъ и наказывалъ мизинчикъ; средній тоже ворчалъ на него и грозился:

— Я тебя выброшу за ножки въ форточку, если будешь плакать!

Потомъ безымянный приказывалъ мизинчику спать и оба уходили (отгибались въ сторону). Появлялся безымянный, укладывалъ мизинчика и укрывалъ его; потомъ тоже уходилъ,—но тогда являлся добрый большой пальчикъ, такой кругленькій и полненькій, всегда въ самомъ лучшемъ лоскутикѣ, и такъ ласково гладилъ и утѣшалъ бѣднаго мизинчика, и шепталъ ему нѣжныя слова:

— Марися ты моя миленькая!

И разсказывалъ сказки... Боже! Какія чудесныя сказки!

— Что ты тутъ шепчешься сама съ собой, какъ старая вѣдьма?—окликала ее Луша. — Мама зоветъ, къ гостямъ иди...

Digitized by Google

Да дай патлы-то подберу. Опять растрепалась... У, цыганское отродье! Мало было работы, тебя на шею навязали. Стой смирно!

Причесавъ Марисѣ волосы и подвязавъ розовую ленту, Луша выводила ее къ гостямъ, говоря ей медовымъ голосомъ:

— Иди, золотая моя дѣточка, иди къ мамочкѣ!

Марися съ изумленіемъ только оглядывалась на нее.

— Нѣтъ, вы посмотрите на ея ручки! А ножки! Прямо античное сложеніе! — хвасталась Луиза. — Это мой бронзовый амуръ! Нѣтъ, если бы вы знали, какъ она сложена... Ну да постойте, я вамъ должна ее показать, вы такой знатокъ красоты!

Мариську раздѣвали и ставили голенькой на столъ, а она ежилась подъ взглядами чужихъ глазъ, съ любопытствомъ осматривающихъ «Амурчика», и ея бронзовое тѣльце все дрожало...

Digitized by Google

Такъ продолжалось около трехъ лѣтъ. Марисѣ шелъ 7-й годъ. Она уже совершенно забыла родную деревню. Ей казалось, что она никогда не жила другою жизнью, что все это съ ней было всегда: и мама, и папа, и эти побои, и брань, такъ и нужно все. Она и любила этихъ маму и папу, ея сердечко должно было кого-нибудь любить.

Только когда ужъ очень плохо ей приходилось, она вспоминала, словно сквозь сонъ, какія-то ласки, какія-то слова, которыхъ она теперь не слышала; особенно какую-то пѣсенку про котика:

«Котусь, котусь, мій малэнькій,
Котусь, котусь, мій билэнькій!..
О-о, о́-о, о́-о, о!..»

И сама себя этой пѣсенкой убаюкивала.

Привыкла она и къ шелковымъ платьицамъ, и къ рябчикамъ, привыкла къ тому, что чернаго хлѣба ѣсть нельзя, хорошо говорила, словомъ, была именно тѣмъ ребенкомъ, какого жаждала Луиза.

Digitized by Google

Но въ это время въ жизни Луизы произошла неожиданная, но разительная перемѣна.

Луиза влюбилась въ молодого помѣщика, который отвѣтилъ ей тѣмъ же, и собралась за него замужъ.

Съ Невѣровымъ она рѣшила разойтись—и исполнила свое рѣшеніе. Помѣщикъ былъ ея капризомъ, ея фантазіей, ея божествомъ. Загорѣлась она такъ, что все остальное стушевалось, и Невѣрова она бросила безъ всякой жалости, несмотря на то, что онъ въ первый разъ въ жизни забылъ свой комизмъ и рыдалъ настоящими, мучительными слезами у ея ногъ.

Помѣщикъ былъ влюбленъ въ Луизу до безумія и ревновалъ ее ко всѣмъ, а между прочимъ и къ ребенку, со страстью Отелло. Съ существованіемъ Невѣрова въ ея прошломъ онъ примирился; но, зная, что ребенокъ былъ не отъ него (такъ какъ Невѣровъ уѣхалъ, даже не вспо-

Digitized by Google

мнивъ о ребенкѣ), и потому рѣшилъ, что Марися—дитя любви, и что у Луизы былъ другой романъ, и такъ недавно, значитъ! При этой мысли онъ бѣгалъ по комнатѣ, хватаясь за голову, и стоналъ, какъ раненый звѣрь. Она ему и клялась, и божилась, что Марися не ея ребенокъ—онъ не вѣрилъ.

— Ахъ ты Господи!—вдругъ сообразила она и даже разсмѣялась:—да возьми ты и отдай Мариську ея матери, почтенной m-me Охрименко!

— Какъ?.. Ты принесешь мнѣ эту жертву?..

— Боже мой, да разъ ты не вѣришь? Вотъ тебѣ ея метрика!.. Она бросила ему метрику, вынувъ изъ шкатулочки, и разсмѣялась.

— Милая!

Онъ на колѣняхъ благодарилъ ее, цѣлуя ея античныя ноги, на которыхъ уже теперь нельзя было увидѣть стоптанныхъ туфель... И судьба бронзоваго амура была

Digitized by Google

вторично рѣшена. Черезъ нѣсколько дней отрядили Лушу.

Помѣщикъ,—человѣкъ очень богатый—былъ настолько щедръ, что велѣлъ ей отвезти Марисиной матери 200 руб. Отдали и всѣ ея платьица и отправили Марисю.

Тутъ она ужъ была въ полномъ отчаяніи и ничего не понимала. Второй разъ дѣтское сердце переживало тяжелую драму разлуки съ ближними, которую дѣти, можетъ быть, и легко забываютъ, но зато такъ мучительно чувствуютъ.

Она не знала, зачѣмъ и куда ее везутъ. Луиза ее даже не поцѣловала на прощанье, по той простой причинѣ, что поѣздъ отходитъ вечеромъ и она уже уѣхала въ театръ; передъ спектаклемъ же она всегда волновалась, какъ въ первый разъ, и совершенно забывала, что Марися вообще существуетъ на свѣтѣ.

— Куда мы ѣдемъ?—спросила Марися Лушу.

Digitized by Google

— Куда? Къ матери твоей, — отвѣчала та.

— Къ мамѣ!—Дѣвочка не смѣла больше разспрашивать и, забившись въ уголокъ деревянной скамьи, смотрѣла широко раскрытыми глазами впередъ.

«Къ мамѣ! Какая же это мама? Когда мама тамъ осталась?» Она продумала объ этомъ всю ночь, а на другой день онѣ пріѣхали въ тотъ городъ, гдѣ жила Марисина мать.

Луша не торопилась ее разыскивать. Она разсчитывала сказать барынѣ, что долго не находила Охрименковой, а пока воспользоваться свободой. Она взяла хорошенькій номеръ въ гостиницѣ, приглашала старыхъ знакомыхъ и провела дня три барыней.

Въ адресномъ столѣ адресъ Охрименковой нашла она скоро.

За эти три года Марисина мать, съ помощью двадцати рублей въ мѣсяцъ, которыя Луиза ей высылала аккуратно,

Digitized by Google

поправилась настолько, что успѣла завести маленькую прачешную. У нея было двѣ мастерицы, старшія дѣвочки тоже уже работали, а Грицько развозилъ бѣлье зимой на салазкахъ, лѣтомъ въ телѣжкѣ.

Практика у нея шла хорошо, такъ что возвращеніе Мариси, о которой она давно лила слезы, приняла она какъ незаслуженную Божію милость.

А Марися глядѣла вокругъ себя испуганными глазами, на крошечныя каморки хибарки на окраинѣ города, на лица братьевъ и сестеръ, на лицо матери, и не узнавала никого.

Да и матери, и имъ трудно было узнать въ этой красавицѣ въ шелковомъ платьѣ картинку, до которой имъ страшно было дотронуться — ихъ маленькую Мариську, оборванную и босенькую.

Изнѣженнаго ребенка, котораго такъ еще недавно наказывали за проявленіе «хамскихъ инстинктовъ» и заставляли думать, что на свѣтѣ нѣтъ другой жизни,

Digitized by Google

кромѣ той, въ какой она прожила послѣдніе три года — опять посадили на черный хлѣбъ. Первое время она его не смѣла ѣсть изъ боязни, что ее побьютъ. Окружающихъ она дичилась. Опять все въ головѣ у нея спуталось. Приходилось сызнова дѣлать все то, за что прежде наказывали. Рядомъ съ нею были ея братья и сестры, какъ двѣ капли воды похожіе на тѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, съ которыми ей строго запрещали играть тамъ, дома... А теперь сказали, что это ея родные.

Мать ея своимъ простымъ умомъ все-таки соображала, что долженъ переживать ребенокъ, смотрѣла на нее съ благоговѣйной жалостью, и баловала не рѣдко: то потихоньку сунетъ ей въ руку бубликъ, то испечетъ яичко, то молочка нальетъ... Но шелковыя тряпочки ея всѣ она продала торговкѣ на базарѣ. Не ходить же Мариськѣ въ прачешной въ такомъ видѣ.

А Марися ужъ и тутъ берегла свои

Digitized by Google

ощущенія про себя, боясь, что ей за это достанется. Только все думала: «Кто же эта женщина? Мама? Да нѣтъ же! вѣдь у мамы были золотые волосы, и бѣлыя руки, и красивыя платья, пахло отъ нея, какъ отъ цвѣтовъ. А это не такая мама»... И она смотрѣла на мать испуганными глазами, а мать качала головой и охала на ея блѣдность.

Наконецъ какъ-то вечеромъ, уложивши дѣтвору спать по лавкамъ и на печи, она взяла къ себѣ Марисю въ постель.

Она прижала къ сердцу свою дѣвочку и тихо шептала ей:

— Марисю, сердце мое, доню моя! Что же ты, мое золото, ясна голубонька моя, невеселая такая, вѣдь я-жъ твоя мама... Мама родная!..

И, охвативъ ее обѣими руками, стала баюкать и пестовать, обливая слезами, покрывая жадными поцѣлуями.

— Спи, моя доню, зоренька моя, спи! — прерывающимся отъ нѣжности голосомъ

Digitized by Google

говорила она.—Богъ съ ними! Что тамъ въ шелкахъ да бархатахъ, выращу тебя, мою красавицу, выращу мою куколку!.. Спи, моя рыбка!..

Она лепетала несвязныя слова и, наконецъ, запѣла:

«Котусь, котусь малэнькій,
Котусь, котусь билэнькій!
О-о! о-о! о-о! о!..»

Тутъ вдругъ все всплыло въ умѣ у дѣвочки. Она узнала пѣсенку, узнала ласки, слова, поцѣлуи... Теплая волна охватила ея наболѣвшее сердечко, она судорожно обняла мать ручонками и заплакала въ первый разъ слезами счастья, повторяя:

— Мама! мама!...

Digitized by Google

Фальшивая монета.

Поѣздъ откуда-то примчался на Фридрихскій вокзалъ въ Берлинѣ съ шумомъ, трескомъ и грохотомъ, точно сорвавшись съ цѣпи, на минуту пріостановился, пыхтя, задыхаясь и отдуваясь, и въ короткое время успѣлъ поглотить цѣлую толпу нѣмокъ съ картонками, налощенныхъ прусскихъ офицеровъ, дѣтей обоего пола, стариковъ, чемодановъ и пр. Ея превосходительство Софья Павловна Пересвѣтова со всею быстротой, какую ей позволялъ ея почтенный возрастъ, видъ и чинъ, устремилась въ купэ перваго класса. Носильщикъ вбросилъ ея вещи и мгновенно исчезъ, получивши серебряную монету, а Софья Павловна опустилась, слегка запыхавшись, на бархатное сидѣнье и съ удовольствіемъ подумала: «Какъ счастливо я попала—одна»!

Digitized by Google

Но не успѣла она докончить этой мысли, какъ послышался быстрый шелестъ юбокъ, гортанный французскій говоръ, смѣхъ, и въ купэ влетѣла молодая особа съ громаднымъ букетомъ розъ въ рукахъ.

Она, не обративъ никакого вниманія на ея превосходительство, бросилась къ окну, высунулась въ него почти до половины и, кивая головой, послала кому-то со смѣхомъ и воздушнымъ поцѣлуемъ:

— Au revoir, espèce de vieux...

Тутъ она прибавила словечко, не оставившее ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ его происхожденія изъ faubourg, только не St-Germain.

Что̀ ей отвѣтили, Софья Павловна не разобрала, но мелькомъ увидала черную бороду, блестящіе бѣлые зубы и красный цвѣтокъ въ петличкѣ; потомъ поѣздъ безъ россійскихъ размышленій и предупрежденій дрогнулъ и помчался, а спутница ея превосходительства сдѣлала: «Ouf!» — и кинулась на свой диванъ.

Digitized by Google

Съ минуту она просидѣла спокойно, потомъ занялась тѣми мелочами, которыхъ такъ много у путешествующей женщины.

Она вынула ручное зеркальце, напудрила себѣ лицо, открыла мѣшечекъ и пересчитала деньги, долго искала свой билетъ, найдя, внимательно изучала его, перечитывала какія-то бумажки, то улыбаясь, то морща брови, потомъ сняла шляпу и приколола ее длинной шпилькой къ сидѣнью, пригладила гребеночкой волосы, наконецъ, вытащила изъ несессера романъ въ желтой обложкѣ, пакетикъ отъ Буассье и, усѣвшись по-дѣтски, съ ногами, въ уголокъ дивана и отправивъ себѣ въ ротъ шоколадную конфету, принялась за чтеніе.

Время отъ времени она быстро вскидывала на Софью Павловну глаза изъ-подъ длинныхъ загибавшихся рѣсницъ, но, встрѣчаясь съ ея взглядомъ, равнодушно отводила ихъ.

Digitized by Google

Дѣйствительно, ея превосходительство Софья Павловна не могла представить ничего особеннаго для наблюденій.

Она была строго прилична; это—первое, что̀ бросалось въ глаза при видѣ ея.

Высокая, стройная, невзирая на свои 50 лѣтъ съ хвостикомъ и легкую полноту, благодаря очень хорошему корсету и ловко сшитому,—не у парижскаго, но у первокласснаго петербургскаго портного,—дорожному темно-сѣрому костюму. Шляпа элегантная и скорѣе toque de voyage, чѣмъ canotier, какой надѣла бы и на сѣдые волосы англичанка на ея мѣстѣ. Англійская рубашечка свѣтло-сѣрая, въ клѣточку, и не домодѣльная, а отъ Florand по меньшей мѣрѣ; изящная сумка черезъ плечо, хорошо сидѣвшія перчатки и прекрасныя ботинки, облегающія узкую и породистую ногу. Вообще все показывало, что̀ еще недавно эта женщина была красива и считалась не-

Digitized by Google

старой, но во-время поняла необходимость состарѣться, хотя и не опуститься. Чувствовалось, что она привыкла нравиться и что у нея осталось желаніе вызывать если не восхищеніе, то симпатію. Ея волосы, съ сильной просѣдью, были зачесаны назадъ довольно пышно и открывали пріятное и свѣжее лицо. Она съ достоинствомъ несла свои пятьдесятъ пять лѣтъ, и все ея выраженіе говорило, что прожила она ихъ такъ, какъ находила нужнымъ, пріятнымъ и удобнымъ; въ ея лицѣ не читалось ни нервной, тревожной тоски о прошломъ, ни страха за будущее: только покой, сознаніе собственнаго достоинства и полное довольство настоящимъ. Въ жизни ея не было страстей,—тѣхъ страстей, которыя превращаютъ раньше времени душу человѣка въ выжженную пустыню, даютъ узнать глубину радости, но и граничащую съ ней бездну страданія и неизгладимыми слѣдами безсонницъ, слезъ, иска-

Digitized by Google

женій лица, остаются въ глазахъ, на лбу, вокругъ рта,—тѣхъ страстей, которыя налагаютъ на человѣка, какъ на Тангейзера, побывавшаго въ горѣ у Венеры, роковое проклятіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣлаютъ его зрѣніе острѣе, слухъ тоньше, душу воспріимчивѣе; тѣхъ страстей, словомъ, о которыхъ ея превосходительство иногда читала въ романахъ и замѣчала: «Надо же имъ что-нибудь писать!»

Софья Павловна сидѣла, слегка прислонясь къ спинкѣ дивана, сложивъ руки одна на другую, въ очень корректной позѣ и смотрѣла на убѣгающія изъ глазъ окрестности Берлина, на громадныя бѣлыя стѣны, ярко разрисованныя гигантскими дѣтьми, упивающимися какао, колоссальными красавицами, летящими на велосипедахъ, трубящими ангелами, возвѣщающими о побѣдѣ новѣйшихъ автомобилей, и т. п. Потомъ замелькали аккуратныя виллы, украшенныя красной и розовой геранью, сады съ неестествен-

Digitized by Google

но зелеными газонами,—все одинаковое и одинаковое до того, что Софьѣ Павловнѣ надоѣло смотрѣть, и она перевела глаза на свою спутницу.

— «Парижанка», — опредѣлила она сразу.

Это выдавало все: и покрой ея синяго платья, и огромная шляпа изъ однихъ красныхъ маковъ всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ, отъ почти чернаго до нѣжно-пунцоваго, и слегка подкрашенные, черные, съ мѣдно-краснымъ отливомъ хеннэ волосы, двумя пышными бандо обрамлявшіе молодое, но утомленное и подрисованное лицо, и виднѣвшіеся изъ-подъ верхней юбки, закинутой довольно откровенно, сказочные рюши и воланы нижнихъ юбокъ, и шелковый чулокъ, вышитый красной стрѣлкой, обтягивающій такую ножку, какой у нѣмокъ не бываетъ.

Она совершенно углубилась въ чтеніе. Время отъ времени она, какъ кошка,

Digitized by Google

облизывала губы краснымъ, острымъ язычкомъ, а въ улыбкѣ ея зубы блестѣли влажной эмалью между слишкомъ яркихъ губъ большого, но красиваго рта, и тонкія ноздри вздернутаго носика вздрагивали отъ сдержаннаго смѣха. То, что̀ она читала, видимо, очень забавляло ее: разъ даже у нея вырвалось: «Sapristi!»

Софья Павловна пришла къ заключенію, что это какая-нибудь актриса; для обыкновенной женщины она была слишкомъ хорошенькой и слишкомъ вызывающей.

Но она разсмотрѣла ее во всѣхъ деталяхъ, отъ узкаго кончика ботинки и до бриллiантовыхъ гребенокъ въ головѣ, и дѣлать ей больше было нечего. Она рѣшила тоже приняться за чтенiе.

У нея было съ собою два романа: Theuriet — одного изъ ея любимыхъ авторовъ—и рекомендованный ей кузиной новый романъ Chantepleure'а «Моя совѣсть въ розовомъ платьѣ». Романъ былъ

Digitized by Google

до того добродѣтеленъ, что кузина дала его прочесть своей 16-ти-лѣтней Дюсѣ, и до того трогателенъ, что онѣ обѣ плакали надъ книгой, къ тому же увѣнчанъ французской академіей (той самой, которая приняла въ свои объятія Анри Лавдана).

Чтобы достать книгу, Софьѣ Павловнѣ пришлось добывать изъ сѣтки свой саквояжъ; но трегеръ положилъ вещи вглубь, и ей было очень трудно достать его.

— Ахъ, ты, Господи!—громко и досадливо, невольно вслухъ, сказала она.

Въ это время ея спутница бросила книгу, широко раскрыла и безъ того большіе глаза; что-то неуловимое пробѣжало по ея лицу, и она вдругъ произнесла по-русски:

— Позвольте, я вамъ помогу.

Удивленная Софья Павловна не успѣла и поблагодарить, какъ саквояжъ былъ снятъ, а ея спутница стояла передъ ней

Digitized by Google

и глядѣла на нее со странной смѣсью любопытства, радости и горечи.

— Благодарю васъ... вы такъ любезны...—промолвила съ самой милой улыбкой Софья Павловна.

Она считала неловкими всякіе дорожные разспросы, въ родѣ «такъ вы русская?» «откуда же вы?» и т. п. Но въ глубинѣ души она была заинтригована этой русской парижанкой. Такихъ ей видѣть не приходилось. Свѣтскія пріятельницы ея кузины, живущей всегда въ Парижѣ, все-таки хоть въ чемъ-нибудь да выдавали себя: тяжеловѣсностью ли походки, излишней ли чистотой произношенія, манерой ли говорить «ахъ» вмѣсто «ah» или «a?» вмѣсто «hein?», какимъ-нибудь пустякомъ, не ускользающимъ отъ опытнаго взгляда; а вѣдь еще свѣтскія женщины всѣхъ странъ болѣе или менѣе на одинъ покрой, тогда какъ эту признать за «женщину общества» она бы не рѣшилась; но русскаго въ ней не было ничего.

Digitized by Google

Правда, выговоръ у нея по-русски былъ довольно чистый, но слегка затрудненный, хотя, во всякомъ случаѣ, не иностранный, скорѣе съ отчетливымъ петербургскимъ оттѣнкомъ. Кто бы она могла быть?

Ея превосходительство очень заинтересовалась этой встрѣчей, внезапно нарушившей монотонность дорожной скуки, и все-таки не позволила себѣ спрашивать у своей спутницы, кто она такая, но та сама разрѣшила ея недоумѣнія и сдѣлала первый шагъ.

— Я такъ давно не говорила по-русски... — начала она. — Позвольте мнѣ... поговорить съ вами?..

И, сказавъ это, она смотрѣла на Софью Павловну съ такой мольбой и боязнью, странными на до тѣхъ поръ оживленномъ, нѣсколько задорно-надменномъ лицѣ, словно увѣрена была, что та ей откажетъ въ этой необычно выраженной просьбѣ.

Digitized by Google

Но любопытство Софьи Павловны было затронуто не на шутку, и она очень любезно отвѣтила:

— Помилуйте, я очень рада. Такъ, значитъ, я встрѣтила соотечественницу... Я, признаюсь, приняла васъ за француженку.

Та, очевидно, вспомнила, какими словами она ознаменовала свое появленіе въ купэ, потому что вдругъ покраснѣла, подъ пудрой и легкимъ слоемъ румянъ вся залилась краской до кончика ушей.

— Я... живу всегда въ Парижѣ,—тихо сказала она.

— Вы, вѣроятно, артистка?—не удержалась Софья Павловна.

— Да,—коротко отвѣтила та.

— Оперная или драматическая?—поинтересовалась Софья Павловна еще.

— Ни то, ни другое...—возразила молодая женщина.

На ея уклончивый отвѣтъ ея превосходительство слегка подняла брови, какъ

Digitized by Google

бы не считая возможнымъ далѣе разспрашивать, и примолкла выжидательно.

Ея собесѣдница нѣкоторое время сидѣла молча, опустивъ глаза, потомъ вдругъ, словно отважившись, быстро заговорила:

— Если бы здѣсь былъ кто-нибудь другой... я бы не задумалась... monter un bateau... Je sais faire ma princesse, allez! [1]) но вы... русская... И потомъ у васъ такое спокойное, доброе и прекрасное лицо... Я не рѣшаюсь вамъ сказать неправду, но, можетъ быть, узнавши правду, вы станете раскаиваться, что заговорили со мною.

Софья Павловна насторожилась. Съ одной стороны, вступленіе молодой женщины польстило ей своей искренностью и тѣмъ восхищеніемъ, которое слышалось въ ея словахъ; съ другой стороны,

---

Обмануть... Я умѣю притвориться принцессой, право!

Digitized by Google

она почувствовала, что готовилось что-то не совсѣмъ обычное, что̀ слегка щекотало ея нервы. Ѣхать было такъ скучно... а тутъ что-то такое... новое... И она немного взволнованно, придавая голосу еще бо̀льшую мягкость, чѣмъ всегда, промолвила:

— Не говорите... если вамъ не хочется. Я ничего у васъ не спрошу...

И послѣ маленькой паузы прибавила.

— Но буду очень рада бесѣдовать съ вами («Что̀ мнѣ сдѣлается!»—мысленно и уже не такъ возвышенно добавила она).

—Тѣмъ болѣе я не смѣю...—возбужденно заговорила та.—Я... работаю... pour les poses plastiques... въ Alcasar... и другихъ кафе-concert'ахъ.

И она совсѣмъ низко опустила голову. Ея превосходительство отлично знала, что̀ такое эти «poses plastiques».

Какъ всѣ русскія дамы, у насъ не отваживающіяся пойти въ оперетку изъ-за того, «что скажутъ», въ Парижѣ уже

Digitized by Google

давно и не разъ, въ семейномъ кружкѣ, побывала она въ разныхъ Ambassadeurs, Casino и. т. д. вплоть до Divan japonais и даже tréteau de Tabarin, «изучая нравы». Видѣла она и эти «poses plastiques», заключавшіяся въ живыхъ картинахъ, гдѣ подъ звуки раздражающей музыки, освѣщенная цвѣтнымъ электричествомъ, извивалась и изгибалась прикрытая однимъ трико тѣлеснаго цвѣта женщина. Она изображала то зиму, грѣющуюся у костра и зябко кутающуюся въ лоскутокъ тюля, то весну, стыдливо опускающую глаза и вмѣсто всякаго костюма имѣющую только букетъ фіалокъ въ рукахъ, то Леду съ лебедемъ, замирающую въ истомѣ на берегу рѣки, и т. п., и т. п.

Какова должна быть женщина, дѣлающая себѣ ремесло изъ показыванія себя совершенно нагой,—ея превосходительство отлично себѣ уясняла, и еще тамъ онѣ съ кузиной ахали надъ «этими несчастными» и возмущались ими съ высоты

Digitized by Google

своей неоспоримой добродѣтели, говоря: «Лучше въ горничныя пойти, чѣмъ... такъ. Что̀ бы ни было, а это—врожденное безстыдство и распущенность».

А сейчасъ одна изъ «этихъ несчастныхъ» была здѣсь и сидѣла передъ нею въ позѣ обвиненной передъ грознымъ судьей; но, къ удивленію своему, Софья Павловна не чувствовала въ себѣ ни возмущенія, ни негодованія, а только большое любопытство.

«Вотъ какія встрѣчи бываютъ въ вагонахъ!»—проносилось у нея въ головѣ.—«Въ концѣ концовъ... развѣ это моя вина? Желѣзныя дороги для всѣхъ устроены... Это равенство... Ну, конечно, противъ этого и протестовать нельзя... Садясь въ вагонъ, я должна быть готова къ какой-угодно встрѣчѣ... Да, наконецъ, это прямо интересно. Больше я нигдѣ не имѣла бы случая такъ близко столкнуться съ подобной женщиной, а вѣдь это цѣлая сторона жизни, которую усердно

Digitized by Google

скрываютъ отъ насъ... Съ точки зрѣнія наблюдательницы это презанимательно. И чѣмъ я рискую? Я, слава Богу, не наивное дитя!»

Всѣ эти быстро пролетѣвшія мысли привели къ тому, что Софья Павловна взглянула на свою собесѣдницу съ улыбкой, полной грусти, но и снисхожденія, и произнесла:

— Боже мой. . всякій зарабатываетъ себѣ хлѣбъ, какъ умѣетъ!

Молодая женщина, пораженная ея добротою и не ожидавшая этого, а приготовленная къ смущенію и сухому уклоненію отъ дальнѣйшей бесѣды, подняла на Софью Павловну глаза. Увидѣвъ вмѣсто пренебреженія ангельскую, сострадательную улыбку на почтенномъ лицѣ ея превосходительства, она вся всколыхнулась душой. Все дрожало въ ней отъ волненія; по одному тому, какъ она заторопилась бичевать и казнить

Digitized by Google

себя, можно было сразу повѣрить, что она русская.

— Нѣтъ, я не хочу, я не могу васъ обмануть, я—знаменитая «baronne Fedora». Вы, вѣрно, слышали... Мои «poses plastiques», это—вывѣска; но вѣдь вы понимаете, что я не ими зарабатываю себѣ «хлѣбъ». И вы теперь говорите съ женщиной, которую любой изъ вашихъ знакомыхъ можетъ пригласить ужинать, натѣшиться ею и выгнать прочь. Я не имѣю права дышать однимъ воздухомъ съ вами. Простите, что я заговорила съ вами... Когда я услышала родной языкъ, во мнѣ все перевернулось; я заговорила, не сознавая, что́ я дѣлаю. Но я могу быть циничной по-французски, а по-русски... на языкѣ моей матери... я не могу лгать. Простите меня. Сейчасъ остановка. Я выйду и не буду больше васъ оскорблять своимъ присутствіемъ.

На Софью Павловну странно дѣйствовало волненіе ея спутницы. Эта сцена

Digitized by Google

какъ-то вывела ее изъ обычнаго равновѣсія. Она почувствовала себя совсѣмъ героиней романа въ духѣ ея любимыхъ французскихъ авторовъ; она даже отчасти растрогалась, какъ въ третьемъ актѣ «Дамы въ камеліяхъ», когда она положительно не могла удержаться отъ слезъ...

Софья Павловна помолчала и потомъ произнесла только одно слово. Но она столько постаралась вложить въ его интонаціи, что ей могла бы позавидовать Бартэ:

— Оставайтесь!

— О!—только и промолвила та и вдругъ разрыдалась. Разрыдалась такъ сильно, по-дѣтски, закрывъ лицо руками и безнадежно мотая головой, что смотрѣть на нее было жалко.

— Успокойтесь, успокойтесь!—уговаривала ее Софья Павловна; она сама пошла въ умывальную, вынула стаканъ изъ его полочки и собственноручно принесла воды рыдающей женщинѣ.

Digitized by Google

Та все не успокаивалась. Она кусала платокъ и рыдала неудержимо съ воплями, со стонами, вся содрогаясь отъ рыданій.

Наконецъ, Софья Павловна,—безупречная Софья Павловна,—положила свою руку на душистую, безпорядочно-растрепанную головку грѣшницы и, чувствуя себя совершенно великодушной, прошептала:

— Успокойтесь, дитя мое... Богъ васъ проститъ.

Со стороны въ эту минуту она не могла не полюбоваться собою и подумала: «не всякая бы это сдѣлала на моемъ мѣстѣ».

Та, какъ будто ея превосходительству дана была свыше власть прощать и разрѣшать, вздрогнула отъ нежданной ласки и разомъ перестала плакать. Она подняла голову и долго смотрѣла на Софью Павловну своими влажными, лучистыми сейчасъ, глазами, въ которыхъ, какъ солнце

Digitized by Google

сквозь дождь, пробивались умиленіе и благодарность.

— Какъ вы добры!—заговорила она.— Какъ вы добры! Богъ васъ благослови. Вы меня пожалѣли. Вы поняли, какъ я жалка. Но вы должны меня выслушать... Я не такъ, не такъ виновата, какъ это кажется... Вы меня приняли за француженку. Горе, горе мое, что я не француженка... Онѣ такъ не терзаются. Разъ онѣ пошли по этой дорогѣ, въ нихъ злоба загорается, и злоба помогаетъ имъ презирать всѣхъ, и мстить, и о себѣ думать. А мы такъ не умѣемъ. Насъ это терзаетъ, душитъ... и задушитъ.—Она рванула воротникъ, словно ее дѣйствительно что-то душило, и продолжала прерывающимся голосомъ:—Но выслушайте меня. Мнѣ легче будетъ. Мое настоящее имя Нина... Но такъ меня никто, никто не зоветъ уже давно. Это имя нашли недостаточно русскимъ. Директоръ мнѣ далъ другое; оно и осталось.

Digitized by Google

Да... такъ что́ я? Родилась я въ Петербургѣ; мама умерла, когда мнѣ было семь лѣтъ; я смутно, смутно ее помню... Отецъ женился на другой... которую давно любилъ... и тоже умеръ, когда мнѣ было лѣтъ 12. Онъ не оставилъ ничего. У мачехи были свои деньги. Я осталась у нея. Она не была зла ко мнѣ; хорошо одѣвала, и все... Учиться только приходилось мнѣ мало: она все время ѣздила по заграницѣ. Сегодня мы были въ Монте-Карло, завтра въ Баденъ-Баденѣ, тамъ во Флоренціи. Она любила жить весело. Когда мнѣ минуло 15 лѣтъ, мы совсѣмъ переѣхали въ Парижъ. Тамъ у нея былъ bon ami... одинъ графъ... уже немолодой. Она велѣла мнѣ всегда его слушаться и быть съ нимъ très gentille. Я такъ и дѣлала. Я тогда немного-то понимала. Онъ меня звалъ bébé, сажалъ на колѣни и при ней, а безъ нея цѣловалъ въ шейку. За обѣдомъ они меня поили шампанскимъ и смѣялись, когда я говорила глупости. Я

Digitized by Google

такъ и засыпала на диванѣ. Разъ онъ пошелъ со мной гулять. Я его совсѣмъ не боялась: онъ всегда былъ такъ ласковъ со мной... Онъ предложилъ мнѣ зайти къ нему позавтракать: «Une escapade en cachette; je vais te donner des fraises et du champagne, bébé»... Мы позавтракали. Онъ все подливалъ мнѣ вина... а потомъ я почти потеряла сознаніе, а очнулась... въ кабинетѣ... Тутъ же была мачеха, блѣдная, какъ смерть. Она сказала мнѣ, что я змѣенышъ, котораго она пригрѣла... назвала меня «fille perdue» [1]... и велѣла итти за ней. Его не было. Его я больше не видала.

Дома она бросила мнѣ мой паспортъ и двѣ стофранковыя бумажки со словами: «Je ne te connais plus, tire toi de là, comme tu voudras [2]).

---

[1]) Погибшей.

[2]) Я тебя больше не знаю; выпутывайся теперь сама, какъ тебѣ угодно.

Digitized by Google

Всю ночь она укладывала сундуки, какъ будто меня и не было, а утромъ уѣхала, не простившись со мной. Квартира была меблированная. Консьержка сжалилась надо мной и позволила остаться въ квартирѣ. Срокъ выходилъ черезъ недѣлю.

Я осталась одна въ Парижѣ. Я была такъ молода. Я стала думать, что я могу итти въ bonnes d'enfant... но я еще не такъ хорошо говорила по-французски. Я начала ходить по разнымъ конторамъ; но недѣля прошла, а мѣста не было: подумайте... въ Парижѣ столько голодныхъ ртовъ, а дѣлать я ничего не умѣла: ни шить, ни хорошо писать по-французски, да ничего! Надо было переѣзжать. Я случайно знала адресъ одной маленькой портнихи, которая поденно работала мачехѣ; она мнѣ указала комнату въ томъ домѣ, гдѣ жила сама, une mansarde, въ 6-мъ этажѣ. Тамъ я поселилась. Но я не умѣла ни жить, ни считать.

Помню, какъ сейчасъ, тотъ день, когда

Digitized by Google

я размѣняла мои послѣдніе 5 франковъ. Я купила себѣ хлѣба и немного charcutérie. Мнѣ дали сдачи четыре монеты и мелочи; изъ этихъ монетъ одна была испанская; она не ходила и ее нигдѣ не хотѣли взять.

Я шла по бульвару, отъ театра Porte St-Martin. Смеркалось. Мнѣ очень хотѣлось пить. На углу старушка съ корзиной продавала апельсины. Я взяла у нея одинъ.

— Combien?

— Deux sous, ma belle demoiselle! [1])— отвѣчала мнѣ старуха. Она была очень старенькая, сгорбленная, вся дрожала, и такъ странно казалось ее видѣть въ нарядномъ Парижѣ... Я вынула испанскую монету и отдала ей:

— Tenez, prenez ceci! [2])

Сослѣпу она не доглядѣла, что это

---

[1]) Сколько?

— Два су, моя красавица-барышня.

[2]) Возьмите это.

Digitized by Google

испанская, видѣла только что это серебряный кружокъ величиною съ франкъ... Она недовѣрчиво спросила:

— Comment... tout ça c'est pour moi?..

— Mais oui! [6])

Отвѣтила я ей.

И вдругъ старуха засмѣялась отъ радости, захлопала въ ладоши, какъ ребенокъ, и забормотала такимъ счастливымъ голосомъ:

— Merci, ma belle demoiselle! Vous avez un bon cœur. Dieu vous le rendra. Je vais porter ça à ma petite fille [7]).

Я уже сдѣлала нѣсколько шаговъ... И вдругъ такой ужасъ охватилъ меня, такой мучительный стыдъ, что я обманула несчастную старуху, такая боль мнѣ сжала сердце, что я бѣгомъ вернулась

---

[6]) Какъ, это все мнѣ?

— Ну да.

[7]) Спасибо, красавица моя! У васъ доброе сердце! Богъ вамъ воздастъ за это. А я отнесу это моей внучкѣ.

Digitized by Google

къ ней и, положивъ ей въ руку все, что́ у меня оставалось, не слушая ея благодарностей, убѣжала.

Я объ этомъ потому такъ подробно говорю, что какъ сейчасъ все помню. Вѣдь это была самая важная минута: когда я очутилась на улицѣ Парижа безъ одного сантима... Я вернулась къ своей портнихѣ, и мнѣ повезло. У нея было объявленіе, вырѣзанное изъ *Gil-Blas*, что въ Cigale «on demande jeunes et jolies femmes, ayant de belles jambes, pour une Revue». Такъ я туда и попала. Ну... тамъ директоръ... Я ему понравилась. А потомъ... Надо было такъ много, жизнь такъ дорога, надо было одѣться прилично, иначе бы никуда не приняли. А на заработанные 50 франковъ я умирала съ голода. И пошло, и пошло... А теперь... теперь... я презираю это, я ненавижу мужчинъ, ненавижу ихъ циничные взгляды, ихъ пьяныя оскорбленія. Но вѣдь я помню, помню все... иное... помню еще,

Digitized by Google

какъ я въ Петербургѣ, когда былъ живъ отецъ, въ гимназію ходила... И если бы вы знали, какъ я иногда сама себѣ жалка, гадка... О... О... О!..—стонала она, хватаясь руками за голову. Я не хочу думать объ этомъ, я все старалась забыть... Я забыла русскія молитвы... Я по-французски говорю языкомъ погибшей твари... Но иногда все вдругъ встанетъ, вотъ какъ теперь, и нѣтъ мнѣ спасенія, нѣтъ забвенія!..

— Но развѣ же нѣтъ исхода!..—прочувствованно и въ тонъ ей спросила Софья Павловна, слушавшая ее съ захватывающимъ интересомъ.

— Исходъ? Какой? Куда я гожусь? Въ приличный театръ? Да у меня нѣтъ никакого таланта. Въ бонны?—она саркастически засмѣялась.—Кто меня возьметъ? Въ продавщицы, въ манекены? Но вѣдь я уже не сумѣю работать, я уже отравлена этой жизнью, мои нервы, мое здоровье расшатано. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ

Digitized by Google

мнѣ спасенія!.. И кто бы захотѣлъ меня спасать? А одна я не сумѣю... не могу. И поздно...

Софья Павловна помолчала. Она была совершенно права, эта бѣдная женщина! Кто вздумаетъ ее спасти? Да и какъ... *такую* спасти? Фантазія! Но нельзя же не пожалѣть ея? И она растроганно сказала:

— Бѣдная... бѣдная Нина!

— Боже мой! Вы такъ назвали меня!.. —вырвалось у той.—Послушайте... я буду умирать и не забуду этого!—въ экстазѣ проговорила она. Ея прекрасные глаза, устремленные съ благоговѣніемъ на лицо Софьи Павловны, горѣли непередаваемымъ огнемъ.

Поѣздъ подъѣзжалъ къ большой станціи.

— Мнѣ выходить здѣсь...

— Какъ, уже?

— Да. Здѣсь я получила ангажементъ... въ «Акваріумъ»...—съ горькой ироніей

Digitized by Google

проговорила она, вставая и беря въ руки свой несессеръ.—Прощайте...благослови васъ Богъ.

И вдругъ она порывисто нагнулась; Софья Павловна не успѣла опомниться, какъ молодая женщина схватила ея руку и прижалась къ ней пылкимъ поцѣлуемъ. Горячая слеза капнула на блѣдные пальцы ея превосходительства и обожгла ихъ. Секунда—и въ купэ Софья Павловна осталась одна.

Только забытый букетъ розъ лежалъ на противоположномъ сидѣньи да запахъ тонкихъ, но сильныхъ духовъ еще оставался въ воздухѣ.

Софья Павловна встала и заглянула въ окно, но больше не увидѣла стройной фигуры въ синемъ платьѣ. Она какъ-то разочарованно опустилась на свое мѣсто.

У нея странно было на душѣ.

Рука ея еще ощущала слѣды слезъ и поцѣлуя. И вдругъ ея превосходительству показалось, что она, какъ «la baronne

Digitized by Google

Fedora» той нищей, подала ей фальшивую монету.

Но та могла вернуться и отдать все, что́ у нея было, а она... не могла.

И теперь она уже больше не чувствовала себя ни доброй, ни великодушной. И благодарность за фальшивую монету жалости и любви жгла ее сильнѣе этихъ слезъ и поцѣлуя.

Digitized by Google

Вечеромъ.

(Набросокъ).

Папа и мама уѣхали въ гости. За ними пріѣхалъ тотъ дядя, что не выговариваетъ «р», и они всѣ вмѣстѣ отправились къ той тетѣ, у которой зеленая птица на шляпкѣ, а Миша остался одинъ съ нянькой.

Онъ этого недолюбливаетъ: нянька стара и скучна: что ее не спросишь, она все отвѣчаетъ, разводя руками:

— Вотъ ужъ и не знаю, мой батюшка!

Она умѣетъ разсказывать только одну сказку, про мальчика-Удальчика, да и ту не до конца!

А Миша убѣжденъ, что въ концѣ-то и кроется самое интересное.

Когда ему очень ужъ скучно, онъ пристаетъ къ нянькѣ:

Digitized by Google

— Ну, разскажи же мнѣ сказку, няня! Да няня же!

— Да какую же тебѣ сказку, мой батюшка?..

Пока Миша проситъ, у него еще остается смутная надежда, что вдругъ няня ему возьметъ да и разскажетъ какую-нибудь занимательную сказку! Но когда онъ слышитъ обычный отвѣтъ, то онъ покорно вздыхаетъ и говоритъ:

— Про мальчика-Удальчика.

Нянѣ лѣнь, и она, зѣвая, бормочетъ.

— Ужъ я чтой-то забыла сказку-то...

— Ахъ, няня! Ну, какъ жили были дѣдъ да баба...

— Ну, и жили...

— И у нихъ не было дѣтей...

— Вотъ и не было.

— А имъ хотѣлось...Да ну же, няня!..— дергаетъ ее Миша за платье.—Что же ты? какъ баба рубила капусту...

— Вѣрно, капусту...

Digitized by Google

— И отрубила себѣ кусочекъ пальчика... И бросила его въ уголъ. Ну?

— Ну, и вотъ... Ужъ я забыла, мой батюшка!

— Какая ты, няня!—торжествуетъ Миша.—А я небось помню? Вдругъ она слышитъ изъ угла: «Мама, мама! возьми меня!» Глядитъ, — а передъ нею мальчикъ и говоритъ ей: «Я твой сынокъ, мальчикъ удальчикъ!»

— Вотъ, вотъ: мальчикъ удальчикъ!..

— Ну, а потомъ что? Что? скажи!— упрашиваетъ Миша.

— Потомъ-то я и не знаю!—равнодушно отзывается нянька и еще шире зѣваетъ.

— Ахъ, Господи!—вздыхаетъ Миша и замолкаетъ.

Воображеніе его работаетъ. Онъ придумываетъ самыя удивительныя продолженія сказки объ Удальчикѣ, при чемъ представляетъ себя въ видѣ этого таинственнаго Удальчика... Вдохновеніе онъ черпаетъ изъ маминыхъ разсказовъ: ну,

Digitized by Google

они поинтереснѣе нянькиной сказки! Откуда мама все это знаетъ? говоритъ она, что изъ книгъ, которыя всюду у нея въ комнатѣ валяются, и которыя Миша тоже прочитаетъ, когда научится; и это будетъ скоро: онъ уже знаетъ кружочекъ *о* и качели *п*.

А пока онъ ужасно любитъ слушать маму, и странно — при ней ему никогда не бываетъ скучно. И при папѣ, положимъ, тоже; но папу онъ рѣже видитъ, а мама съ нимъ почти всегда.

Папа у него большой, толстый, румяный; голосъ у него громкій, смѣется онъ такъ, что въ буфетѣ рюмки всегда трясутся и звенятъ. Мама, наоборотъ, тоненькая, блѣдная, глаза большіе, такіе же, какъ у Миши; и тоже тоненькій носикъ, а ротъ немножко великъ; папа надъ ними подсмѣивается, и когда Миша задумается и по своей привычкѣ раскроетъ ротъ, то велитъ ему:

— Закрой, а то карета въѣдетъ.

Digitized by Google

Мишинъ папа — писатель. Миша это знаетъ: онъ пишетъ такія самыя книги, какія мама читаетъ. Но когда онъ пишетъ, Миша этого не любитъ.

Тогда въ кабинетъ запираются двери; надо ходить кругомъ. Всѣ ступаютъ осторожно, а если Миша вздумаетъ брать крѣпость или охотиться на тигровъ, то мама испуганно вбѣгаетъ въ дѣтскую и шепчетъ ему:

— Тише, тише, папа занимается!

Это непріятно, когда папа занимается. Гораздо лучше, когда онъ уходитъ въ гости или на засѣданіе; тогда все можно дѣлать, бѣгать по всей квартирѣ, шумѣть, кричать; мама выдумываетъ такія хорошія игры...

Но иногда она уѣзжаетъ вмѣстѣ съ папой, особенно нарядно одѣвается и становится такая красивая, и пахнетъ отъ нея очень хорошо. Это бываетъ рѣдко; Миша знаетъ, что надо быть умнымъ

Digitized by Google

мальчикомъ, и не плачетъ, но ему какъ-то пусто, и сердце у него бьется, такъ ему хочется не заснуть, пока мама не вернется.

Такъ и сегодня онъ бродитъ по комнатамъ, заложа руки за спину и медленно волоча за собой деревянную лошадь на палочкѣ. Онъ останавливается у окна и смотритъ въ темный дворъ, на которомъ перебѣгаютъ какіе-то огоньки и тѣни. Потомъ онъ идетъ къ папиному столу и отъ скуки хочетъ усѣсться писать. Это очень легко: онъ видѣлъ, какъ папа пишетъ. Надо только взять перо, обмакнуть его въ чернильницѣ и потомъ водить по бумагѣ.

Миша взбирается на вертящееся кресло, становится на колѣни, упирается локтями о столъ и начинаетъ писать, выставивъ кончикъ языка, сдвинутый въ лѣвый уголокъ рта.

Входящей нянькѣ онъ важно отвѣчаетъ, подражая отцу.

Digitized by Google

— Не мѣшай, пожалуйста! Видишь—я занимаюсь.

Но скоро ему это надоѣдаетъ. Удивительное дѣло! Какъ это папа можетъ сидѣть и водить такъ перомъ по нѣсколько часовъ подрядъ? Нѣтъ, ужъ Миша ни за что не будетъ писателемъ, когда вырастетъ. Онъ будетъ извозчикомъ: это гораздо веселѣе. У него будетъ своя лошадь и санки... Да, конечно, это лучше!

Онъ вскакиваетъ со стула и бѣжитъ къ нянькѣ:

— Барыня, надо извозчика? Пожалуйте, барыня!..

— На Тверскую, извозчикъ!—покорно отвѣчаетъ барыня, зная свою роль.

— Сто рублей!—заявляетъ извозчикъ.

— Что ты, дорого! двугривенный!..

— Ужъ дайте пятиалтынный, барыня!.. далеко!

Извозчикъ погоняетъ лошадь.

— Нно! Тпру!..

Digitized by Google

Діалогъ возобновляется разъ десять, пока и это не теряетъ прелести новизны.

— Недурно и полотеромъ быть. Какъ они смѣшно танцуютъ! Такіе большіе и танцуютъ! И всѣ ихъ боятся: мама говоритъ горничной: «Даша, не уходите изъ комнатъ! Я боюсь этихъ полотеровъ ужасно! И спрячьте брошку».

Старшій полотеръ похожъ на разбойника съ рыжей бородой. Они живутъ въ томъ же домѣ, въ подвалѣ; изъ дѣвичьей иногда слышно, какъ внизу играетъ балалайка по вечерамъ, и Даша говоритъ:

— Это у полотеровъ.

Нѣтъ, весело быть полотеромъ.

Миша принимается усердно танцовать по полу, встряхивая волосами, какъ полотеръ...

Это занятіе тоже пріѣдается. Онъ бросается ничкомъ на диванъ въ темномъ кабинетѣ и тихо напѣваетъ:

— «Мама! мама! уѣхала съ па-пой!
Мама, мама, вернись поскорѣе!..»

Digitized by Google

Вдругъ раздается звонокъ.

Это не мама, — они не вернутся такъ скоро: — мама сказала Дашѣ, уходя:

— Къ 12-ти самоваръ.

— А вдругъ все-таки мама? — мелькаетъ мысль у Миши, и онъ, приподнявшись и насторожив уши, вслушивается.

Въ передней отворяется дверь, слышенъ голосъ Даши:

— И баринъ и барыня уѣхали... Никого-съ нѣту!

Никого? Это Мишу оскорбляетъ. Глупая Даша! Какъ это никого, если онъ дома?

Онъ выбѣгаетъ въ переднюю со словами:

— Да вѣдь я-то дома!

И вдругъ испускаетъ радостный крикъ:

— Иванъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичъ!

Передъ нимъ стоитъ маленькій, весь бѣлый старичокъ въ потертомъ пальто и потираетъ озябшія руки.

Digitized by Google

— Мишенька! здравствуй, голубчикъ!—ласково привѣтствуетъ онъ его.

— Иванъ Ивановичъ!—Миша бросается къ нему и, хватая его за руки, умильно заглядывая ему въ глаза, говоритъ:

— Иванъ Ивановичъ! Посиди со мной! Посиди, пожалуйста!

— О? Посидѣть? Ну, изволь, изволь, посижу!... Что съ тобой дѣлать!—соглашается старичокъ и снимаетъ свое пальтишко; самъ вѣшаетъ его и, покашливая, протягиваетъ Мишѣ руку, какъ равному:

— Здравствуй, Мишенька! Какъ живешь, а?

— Я очень радъ, что ты пришелъ, Иванъ Ивановичъ!—говоритъ Миша.—Я скучалъ .. Мамы нѣту.

Миша любитъ Ивана Ивановича.

Иванъ Ивановичъ бываетъ у нихъ не очень часто,—раза два въ мѣсяцъ. Иногда онъ является во время завтрака или обѣда. Глаза у него такіе смѣшные...

Digitized by Google

Мама его начинаетъ упрашивать пообѣдать съ ними, но онъ отказывается и всегда говоритъ:

— Спасибо, Наталья Сергѣевна, я ужъ въ сущности обѣдалъ.

Прежде Миша думалъ, что «сущность» это такое мѣсто, гдѣ можно пообѣдать, какъ папа въ клубѣ иногда обѣдаетъ, и даже спрашивалъ у мамы:

— Мама, въ какой это «сущности» Иванъ Ивановичъ всегда обѣдаетъ?

Послѣ отказа Ивана Ивановича мама его еще больше уговариваетъ; то обѣщаетъ, что какіе-то особенные вареники будутъ, то разскажетъ, что изъ деревни поросенка прислали.

— Нельзя не попробовать!

Тогда Иванъ Ивановичъ усаживается, беретъ хлѣбъ дрожащими руками и принимается за обѣдъ. Когда онъ покушаетъ, то глаза у него дѣлаются добрые, и послѣ обѣда онъ беретъ изъ угла гитару и поетъ Мишѣ чудесныя пѣсни, и

Digitized by Google

смѣшныя, и грустныя, разныя—разныя, одна лучше другой.

Такъ и сейчасъ первымъ дѣломъ Миша тащитъ его въ кабинетъ и говоритъ ему:

— Спой мнѣ пѣсенку. Споешь, Иванъ Ивановичъ?

— Дайте имъ, баринъ, чайку напиться!—добродушно говоритъ Даша, открывая двери въ столовую.—И вамъ пора котлетку кушать!

Они усаживаются за большимъ столомъ въ столовой. Мишѣ сразу дѣлается весело. Самоваръ пыхтитъ; голубыя чашки такъ красиво стоятъ на бѣлой скатерти; лампа горитъ ярко. Няня наливаетъ и Мишѣ, и Ивану Ивановичу чаю, даетъ Мишѣ котлетку, а Даша подставляетъ незамѣтно тарелку съ котлетами и Ивану Ивановичу.

Когда Мишѣ отвязываютъ салфетку и вытираютъ ротъ, онъ беретъ гитару, которая чуть не больше его самого, и подноситъ ее Ивану Ивановичу:

Digitized by Google

— Теперь пой!

Иванъ Ивановичъ послушно отодвигаетъ тарелку, недопитый стаканъ чаю и берется за колки гитары, начиная ее настраивать. Онъ покашливаетъ и пробуетъ струны; раздаются отрывочные аккорды, мало-по-малу они сходятся ближе, становятся мельче и веселѣе, и вдругъ заигрываютъ быстро—быстро, такъ что Мишѣ сразу хочется плясать. Но Иванъ Ивановичъ перестаетъ, откашливается и, ущипнувъ струны раза два-три, затягиваетъ заунывную:

— «Віютъ вітры, віютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся»...

Миша тутъ не всѣ слова понимаетъ, но слушаетъ съ интересомъ и сосредоточенно глядитъ въ ротъ Ивану Ивановичу.

Иванъ Ивановичъ сидитъ, отодвинувшись отъ стола и держа гитару на колѣняхъ. Онъ весь бѣлый: и голова, и

Digitized by Google

борода, только брови еще совсѣмъ черныя да живые глаза. На немъ старенькій пиджачекъ, мятая рубашка безъ крахмальнаго воротничка и завязанный жгутомъ галстукъ. Миша стоитъ передъ нимъ, тоненькій и стройный. На немъ «рафаэлевская» блуза темно-краснаго бархата, перехваченная кожанымъ поясомъ пониже таліи; на ногахъ длинные, черные чулки и желтыя туфли; блестящіе, длинные темно-орѣховые волосы на лбу подрѣзаны до самыхъ глазъ и обрамляютъ блѣдное личико съ тонкими чертами. Большіе, сѣрые глаза внимательно устремлены на старика, а ротъ раскрытъ, конечно—какъ папа не любитъ.

Иванъ Ивановичъ поетъ ему пѣсенку за пѣсенкой. Онъ увлекается. Спѣты и «Гопъ, мои гречаники!», и «Запрягу я тройку борзу» и «Ноченька» и «Сударыня-барыня».

«Сударыня-барыня» пользуется особымъ успѣхомъ. Миша заливается хохо-

Digitized by Google

томъ и подплясываетъ; отложивъ гитару, наконецъ, и задыхаясь, улыбается и старикъ.

— Иванъ Ивановичъ! откуда ты такъ хорошо поешь?..—вопрошаетъ Миша.

— Что, братецъ! Я, въ сущности, недаромъ артистомъ былъ.

— Артистомъ? Это что такое артистъ?

— Это?... старикъ, очевидно, многое хочетъ сказать, глаза его загораются... Но онъ махаетъ рукой и упавшимъ голосомъ произноситъ:—Несчастный это человѣкъ, вотъ что такое!..

Миша этимъ удовольствоваться не желаетъ.

— Ты что дѣлалъ, когда ты молодой былъ?

— Вотъ, такъ вотъ пѣлъ пѣсенки, а мнѣ за это деньги платили... хорошія, Миша, деньги.

— Какъ, ты подъ окнами ходилъ, какъ намедни музыканты? — догадывается Миша.

Digitized by Google

— Нѣтъ, братецъ ты мой. Пѣлъ-то я въ театрѣ. Пожалуй, знаешь, что это такое?

— Ну да, я на масленой былъ въ театрѣ. Я смотрѣлъ Конька-Горбунка. Только тамъ не пѣли, а танцовали.

— Ну, а бываетъ такъ, что поютъ. Вотъ, я и пѣлъ. Я, Миша, такъ пѣлъ... Меня разъ, я тебѣ скажу, самъ Шумскій за мою «Троечку» расцѣловалъ.

— Это кто такое, Шумскій?

—Великій, братецъ ты мой, артистъ былъ!

— Да что же это такое—артистъ?

— Ну, вотъ я артистъ. Вотъ это что такое, только, видишь ли, старъ я сталъ... слабъ... вижу плохо... голосъ пропалъ... вотъ и никуда не гожусь.—Голосъ старика дрожитъ.—Никому, братецъ ты мой, не нуженъ, да...—Онъ порывисто дергаетъ гитару и запѣваетъ:

«Доля моя горемычная...»

Digitized by Google

Смыслъ пѣсни не вполнѣ ясенъ для Миши, но ему становится очень грустно.

Онъ вспоминаетъ папины разговоры.

Дѣло въ томъ, что иногда по вечерамъ папа съ мамой усаживаются на большой диванъ и разговариваютъ. Миша забирается между ними и слушаетъ, и допытывается... Эти минуты онъ очень любитъ.

У нихъ тогда такъ уютно. Миша говоритъ:

— Правда, мы всѣ трое други?

А папа зоветъ маму «голубушкой». Такъ вотъ, какъ-то недавно папа разсказываетъ мамѣ:

— Знаешь, голубушка, былъ я сегодня у Ивана Ивановича... Заходилъ провѣдать: боленъ вѣдь.

— Что съ нимъ?

— Простудился... Пальтишко на рыбьемъ мѣху.

— Какой это мѣхъ—рыбій?—съ интересомъ спросилъ Миша.

— Значитъ, никакого нѣтъ.—Да, такъ

Digitized by Google

если бы ты знала, въ какой онъ ужасной конурѣ живетъ... въ подвалѣ... сыро, темно, махоркой несетъ... Не знаю, что бы для старика сдѣлать?

— Бѣдный, бѣдный!—вздыхала мама;— и вѣдь совсѣмъ одинъ! Никого у него нѣтъ!..

Миша это запомнилъ отлично, и теперь, слушая грустную пѣсенку, онъ глядитъ на старика и думаетъ:

— Значитъ, артистъ—это старенькій человѣкъ, который живетъ въ сыромъ подвалѣ и носитъ пальто на рыбьемъ мѣху. Какой онъ бѣдный!..

Въ это время отворяется дверь, появляется нянька:

— Ну, батюшка, наслушался, пора и баиньки.

— Пойду и я. Прощай, Мишенька... прощайте, нянюшка!—Старикъ встаетъ, кладетъ гитару и словно украдкой вздыхаетъ.

Мишѣ становится страшно жалко ста-

Digitized by Google

рика, и онъ вдругъ ясно представляетъ себѣ, какъ онъ сейчасъ пойдетъ одинъ въ темный подвалъ... гдѣ холодно и страшно. Онъ обхватываетъ колѣнку Ивана Ивановича обѣими руками и говоритъ:

— Иванъ Ивановичъ! Живи у насъ! Живи, пожалуйста! Ты будешь спать въ моей комнатѣ; я позволяю. Не уходи!..

Но удивительно: вмѣсто того, чтобы обрадоваться этому предложенію, Иванъ Ивановичъ какъ-то странно взглядываетъ на Мишу. Лицо у него дергается. Онъ вынимаетъ клѣтчатый платокъ и начинаетъ громко сморкаться, отвернувшись отъ Миши.

Нянька смѣется и говоритъ:

— Ишь, чудной, что выдумалъ! Пойдемъ-ка спать!..

Но прежде чѣмъ его уводятъ, Иванъ Ивановичъ наклоняется къ Мишѣ, цѣлуетъ его и что-то горячее капаетъ и обжигаетъ блѣдную щечку ребенка...

Digitized by Google

Сонъ въ лѣтнюю ночь.

МИНІАТЮРА.

(Посвящается Л. Селивановой).

Посреди широкой поляны, облитой луннымъ сіяніемъ, стоялъ могучій вѣковой дубъ.

Нѣсколько человѣкъ, сплетясь руками, едва могли бы охватить его мощный стволъ, а вѣтви дуба раскидывались густымъ шатромъ надъ поляной, гдѣ въ зеленомъ бархатѣ дерна прятались желтыя буквицы, розовые анемоны и дикіе красные гіацинты.

Другія деревья, обступавшія по обѣимъ сторонамъ поляны, казались небольшими

Digitized by Google

сравнительно съ дубомъ-великаномъ, и по праву онъ могъ назваться царемъ всего лѣса.

И онъ словно чувствовалъ это, и былъ полонъ царственнаго величія.

У подножія его разстилался коверъ травы, теперь, ночью, весь серебристый и покрытый влажными жемчужинами росы; надъ нимъ съ темно-голубого неба сіялъ полный мѣсяцъ, и блестѣли, переливаясь, золотые, серебряные, изумрудные, сапфировые огни звѣздъ. А млечный путь казался такимъ же влажнымъ, серебристымъ и жемчужнымъ, какъ дымка росы, витавшая надъ землею. Откуда-то слышалась тихая, едва уловимая музыка; таинственно и нѣжно звенѣли струны, казалось, что это не обыкновенная музыка смертныхъ, написанная черными значками на бѣлой бумагѣ, но просто звуки лѣтней ночи, музыка сферъ, исходящая чудеснымъ образомъ отъ шелеста листьевъ, шопота вѣтра, журчанья сере-

Digitized by Google

бряныхъ струй, щебетанья, трепетанья легкихъ крылышекъ.

И дѣйствительно, легкія крылышки порхали вокругъ стараго дуба; множество крошечныхъ эльфовъ толпилось и суетилось въ этотъ часъ полнолунія на заколдованной лужайкѣ.

Они въ дуплѣ могущественнаго дуба устраивали изъ моха и цвѣтовъ царское ложе своей повелительницѣ, прекрасной царицѣ эльфовъ—Титаніи.

Эльфъ-Паутинка соткалъ изъ тончайшихъ нитей паутины серебристую ткань для полога ея величеству. Эльфъ-Душистый Горошекъ обвивалъ ложе гирляндами своихъ бѣлыхъ, розовыхъ, блѣдно-лиловыхъ, похожихъ на мотыльки, цвѣтовъ. Эльфъ-Моль перетиралъ самыя жесткія цвѣточныя волокна въ тончайшую душистую пыль; словомъ, хлопотали и трудились всѣ, а нѣжная Титанія въ длинномъ розовомъ одѣяніи, съ кудрями, сотканными изъ лучей мѣсяца

Digitized by Google

милостиво принимала заботы своихъ подданныхъ.

Наконецъ, все было готово.

Царица взошла на ложе, сложила крылья и приказала усыплять себя пѣсней.

Всѣ эльфы, живые цвѣты, изъ цвѣтовъ сдѣлавшіе себѣ наряды, легкимъ роемъ собрались вокругъ ложа Титаніи, кто—покачиваясь на вѣткѣ дуба, кто—пріютившись въ чашечкѣ цвѣтка, кто—протянувшись на широкомъ листѣ лопуха,—и полилась пѣсня:

Съ нашей пѣсней, Филомела,
Слей мелодію свою,—
Баю, баюшки баю!
Чтобъ ничто вредить не смѣло,
Чтобъ царица здѣсь спала,
Не страшась ни чаръ, ни зла.
Ночь прозрачна и тепла,
Тишина съ небесъ слетѣла,
О, царица, почивай!
Баю, баю, баю, бай!..

Digitized by Google

Прелестная златокудрая головка давно уже приняла выраженіе сладкаго покоя. Спустился серебряный пологъ, густою сѣткой сплелись гирлянды душистаго горошка, чтобы скрыть отдыхъ царицы отъ взора смертнаго.

Мѣсяцъ все ярче и ярче обливалъ голубоватымъ свѣтомъ поляну, а жемчужный опаловый туманъ поднимался все выше и выше и тянулся сіяющей дорогой прямо къ млечному пути и оттуда къ мѣсяцу. Эльфовъ тянуло и манило на эту дорогу, и, увидавъ, что царица уснула, они всѣ сразу вспорхнули, и ихъ толпа, какъ стая вспугнутыхъ птицъ, умчалась туда, къ лунной дорогѣ, «водить круги при мѣсяца сіяньи», что всегда было любимою забавой эльфовъ въ лунныя ночи.

Эльфы неслись воздушной гурьбой. Пэкъ, въ своей зеленой рубашечкѣ и красномъ колпачкѣ, впереди всѣхъ,—Пэкъ всегда былъ впереди всѣхъ, а Душистый

Digitized by Google

Горошекъ старался отъ него не отставать, какъ вдругъ они сразу остановились, словно запнулись, и всѣ остальные за ними: они наткнулись на человѣческое существо.

Существо было скорѣе похоже на самаго крошечнаго эльфа: со спутанными кудрями и большими, темными глазами, оно сидѣло тихонько и съ восхищеніемъ и довѣріемъ смотрѣло на крылатую стаю, остановившуюся передъ нимъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ его Пэкъ.

Онъ хотѣлъ прибавить обращеніе, но не зналъ, сказать ли ему «мальчикъ» или «дѣвочка».

Крохотное существо было закутано въ какую-то вязаную фуфайку, на шеѣ у него красовался полинявшій платокъ, сползшій съ головы, а на ногахъ стоптанные сапоги. По одеждѣ, эльфъ не могъ рѣшить, кто передъ нимъ.

— Отца жду!—тихо и разсудительно

Digitized by Google

отвѣтило крохотное существо блестящему эльфу.

— А кто твой отецъ?

— Благородный аѳинянинъ изъ свиты герцога Тезея!—безъ запинки и съ гордостью прозвучалъ отвѣтъ.

— А, да! Вотъ какъ!—колокольчикомъ зазвенѣлъ смѣхъ эльфовъ.

Теперь эльфы знали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

— Ну, твой отецъ еще скоро не придетъ, онъ теперь какъ разъ во дворцѣ у герцога! Пойдемъ съ нами!

Въ одну минуту мальчикъ былъ окруженъ, осмотрѣнъ, обласканъ толпой эльфовъ.

Душистый Горошекъ угощалъ его чѣмъ-то вкуснымъ, Пэкъ посадилъ къ себѣ на колѣни и цѣловалъ кудрявую головку.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Пять лѣтъ. А вы эльфы?

— Мы эльфы!

— Я васъ давно знаю! Я часто здѣсь

Digitized by Google

бываю и смотрю, какъ вы играете! Мнѣ тоже всегда такъ хотѣлось съ вами поиграть! Можно потрогать твои крылышки?

— Почему же ты не шелъ къ намъ?

— Отецъ мнѣ велѣлъ сидѣть смирно и ни за что́ къ вамъ не ходить.

— И ты слушался?

— Я его всегда слушаюсь.

— А маму?

— А мамы у меня нѣтъ. Она ушла отъ насъ.

— О, бѣдный крошка!—растрогались добросердечные эльфы, и опять посыпались ласки, нѣжности и поцѣлуи.

Но скоро имъ пришлось бѣжать на зовъ Титаніи, и маленькій человѣкъ опять остался одинъ.

Онъ усѣлся на прежнее мѣсто, откуда ему хорошо было видно все, что̀ дѣлается, сидѣлъ смирно и счастливо улыбался. Ему еще казалось, что нѣжныя

Digitized by Google

ручки треплютъ его по щекѣ, что онъ разсматриваетъ ихъ вѣнки и трогаетъ ихъ блестящія крылышки, что сбылось то, о чемъ онъ такъ долго мечталъ: онъ игралъ съ эльфами! Онъ и завтра и послѣзавтра придетъ сюда! онъ попроситъ ихъ покачать его на вѣткѣ, какъ они качаются, и научить его плясать, какъ они пляшутъ. Можетъ быть, и ему дадутъ вѣночекъ и крылышки. Вотъ-то чудно будетъ! Онъ станетъ летать и кружиться, и будетъ хорошенькимъ, нарядным и розовымъ, какъ они.

— Ты что, заснулъ?

Онъ быстро поднялъ головку.

— Нѣтъ, я не сплю!

Передъ нимъ стоялъ высокій, темноволосый человѣкъ съ усталымъ лицомъ.

— Я не спалъ, я игралъ съ эльфами!

— Вотъ какъ! — улыбнулся отецъ, и его лицо освѣтилось нѣжностью.—Ну, пойдемъ!

Digitized by Google

— Пойдемъ. Я и завтра буду съ ними играть. Посмотри, что они мнѣ дали... Можно мнѣ завтра съ ними поиграть? Да? Скажи.

— Ну, нѣтъ, завтра больше не придется,—отвѣтилъ отецъ сурово, и глубокая складка легла между его бровей.

— Отчего?

— Завтра, братъ, не велѣно статистамъ приходить, снимаютъ пьесу съ репертуара. Теперь когда понадоблюсь, не знаю. Пока что, пойдемъ-ка по домамъ, пора тебѣ и спать!

— Я кушать хочу!

— Получишь... сегодня получишь,— горько усмѣхнулся отецъ.—Зайдемъ въ лавочку, куплю тебѣ колбасы, братецъ. Хочешь колбасы?

— Хочу, хочу!

Отецъ взялъ его на руки и заботливо поправилъ платокъ на головкѣ.

Все стемнѣло. Хлопнула входная дверь,

Digitized by Google

и ихъ обдало морознымъ, пронизывающимъ вѣтромъ. Отецъ поднялъ воротникъ рванаго пальто и крѣпче прижалъ къ себѣ ребенка. Сонъ въ лѣтнюю ночь кончился... началась правда холодной зимней ночи.

Digitized by Google

Разеказъ кухарки.

Отхожу, милая, отхожу. Вотъ вѣдь, и всѣхъ ихъ вотъ какими—отъ горшка два вершка — знала, и Лизаньку на рукахъ носила, а отхожу. И никакими бриллiантами они меня теперь не удержатъ. Статочное ли дѣло! Мнѣ, старухѣ, и говорить-то негоже; ну да ужъ шила въ мѣшкѣ не утаишь. Авось найдутъ себѣ лучше; только ужъ чтобы такъ курникъ готовила или разсыпчатое тѣсто—это имъ не найти; скрозь землю пройдутъ, съ той стороны выйдутъ, а такой другой не найдутъ. Не найдутъ и такую, чтобы ихъ такъ жалѣла, какъ я. Будетъ она имъ приписывать да съ лавочникомъ шуры-муры заводить. Поставитъ она имъ суповую говядину по II-ти копѣекъ, какъ же! Небось за телячью-то котлету дешевле тридцати пяти копѣекъ и не ду-

Digitized by Google

мать имъ теперь. Развѣ имъ господскаго добра жалко? Имъ лишь бы карманъ набить, да куму всякую пищу предоставить; а объ господахъ онѣ какъ понимаютъ? Небось, сосѣдская Дарья своимъ господамъ говядину тараканами шинковала! И ни изъ чего: такъ, изъ лютости. «Что она», говоритъ, «барыня,—такъ и куражиться надо мной можетъ? А вотъ пускай поѣстъ чего *я* захочу!» Такая ненавистная, право! Вспомнятъ они тогда Аграфену Михайловну! Да поздно будетъ! Вотъ и не хочу, а плачу: такъ сами слезы катятся. И чего плакать-то? Хорошей кухаркѣ мѣсто всегда есть: съ руками оторвутъ, только скажись. Вѣдь это я у нихъ-то за восемь рублей жила, а мнѣ еще лѣтось у генерала Макѣева двѣнадцать давали... Да вотъ Лизаньку-то жалко! Ничего-то она не знаетъ, ее всякая кругомъ пальца обовьетъ; ей что́ на сливочномъ изжарь, что́ на русскомъ,— и того не понимаетъ. Правду сказать,

Digitized by Google

когда покойница Зинаида Львовна, царствіе ей небесное, андельской душенькѣ, жива была, нешто она Лизаньку до этого допущала? Бывало, губернанокъ однѣхъ двое въ домѣ живутъ, да третья каждый день ходитъ, да еще музыки учительша три раза въ недѣлю бываетъ; выйдетъ это Лизанька гулять, волосы у нея свѣтлые и по поясъ распущены; важно такъ выступаетъ, какъ королевна, а губернанка рядкомъ, а коли покупокъ много, такъ Ѳедоръ лакей сзади идетъ и несетъ все за ими; не то что теперь, ночью одна пѣшкомъ по Москвѣ гоняетъ, Дуняшкѣ и той не велитъ провожать; у тебя, говоритъ, и такъ дѣла много! А какое у ей дѣло? Комнаты убрала, на столъ накрыла, сиди и чай пей. Ужъ кабы Зинаида Львовна, царствіе небесное, жива была... не позволила бы она этихъ распорядковъ. Господи! Подумать только, какъ люди жили, а что̀ вышло! Баринъ-то покойникъ мѣсто хорошее имѣлъ; въ родѣ какъ ге-

Digitized by Google

нераломъ былъ, только-что не военный. Квартера у нихъ была казенная... огромаднѣйшая! 12 однихъ комнатъ да кухня, да ванная, да людскія; прислуги у насъ было, милая ты моя, шесть человѣкъ... Хоть сейчасъ пересчитать: я, да Дуняшка горничная, да прачка, да Ѳедоръ лакей, да кухонный мужикъ, да кульеръ; за столъ садятся,—какъ на базарѣ шумъ стоитъ; пирогъ по воскресеньямъ аршинный пекла для однихъ людей, право... И такая это была жизнь, милая... Хозяйка была Зинаида Львовна, можно сказать, рѣдкостная. Чтобы она когда-нибудь громкимъ голосомъ что̀ сказала, не то что крикнула, — этого не бывало: а все у нея такъ по стрункѣ и ходило. Въ домѣ словно по машинкѣ шло: въ 8 часовъ первый самоваръ; сейчасъ это хлѣбъ, масло, мясо холодное, яйца всмятку,— это какъ Пашенькѣ и Мишенькѣ въ гимназію итти. Въ 12 аккуратъ—завтракъ; въ три—второй самоваръ, въ шесть—

Digitized by Google

обѣдъ, въ девять—чай и опять холодная закуска; чтобы въ неположенное время, какъ у другихъ господъ, то того, то другого требовать,—это не позволялось. Лизанька утро все учится, бывало; послѣ завтрака гулять, хушь дождь, хушь снѣгъ, все равно; вернется,—опять учится, либо на фортепьянахъ играетъ; только послѣ обѣда либо ѣдутъ куда, либо къ нимъ гости; но ужъ въ 12 часовъ, чтобы всѣ огни потушены и чтобы всѣ спали. На что̀ Пашенька и Мишенька ужъ какъ въ ниверситетъ пошли, и то мамаша требовала, чтобы въ 12 въ постель. Разъ—другой въ мѣсяцъ запоздаютъ,—ну, извѣстно, по молодому дѣлу,—дакъ и то боятся съ параднаго-то итти, а стучатся въ кухню, а моя комнатка-то тутъ же за перегородкой; я услышу, что кто-то подъ дверью царапается, встану, впущу... «Мы,—говорятъ,—Аграфена Михайловна, чтобы маму звонкомъ не безпокоить...» И то правда, больше Мишенька припазды-

Digitized by Google

валъ; Пашенька, тотъ такой былъ тихонькій, словно красная дѣвушка... Охъ, рано, рано она, голубушка, его оставила; неужто жъ бы она такое дѣло допустила? Любилъ онъ только въ кіятры ходить. Ужъ такъ любилъ, такъ любилъ! Все кульера за билетами гонялъ; уйдетъ въ свой ниверситетъ, а ему передъ этимъ наказываетъ: «Безпремѣнно, молъ, Кузя, достань билетъ, постой подольше, а дождись». Иной разъ Кузя-то у большихъ кіятровъ всю ночь дежурилъ. Сколько онъ денегъ на эти кіятры просадилъ, чай теперь бы на это домъ построить можно было, деревенскій хорошій домъ. Охъ ужъ эти кіятры! Вся бѣда чрезъ нихъ; и какой только ихъ анчутка выдумалъ, ну ихъ къ неладному! Не знала Зинаида Львовна; знала бы, не велѣла ему туда ходить. И что́ въ нихъ хорошаго? Ну, еще тамъ, гдѣ пляшутъ да пѣсни играютъ, да хороводы водятъ, какъ на Дѣвичьемъ полѣ,—это хушь занятно, есть на что̀

Digitized by Google

подивиться, а то вотъ, гдѣ теперь Пашенька, была я намедни... Ходятъ это всѣ такіе сурьезные, все разговоры разговариваютъ, да еще одинъ такой страшный, какъ факельщикъ, въ черномъ весь, и,—не къ ночи будь сказано,—черепъ человѣчій въ рукахъ держитъ и такъ жалостно надъ нимъ причитываетъ... А тамъ, глядишь, гробъ принесли и отпѣвать начали да въ землю и зарыли. Съ нами крестная сила! Я какъ взреву, да давай Богъ ноги; потомъ всю ночь меня «онъ» душилъ... Что же это за игра такая, скажите на милость? Да, такъ объ чемъ бишь это я?

Вотъ такъ это мы и жили, милая ты моя, какъ у Христа за пазухой... А ужъ чѣмъ прогнѣвили Господа,—не знаю: только барина-то нашего, Иванъ Павловича, царствіе небесное, привозятъ изъ присутствія, а онъ едва дышитъ. Эго его ударъ хватилъ,—полный онъ былъ такой, царствіе небесное. А матушка-то моя,

Digitized by Google

Зинаида Львовна, какъ увидѣла его, такъ сама безъ памяти о земь и грохнулась. Только недѣлей его пережила. Такъ это налетѣло, такъ налетѣло, никто и не вспомнился. Первое время только по всему дому вой стоялъ, а Лизанька сама при смерти лежала. Отходили ее, голубушку. Встала это она—худенькая, худенькая, а глаза, какъ двѣ плошки. И стали это они съ братцами все толковать и устраивать. Первымъ дѣломъ надо было съѣзжать съ квартиры; стали они людей отпускать.

— Мы, говорятъ, теперь васъ держать не можемъ; квартиру мы наймемъ небольшую, и платить столько не можемъ.

Плакали всѣ, отходя, ровно второй разъ кого хоронили.

А мнѣ Лизанька и говоритъ:

— Вамъ, милая Аграфена Михайловна, мы мѣсто хорошее подыскали: тетя васъ къ себѣ возьметъ на тѣ же двѣнадцать рублей... А мы теперь возьмемъ рублей

Digitized by Google

за шесть, мы больше платить не можемъ...

А я ей:

— Шестирублевая-то какъ васъ кормить будетъ? Вы небось къ хорошему привыкли. Ужъ положите мнѣ восемъ рублей да ваше горячее... Я у васъ и останусь.

И то правда: жалко мнѣ было ихъ до смерти, ну да и работы, думаю, будетъ меньше: то на сколько человѣкъ готовила? насъ шестеро да господъ пятеро, да три губернанки ѣли,—четырнадцать душъ...

Она ко мнѣ на шею и въ слезы...

— Миша! — кричитъ, — Паша! Наша Аграфена Михайловна вѣрная, славная!..

За мной и Дуняшка: два рублика сбавила, а осталась. За то же, правду сказать, намъ съ ней почетъ былъ совсѣмъ особенный. Не то что́ другимъ прислугамъ, — а были мы въ родѣ какъ свои; я у себя въ кухнѣ прямо, можно сказать, царствовала.

Digitized by Google

Тѣсненько мнѣ казалось съ непривычки, это вѣрно; взяли это они квартирку пять комнатъ, въ пятой — повернуться негдѣ, тамъ Мишенька спалъ. Мебели много распродали... Трюму ни одну не взяли: не лѣзли въ двери, хушь разбей; плакала надъ барыниной трюмой Лизанька, инда я надъ нѐй заплакала.

— Въ эту, говоритъ, трюму мама глядѣлась; можетъ быть, говоритъ, я бы ее тутъ увидала!

— Что̀ вы, говорю, барышня, гдѣ же это въ зеркало покойницу увидѣть!

— Не понимаешь ты, говоритъ, Михайловна: тутъ за зеркаломъ вѣдь она была, можетъ отъ нея что̀ и осталось! Чудная такая: несообразныя вещи говоритъ и разливается, а я надъ ней—вдвое. Итакъ это мы каждую вещицу оплакали, словно съ родными разставались.

— Прощайте,—бывало скажетъ,—вещи милыя, друзья мои дорогіе! Не съ вами, а со счастіемъ моимъ прощаюсь.

Digitized by Google

У кого-то вы теперь будете? Кому-то достанетесь?

И все родныхъ и знакомыхъ проситъ:

— Купите, я за нихъ спокойна буду.

Правда, чудная,—словно вещи что̀ чувствуютъ. А мнѣ все на нее жалко глядѣть было. Ну, что̀ осталось, размѣстили мы въ этихъ комнаткахъ; хорошо устроились, ничего: у насъ съ Дуняшей своя закуточка...

И зажили мы.

Только что̀ тутъ началось, — не приведи Господи!

Кушать стали два раза въ день: въ четыре — обѣдъ, въ 12 — ужинъ, это какъ Пашенька изъ кіятровъ приходилъ. Мишенька тотъ на абвоката кончилъ, все въ судѣ пропадалъ, а вечеромъ его и съ собаками не сыщешь; тоже въ кіятрахъ сидитъ, пишетъ объ нихъ чтой-то. Газетъ намъ стали носить... тьму-тьмущую, это все, чтобы знать, гдѣ что́ о Пашенькѣ прописано: натащутъ, я ужъ съ пуда

Digitized by Google

продавать въ лавку стала. Лизанька, та все жъ-таки больше дома сидѣла: и то вздумала уроки давать. Это генеральское-то дитё! Я ее стыдила и усовѣщивала... Ничего ее не беретъ. «Надо, — говоритъ, — всякому свой хлѣбъ зарабатывать». Бѣгаетъ, бѣгаетъ по этимъ урокамъ-то, придетъ, на одномъ хвостѣ грязи притащитъ,—въ недѣлю не отчистишь: все вѣдь пѣшкомъ. И нѣтъ, чтобы вечеромъ послѣ этого отдохнуть, какъ слѣдуетъ! Либо къ ней кто, либо она куда, либо тоже въ эти проклятые кіятры. И что, говорю, такъ васъ туда манитъ! Посидѣли бы, повышивали бы, вообще какъ благородной барышнѣ прилично! А она только смѣется! «Насидѣться-то я еще успѣю!..» И все у насъ суета. Сядутъ за столъ, ужъ второе откушали — звонокъ; глядь, Лизанька на кухню ко мнѣ.

— Михайловна, сжарьте еще котлетокъ,—барышня-Наташа пришла, голодная! Либо:

Digitized by Google

— Надо Зиновьева покормить.

А то сама барышня-Наташа (закадычная ея подружка, стало быть, въ тѣхъ же кіятрахъ служила, что̀ и Пашенька) шасть ко мнѣ въ кухню, да ну меня вертѣть, да ну кружить, да ну припѣвать:

Аграфенушка моя,
Сжарь котлетку для меня,
Я, какъ волкъ, голодна...
А не то тебя съѣмъ! Амъ!

Да зубами давай щелкать и хохочетъ, и хохочетъ, и Лизанька за ней, и Мишенька придутъ, хохотъ такой поднимутъ... Бобка-то на нихъ лаетъ, я гляжу-гляжу да и сама засмѣюсь.

— Что̀ съ вами дѣлать! Позволила бы вамъ покойница барыня такіе распорядки устраивать! Да ужъ Богъ съ вами — изжарю!

Такъ вотъ и хороводишься съ ними. То вдругъ часамъ къ 7-ми соберется невѣдомо откуда народъ, безъ всякаго безъ

Digitized by Google

зову. Гостей — со всѣхъ волостей. Сейчасъ это — чай да закуски, да варенья .. И ужъ безпремѣнно кто-нибудь да придетъ голодный: яичницу ему или тамъ сосисокъ... Народъ-то все молодой бывалъ... и ѣли же они! Послѣ нихъ — все чисто, и Бобкѣ кусочка не оставятъ. За ужиномъ — опять звонокъ за звонкомъ; иной разъ во второмъ часу звонятся, ей Богу! Пробовала я ихъ усовѣщивать, — ничего не беретъ. «У Пашеньки, — это Лизанька мнѣ говоритъ,—только и время свободнаго что за ужиномъ; когда же ему посидѣть и поговорить съ людьми? Небось онъ, какъ волъ, работаетъ-то, а вы хотите его этого лишить! И мудрено какъ-то по-своему выбранитъ. Егозистка вы, скажетъ, Аграфена Михайловна! Это вы, скажу, егоза-то моя непосѣдливая. Что̀ съ вами дѣлать—гуляйте, пока молодо.

Отъ ужина-то разойдутся часа въ два, да ты думаешь, милая, сейчасъ спать и

Digitized by Google

положатся? Гдѣ тамъ! Останется это барышня-Наташа у нихъ ночевать; постелютъ ей въ гостиной на диванѣ; а рядомъ-то Пашенькинъ кабинетъ, гдѣ онъ спалъ, а съ другой стороны—Мишенькина закуточка. Такъ вотъ это, не ложась еще, Пашенька съ Наташей объ чемъ-нибудь и сцѣпятся. И крикъ пойдетъ! Онъ за ней гоняется, она за нимъ, да чудно такъ разговариваютъ: разъ, помню, объ какомъ-то доктурѣ заспорили... Изъ нѣмцевъ должно быть, Штомковъ, что̀ ли, хамилія-то... слышу, все его поминаютъ.

— Я тебѣ вотъ что̀ говорю! тр-тр-тр-тр-тр! (Какъ изъ мѣшка горохъ).

А она ему:

— А ты, туполобый, такой-сякой, ничего не понимаешь, что̀ онъ сказать хотѣлъ! тр-тр-тр-тр-тр...

— А ты не съ этой стороны смотришь!

— А ты съ той стороны не видишь! И кричатъ до надрыву; а Мишенька къ

Digitized by Google

нимъ выбѣжитъ, пальтецо только накинулъ.

— Я, кричитъ, водой васъ оболью, спорщики! Человѣку завтра въ восемь часовъ подыматься, а они общихъ индѣекъ разводятъ (ужъ къ чему онъ про индѣекъ,—не знаю). Тѣ примолкнутъ, а тамъ опять черезъ двери:

— Ты думаешь, я молчу, такъ съ тобой согласна?

Наперво шопотомъ, а тамъ опять громче, да сызнова! Опять Мишенька бѣжитъ:

— Я васъ застрѣлю, кричитъ.

Хвать-похвать Наташа свои подушки и въ спальню къ Лизанькѣ; на кушеткѣ у нея свернется, ну ужъ тогда и утихомирятся. Такъ это у насъ день цѣльный спокоя не было. А то записочки носятъ: то Пашенькѣ, то Мишенькѣ; больше Пашенькѣ; иной разъ барышни къ нимъ приходятъ...

— Скажите, молъ, по дѣлу...

Digitized by Google

Такихъ «по дѣлу-то» много хаживало; и, правду сказать, оба наши молодца какъ на подборъ; но и скромные же... Дома ничего не допускали. Сейчасъ это вѣжливенько поговорятъ въ кабинетѣ и ужъ сейчасъ и провожаютъ... Только Кузя,—онъ по старой памяти все къ намъ хаживалъ, иной разъ что̀ подѣлаетъ, ножи перечиститъ, гвоздикъ приколотитъ... все съ мужчиной способнѣе,—такъ онъ отъ нихъ тоже записочки нашивалъ: отъ Мишеньки все къ одной, бѣленькая такая, хорошенькая барышня, съ мамашей жила; ну, а отъ Пашеньки—къ разнымъ...

Значитъ, не находилъ себѣ настоящей пристройки. Все, бывало, и Лизанька, и Наташенька, какъ сойдутся, дразнятъ его:

— Когда же это нашъ Пашенька влюбится?

— Смотри, Пашенька, ужъ у тебя и брюшко растетъ. Всѣхъ невѣстъ прозѣваешь.

Digitized by Google

— Правда, скажутъ, Аграфена Михайловна, пора Пашенькѣ жениться?

— И еще бы! скажу. Въ прекрасныхъ вы лѣтахъ, и собой у меня красавчики; за васъ всякая охотой пойдетъ: берите себѣ красавицу да съ приданымъ, а я-то на свадьбѣ погуляю!

— Нѣтъ, Михайловна, мнѣ приданаго не нужно.

А Лизанька:

— Онъ, Михайловна, за приданымъ не погонится, онъ пускай на Наташечкѣ женится.

А та заливается:

— Что̀ ты говоришь, что ты! Онъ дѣялистъ, — нешто ему такая нужна? Ему — чтобы блудящую душу спасти; вотъ онъ теперь на Зворянскую все смотритъ; ужо онъ ее спасетъ, подожди! И не ждала она, матушка, что шуткой-то въ сурьезъ попадетъ! А та, Зворянская-то барышня, у нихъ тоже въ кіятрахъ

Digitized by Google

служила; разъ «по дѣлу» пріѣзжала, я ее и видѣла: въ ушахъ бриллiанты такъ и свѣтятся, соболя, какъ на купчихѣ, и лошадь вороная. А я у барышни-Наташи спрашиваю (она въ кухнѣ отъ ней спряталась): что̀, молъ, это вѣрно богачиха какая? А она смѣется: «Я, говоритъ, пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ получаю, а Зворянская—тридцать, вотъ и все ея богачество! А я-то въ драныхъ башмакахъ хожу; а можетъ, я, Михайловна, и дура!.. Только я со своей глупостью не разстанусь!..»

Ну, хорошо. Только стала это я примѣчать, что Пашенька мой и вправду зачудилъ. Къ нимъ набьется этихъ самыхъ актеровъ да Лизанькиныхъ пріятельницъ, толчея, какъ всегда; а онъ велитъ сказать, что его дома нѣту. Заберется въ Мишенькину комнату да мнѣ и шепнетъ оттудова:

— Принесите, Михайловна, чайку мнѣ сюда!

Digitized by Google

— Что жъ вы, батюшка-баринъ, шли бы къ гостямъ-то; я вотъ сосиски варю, картошку печеную подамъ...

— Что-то голова болитъ, Михайловна, и ѣсть мнѣ не хочется!

Такъ мой голубчикъ притулится на Мишенькиной постели, а глаза-то у него жалостные... Все письма пишетъ; ночь напролетъ лампа горитъ; керосину стало у насъ выходить вдвое противъ прежняго; сейчасъ это утромъ посылаетъ, то въ ящикъ велитъ бросить, а то съ Кузей... И все къ этой, къ Зворянской барышнѣ... Инна Дмитріевна ее звали... Въ нумерахъ она на Неглинной жила. Взяло меня какъ-то любопытство; семъ-ка я, думаю, сама снесу: что̀ это за барышня и какъ она живетъ? Кузѣ кажный разъ по четвертаку, а то и по полтиннику за письмо даетъ... Одѣлась это я платкомъ да и пошла вмѣсто Кузи. Нашла я ее въ нумерахъ скоро. Нумера богатые: три швейцара съ разныхъ сторонъ подбѣжали,

Digitized by Google

лѣстница широченная, коврами устелена, зеркала до потолка... Хорошо. Постучала это я...

Кто тамъ? говоритъ. Войдите!.. Сама мнѣ навстрѣчу идетъ. И капотъ же на ней, милая ты моя!.. Шелки да кружева, да ленты, все не то — розовое, не то — желтое... И хвостъ въ два аршина комнату подметаетъ. Сама она изъ себя... Вотъ ужъ и не знаю, въ чемъ красу нашли! Волосы черные да, какъ кудель, патлатые, посередкѣ проборъ, и на уши напущено... Лицо блѣдное, словно у цыганки; губы какъ намазанныя, красныя, зубы—точно сейчасъ укусить собирается,— бѣлые, да вострые, а ужъ глаза — что̀ твои плошки, и такъ и зиркаютъ. Худая—худая! Шейка-то открытая, тоненькая и руки, какъ цыплячьи. А въ комнатѣ это у нея настановлено! И ламповъ и ширмовъ, и подушки на полъ прямо набросаны, а ужъ цвѣтами пахнетъ,— голова кружится.

Digitized by Google

— Я, говорю, отъ Павла Иваныча письмо принесла.

Какъ она ко мнѣ бросится, вцѣпилась въ письмо-то... Видно забыла, что я тутъ стою; впилась въ него глазами-то, читаетъ, а сама трясется... Кончила — да давай бумажку-то цѣловать! Ей Богу! Сама шепчетъ что-то, улыбается, а изъ глазъ слезы катятся...

— Отвѣтъ-то будетъ? — говорю.

— Ахъ! — вскинулась, — вы тутъ! Отвѣтъ? Да, отвѣтъ! Скажите, молъ, жду сею же минутою, дома буду, жду, жду, жду!

Я къ дверямъ, а она:

— Постойте, милая!

Да серебряный рубль мнѣ изъ мѣшечка достаетъ. Я что жъ, — я взяла... а сама думаю: не ладно это дѣло.

Дома ему говорю:

— Ждутъ, говорю, и сею же минутою!

Digitized by Google

Онъ какъ вскочитъ, такъ и чаю не допилъ, бѣжитъ, — по дорогѣ ужъ пальто надѣваетъ...

Ну, думаю, молодое дѣло, пусть перебѣсится; къ тому же я слуга, нешто я могу объ такихъ вещахъ съ господами разсуждать?

Такъ это у насъ прошла зима, прошла и весна, подходитъ лѣто. Въ тѣ поры Лизанька съ барышней-Наташей на лѣто уѣхали къ тетенькѣ въ Кіевскую губернію; Мишенька въ Крымъ уѣхалъ; даже Дуняшкѣ на два мѣсяца отпускъ дали, въ деревню выпросилась; а мнѣ куда? Здѣсь мое все: мужъ на Ваганьковскомъ похороненъ, племянникъ у Сіу служитъ, да сестрина дѣвчонка въ ученьи у Войткевичъ... Мы и остались съ Пашенькой. Онъ-то Мишенькѣ посулился пріѣхать туда же, а то, вишь, у него дѣла были.

Остались это мы съ нимъ, только на третій же день онъ ко мнѣ самъ приходитъ, ровно чего смущается и тихо такъ,

Digitized by Google

какъ всегда красной дѣвушкой, говоритъ мнѣ:

— Вотъ что̀, Аграфена Михайловна... Я тутъ на нѣкоторое время переселюсь къ Зиновьеву (это былъ его пріятель, маленькій такой, кудластенькій; все пѣсни пѣлъ и очень на Лизаньку заглядывался). А къ намъ переѣдетъ одна барышня... Такъ ужъ вы за ней тутъ ходите хорошенько, я вамъ прибавлю за это.

— Никакой мнѣ вашей прибавки не нужно,—говорю ему;—ваше дѣло господское, я—слуга, и должна вамъ угождать; а какую же это вы барышню-то...

— Помните, говоритъ, письмо-то вы носили?.. Инну Дмитріевну.

Помолчала я.

— Нешто у нихъ квартиры нѣту?

— Она ее бросила, и ей некуда дѣваться.

Самъ въ глаза мнѣ не смотритъ.

— Извините, говорю, Пашенька, что я вамъ глупое слово скажу... Но какъ я

Digitized by Google

васъ съ измалѣтства знаю... Небось вы знаете, *какія* онѣ барышни; какъ же это вы ихъ въ Лизанькину-то комнату?

Никогда я не видѣла такимъ нашего барина. Побѣлѣлъ онъ, какъ полотно; такъ-то на меня пронзительно посмотрѣлъ и сказалъ мнѣ:

— Другую бы я за эти слова сейчасъ бы прогналъ... Но, какъ вы у насъ 20 лѣтъ служите, я вамъ вотъ что̀ скажу: Инна Дмитріевна—несчастная барышня, и ее спасти надо; а вы еще въ церковь ходите!

— Я что жъ! Ваша воля!—говорю ему, а самой обида такъ подъ сердце и подкатила. «Прогналъ бы за эти слова». Небось 2-й годъ ее знаетъ, а промѣняетъ на нее и вѣрную слугу свою, и хорошо, коли еще и родную сестрицу не промѣняетъ. Уйти, думаю,—какъ же я могу безъ Лизаньки? Возьмутъ новую, еще всѣ вещи потаскаетъ, а я отвѣчай? Дождусь Лизаньки, авось она это все по-своему по-

Digitized by Google

вернетъ: ужъ не станетъ же онъ при ней эту въ домѣ держать...

Смолчала я, затаила на сердцѣ. А на другой день ужъ несутъ корзинку и сундукъ, и является соколена наша... «Несчастная барышня», думаю, — хороша несчастная! Такъ и хохочетъ на всю квартиру, такъ и покатывается:

— Вотъ такъ, говоритъ, суприз! Вотъ гдѣ жить-то мнѣ привелось!

Ну, поселилась это она у насъ.

Я ничего,—молчу. Ни словечушка. Что̀ она мнѣ скажетъ,—все дѣлаю. А она какъ хозяйка расположилась. Помѣстилась въ Лизанькиной комнатѣ! На ея постели спитъ, передъ ея зеркаломъ чешетъ свои космы черныя; просто зло меня беретъ, а я молчу.

Пашенька далъ мнѣ денегъ:

— Тратьте,—говоритъ,—Михайловна, да смотрите, чего бы Инна Дмитріевна не спросила, говорите: все есть.

Ну еще бы! Не стану же я срамить

Digitized by Google

господскаго дома передъ чужимъ человѣкомъ... Чтò ни спроситъ, али квасу въ двѣнадцать часовъ ночи, али яблоковъ утромъ... «все», говорю, «есть». А она почитай ничего и не ѣстъ. Не то чтò завтракать или обѣдать, — пошлетъ за сардинками, либо за чайной колбасой съ пикулями, пощиплетъ и сыта; все больше чай да конфеты. Ну, а Пашенька нашъ совсѣмъ спятилъ. Сидитъ съ ней весь день, словно ребенка баюкаетъ да лелёшкаетъ, а какъ двѣнадцать часовъ,— поцѣлуетъ ручку да и за двери...

— Заприте за мной, Аграфенушка. А она-то безъ него то скучаетъ, то ни вѣсть чтò вытворяетъ. То,—придешь въ комнату,—она, полураздѣмшись, краснымъ кушакомъ повяжется подъ животомъ, какія-то деревянныя штучки на пальцы надѣнетъ, щелкаетъ ими, поетъ, пляшетъ...

— Хороша я, Аграфена Михайловна?

— Чтó же это вы, сударыня! Ко все-

Digitized by Google

нощной звонятъ, а вы бѣса тѣшите! Она сорветъ свой кушакъ, застыдится, какъ дитё малое, и промолвитъ:

— Я и забыла, Аграфена Михайловна! А то иной разъ ляжетъ ничкомъ на диванъ, обложится вся кругомъ книгами и читаетъ. Хушь ты ее зови, хушь ты ее тереби,—ни чай пить не станетъ, ни съѣстъ ни кусочка. А то какъ-то прихожу въ кабинетъ, она стоитъ передъ патретомъ Зинаиды Львовны покойницы и такъ-то плачетъ, такъ-то разливается... Увидала меня, отскочила, словно испугалась: «Я свою маму, говоритъ, вспомнила. Она умерла, мнѣ пятнадцати лѣтъ не было». И опять плакать. Пришелъ Пашенька. Ужъ онъ и въ аптеку бѣгалъ, и водой ее поилъ; едва успокоили. Когда онъ бывало съ ней сидитъ,—разговорамъ у нихъ конца нѣтъ. И никогда это они двери не притворятъ, — нарочно настежь откроютъ: молъ, смотри, ничего мы дурного не дѣ-

Digitized by Google

лаемъ. Нарочно часто меня зовутъ: то—тò подай, то—другое...

Хорошо. Разговоры-то я ихъ слушаю, да ничего въ толкъ не возьму. Только сообразила, правда, что прежнюю свою жизнь это она бросила и не знаетъ, куда же это ей подѣваться? Значитъ, отъ тѣхъ отстала, а къ этимъ не пристала. Плачетъ это она, а онъ ее утѣшаетъ:

— Ваше, говоритъ, впереди! Что васъ, говоритъ, грязью подлые люди закидали,—дакъ это только имъ къ стыду...

И такъ говорятъ, и кажется ничего имъ не нужно,—только наговориться вдосталь. А уйдетъ онъ, она по комнатамъ, какъ привидѣніе, бродитъ, мѣста себѣ не найдетъ. Такъ онъ это и въ Крымъ не поѣхалъ. Глядь, пишетъ ему Лизанька, что ѣдутъ онѣ; гляди, и телеграммъ пришелъ. Значитъ, Иннѣ Дмитріевнѣ время уходить... Я свободно тутъ вздохнула: думаю, пришелъ твоему царствію конецъ! Не тутъ-то было. Поѣхалъ

Digitized by Google

утромъ Пашенька на вокзалъ, а Инна Дмитріевна изъ дома и не думаетъ, только ходитъ по комнатамъ, какъ тигра въ клѣткѣ, и еще лицо блѣднѣй, чѣмъ всегда.

И что жъ бы ты, милая, думала! Пріѣзжаютъ онѣ... Лизанька и Наташа... Чѣмъ со мной поздороваться, чѣмъ лобъ перекрестить, бѣжитъ Лизанька къ Иннѣ Дмитріевнѣ и бухъ къ ней на шею.

— Милая, говоритъ, сестра моя! Мнѣ Пашенька все написалъ! Я все знаю!

— И прощаешь?—это Инна Дмитріевна-то говоритъ, а у самой голосъ дрожитъ.

— И прощаю!

А та какъ кинется къ ней въ ноги, и хвать ее руку и цѣловать.

И пошла это у нихъ катавасія... Ну, хорошо. Думаю я, чѣмъ же это кончится-то?

Только потомъ прибѣгаетъ ко мнѣ Лизанька:

Digitized by Google

— Готовься, говоритъ, къ свадьбѣ, Михайловна!

— А что̀, Лизанька, неужто въ деревнѣ женишка нашла?

— Глупая, говоритъ, Михайловна: Пашенька на Иннѣ женится!

Какъ я это услышала, такъ и обмерла, такъ и заголосила:

— Матушка, Зинаида Львовна, не видишь ты всего этого безобразія! А Лизанька сама мнѣ чуть не со слезами:— Стыдно тебѣ, Михайловна, недобрая ты! И мама бы ее, бѣдную, пожалѣла бы...

— Ладно, говорю, какъ тамъ хотите... А меня увольте. Пожалуйте паспортъ и расчетъ. Не думала, что такъ уходить придется.

— Одумайся, говоритъ, Михайловна!

— Нѣтъ! Не могу этого видѣть, чтобы она здѣсь хозяйничала!

Такъ на своемъ и настояла. И отхожу, милая ты моя; и такъ вотъ нехотя пла-

Digitized by Google

чу... Не смотри, что слезы такъ и капаютъ,—а вотъ пусть-ка они за 8 рублевъ другую такую найдутъ... И вспомнятъ Аграфену Михайловну, да поздно будетъ.

Digitized by Google

ВЕЧЕРЪ ЖИЗНИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Правая рука.

Разсказъ.

I.

«Играютъ на вечерахъ всевозможные новѣйшіе танцы за умѣренную плату. Обращаться письменно и лично отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера». Слѣдовалъ адресъ.

Такое объявленіе, ничѣмъ не отличавшееся отъ сотенъ ему подобныхъ, можно было время отъ времени встрѣтить на послѣдней страницѣ московскихъ газетъ. Объявленіе это печаталось изъ года въ годъ, такъ что ужъ и конторщики газеты хорошо знали его подательницъ и дружелюбно съ ними здоровались.

Приносили объявленія всегда двѣ старушки, чистенькія, скромно одѣтыя и до такой степени похожія другъ на

Digitized by Google

друга, что различить ихъ можно было бы только при очень усердномъ наблюденіи.

Обѣ были небольшого роста, сухощавенькія, тоненькія; у обѣихъ были блѣдныя, словно выцвѣтшія личики съ кроткими голубыми глазами; ихъ жиденькіе, сѣдые волосы, раздѣленные спереди проборомъ на двѣ части, прикрывались черненькими наколками. И порыжѣвшіе, подштопанные, хотя аккуратные, бурнусики были у нихъ одинаковые, и зимой черныя шубки на бѣличьемъ мѣху и старомодные капоры.

— Какія миленькія старушки!—говорили всѣ, взглянувъ на нихъ.

И дѣйствительно, онѣ были изъ тѣхъ, что хорошѣютъ къ старости. Вѣрнѣе сказать, то, что бываетъ у такихъ лицъ въ молодости недостаткомъ—отсутствіе красокъ, огня въ глазахъ, зажигающей улыбки,—перестаетъ чувствоваться въ старости, а правильныя, мелкія чер-

Digitized by Google

ты, кротость выраженія,—все это выдѣляется и выигрываетъ.

Таковы были старушки.

Главная разница между ними была та, что одну звали Полиной Михайловной, а другую—Агніей Михайловной. Фамилія старушекъ была Заварыкины.

Заварыкины были старый дворянскій родъ, имѣвшій въ свое время и великолѣпную подмосковную съ «бесѣдкой миловидой», домашнимъ театромъ, «гротами вздоховъ» и т. п., и домъ на Арбатѣ со львами у воротъ, и имѣнье въ Симбирской губерніи. Но ко времени рожденія близнецовъ Полины и Агніи у ихъ отца (единственнаго къ тому времени представителя славнаго рода Заварыкиныхъ), благодаря усердію предковъ, отъ всей роскоши осталась только часть симбирскаго имѣнья, приносившая въ годъ тысячи три, да чинъ подполковника, съ которымъ онъ и отошелъ въ вѣчность, оставивъ вдову съ двумя дѣтьми.

Digitized by Google

Несмотря на ограниченность средствъ, мать всячески старалась, чтобы ея дочки получили воспитаніе, достойное ихъ сословія. Учились онѣ дома, при чемъ главное вниманіе обращалось на французскій языкъ и музыку; для нихъ «ничего не жалѣли», и то и дѣло для этого продавали то пустошь, то лѣсокъ, то лужокъ. Зато барышни выѣзжали, бывали на дворянскихъ балахъ одѣты не хуже прочихъ, не выходили на прогулку безъ лакея... Дома не занимались ничѣмъ, кромѣ вышиванія, чтенія вслухъ и разыгрыванія «Пробужденія льва» или «Prière d'une vierge» на роялѣ. Словомъ, усердно дѣлали все то, что, по традиціямъ, надлежало дѣлать благовоспитаннымъ барышнямъ.

Годы шли и шли.

Барышни Заварыкины не отличались ни красотой, ни особыми талантами, и всегда какъ-то оставались въ тѣни. Можетъ быть, этого не было бы, имѣй онѣ

Digitized by Google

состояніе; но всѣмъ было извѣстно, что ихъ крохи близятся къ концу,—всѣмъ, кромѣ самихъ барышень Заварыкиныхъ.

Имъ казалось, что въ порядкѣ вещей жить такъ, какъ живутъ онѣ; что, какъ естественно, чтобы за днемъ слѣдовала ночь, а за ночью опять вставало солнце, такъ же естественно и то, чтобы послѣ пробужденія ихъ ждалъ чай и завтракъ, а потомъ обѣдъ; что, если у нихъ что-нибудь приходило къ концу, то только стоило сказать maman, и все это являлось. Откуда берутся деньги, что такое хозяйство, какъ живутъ тѣ, у кого нѣтъ симбирскаго имѣнья и управляющаго, которому пишутъ, когда нужны деньги—это все было для нихъ совершенно неизвѣстно; и хотя имъ перешло за 30 лѣтъ, когда умерла ихъ мать—онѣ были безпомощны, какъ малыя дѣти, ни о чемъ не имѣли понятія, такъ что только черезъ годъ, когда ихъ имѣнье пошло съ молотка, и онѣ остались совершенно безъ

Digitized by Google

всякихъ средствъ—онѣ какъ будто впервые проснулись къ жизни.

Родныхъ у нихъ не было никого, кромѣ какихъ-то бѣдныхъ троюродныхъ тетокъ, еще отъ нихъ же ждавшихъ помощи; единственной ихъ совѣтчицей была старая горничная ихъ матери, которая, хотя себя не забывала и за свою долгую службу у Заварыкиныхъ успѣла себѣ сколотить капиталецъ и собиралась уѣхать въ Ростовъ къ дочери и зажить барыней, но все-таки «по христіанству» пожалѣла своихъ «барышень» и помогла имъ распродать, что̀ у нихъ оставалось, отпустить прислугу, развязаться съ квартирой и т. п. Она даже перевезла ихъ въ меблированныя комнаты; словомъ, исполнила свой долгъ—и уѣхала со спокойной совѣстью.

Для сестеръ настали дни тяжелыхъ испытаній. Онѣ засыпали, обнявшись, въ слезахъ, просыпались, думая, что все это кошмаръ, что «maman» жива,—но какъ

Digitized by Google

только взгляды ихъ встрѣчали убогоказенную обстановку номера, онѣ опять принимались рыдать безутѣшно.

Такъ или иначе, деньги ихъ быстро таяли, и вскорѣ Полина Михайловна, болѣе энергичная, чѣмъ сестра, съ ужасомъ увидѣла, что близокъ день, когда ихъ казна совсѣмъ опустѣетъ.

Надо было думать, надо было спасать себя; какъ онѣ ни были наивны, но это онѣ видѣли ясно.

Полина Михайловна рѣшила поговорить съ сестрой.

— Агнинька! — начала она. — Судьба послала намъ тяжкія испытанія; мы принуждены позаботиться о томъ, чтобы найти себѣ... хлѣбъ насущный.

— О, если бы maman это видѣла! — пролепетала Агнія и достала изъ кармана носовой платокъ.

Обѣ сестры прослезились и нѣкоторое время не могли говорить отъ волненія.

Digitized by Google

Потомъ Полина Михайловна овладѣла собою и продолжала:

— Въ трудѣ нѣтъ ничего позорнаго, сестра... Самъ Господь нашъ трудился...

— Но что же мы будемъ дѣлать, Поленька? Вѣдь мы ничего не умѣемъ!— безпомощно всплеснула руками Агнія. При словѣ «трудъ» ей немедленно представились самыя страшныя картины: прилавокъ, швейная мастерская, прачечная...

— Мы знаемъ языки и музыку, Агнинька! Попробуемъ достать уроки, переписку, переводы... Мало ли что! Надо и надо.

— Да я что жъ... я готова, Поленька...

И начались поиски.

Пусть всякій, кто когда-нибудь искалъ для себя или для другихъ уроковъ или переводовъ, вспомнитъ безконечныя прогулки по всевозможнымъ адресамъ, часовыя ожиданія въ передней, каменныя лица тѣхъ, кого просишь, совѣты «зайти

Digitized by Google

черезъ недѣльку», и пойметъ, какъ легко было сестрамъ что-нибудь найти.

Для того, чтобы давать уроки—требовался дипломъ, котораго у нихъ не было... Съ ними говорили, выслушивали ихъ, но когда на вопросъ: гдѣ вы кончили?—онѣ отвѣчали, что занимались дома, то на нихъ только взглядывали съ удивленнымъ сожалѣніемъ и болѣе или менѣе вѣжливо выпроваживали ихъ.

— Помилуйте! Сотни, тысячи окончившихъ гимназіи, университеты, консерваторіи жаждутъ занятій, даютъ уроки за гроши, «не стѣсняясь разстояніемъ»—зачѣмъ же брать неопытныхъ, да еще и неизвѣстно что̀ знающихъ особъ?

Для языковъ требовались учительницы другой національности, и ихъ было сколько угодно; переписку отдавали на машины, кому охота была предпочитать рукопись Ремингтону? За переводы брались настоящія литературныя силы. Словомъ,

Digitized by Google

всюду была слишкомъ велика конкуренція. А жить было уже не на что; продавались и закладывались послѣднія дорогія воспоминанія прошлаго: колечки, медальончики, какіе-то мѣховые воротнички...

Какъ-то предложили Полинѣ Михайловнѣ мѣсто компаніонки въ отъѣздъ; но, когда сестры подумали, что надо будетъ разстаться, онѣ въ одинъ голосъ сказали:

—Лучше... умереть.

Самое сильное чувство въ душѣ сестеръ, самое яркое проявленіе ихъ энергіи—была ихъ безконечно-нѣжная взаимная любовь. Онѣ любили другъ друга, какъ умѣютъ любить только близнецы. Съ дѣтства у нихъ не было слова «*я*»—оно съ успѣхомъ замѣнялось словомъ «*мы*». «Мы хотимъ», «мы не хотимъ», «мы голодны», «мы не хотимъ спать»—иначе онѣ не говорили, и смѣло могли говорить такъ: ужъ если одна была голодна, то, навѣрно, была голодна и другая;

Digitized by Google

если одной хотѣлось спать, такъ хотѣлось и другой. Онѣ въ одно время хворали; имъ нравились одни и тѣ же люди, однѣ и тѣ же книги, одни и тѣ же цвѣта; одно и то же смѣшило ихъ, одно и то же вызывало слезы. Никакое удовольствіе не было для нихъ полно, если онѣ не дѣлили его. Какъ-то разъ учитель, когда онѣ еще были дѣтьми, задалъ имъ классное сочиненіе: «разскажите самый интересный случай изъ вашей жизни» — обѣ написали, не сговариваясь, одно и то же:

«*Наша* поѣздка къ морю».

Даже сны имъ снились одинаковые.

Разъ только въ жизни не пришлось Полинѣ Михайловнѣ раздѣлить чувства своей сестры. Это было тогда, когда Агнія Михайловна переживала свой первый и единственный романъ... если только можно было назвать это романомъ. Скорѣй такъ... Пѣсня безъ словъ, похожая на ея любимыя мендельсоновскія

Digitized by Google

«Lieder ohne Worte»: такъ же мечтательно и коротко.

Онъ былъ красавецъ—поручикъ Чекмарцевъ, танцовавшій какъ-то съ ней весь вечеръ на дворянскомъ балу. Бѣдная дѣвушка не знала, что онъ дѣлалъ это исключительно изъ желанія побѣсить одну очаровательную брюнетку, слѣдившую огромными насмѣшливыми глазами за тѣмъ, какъ онъ нашептываетъ любезности блѣдненькой барышнѣ, какъ ведетъ ее къ ужину и нѣжно смотритъ на нее. Черезъ два дня Чекмарцевъ сдѣлалъ визитъ Заварыкинымъ; мать уже начала съ тревожной радостью поглядывать на Агниньку. Но поручикъ всѣхъ ихъ поразилъ, какъ громомъ, заявивъ, что пріѣхалъ проститься—онъ переводится въ Петербургъ.

Агнія ничего никому не сказала, но съ тѣхъ поръ она тайно мечтала о немъ; спрятала бантикъ и букетикъ отъ котильона, меню ужина, и эти скромныя ре-

Digitized by Google

ликвіи неоднократно видѣли ея слезы, когда она дотрагивалась до нихъ дрожащими руками.

Часто за то время на вопросъ сестры:

— Что съ тобой?

Она отвѣчала:

— Ничего... Чему со мной быть?

И таила мечты и вздохи на днѣ своей души такъ же бережно, какъ увядшіе цвѣты и полинявшія ленточки на днѣ дѣвичьей шкатулочки...

Чекмарцевъ въ Москву не возвращался, и мало-по-малу исчезли и мечты Агніи: только изрѣдка, какъ какой-то неясный сонъ, онѣ поднимались со дна души и меланхоличною дымкой заволакивали ея глаза.

Тогда опять на вопросы сестры:

— Что съ тобой?

Она отвѣчала:

— Ничего, Поленька!..

Таковъ былъ романъ ея: онъ былъ такой же бѣдный и безрадостный, какъ

Digitized by Google

все ея существованіе. Но это была ея единственная тайна отъ сестры. Въ остальномъ—онѣ были одна душа и одно тѣло, и разстаться для нихъ было дѣйствительно равносильно смерти.

Отчаяніе уже начинало ихъ охватывать, когда онѣ попали къ бывшей своей пріятельницѣ, пѣвицѣ Зарницкой.

Зарницкая—барышня изъ ихъ общества—бросила это общество, уйдя на сцену. У нея былъ рѣдкой красоты голосъ, и она быстро завоевала себѣ славу; но, выйдя замужъ, она оставила театръ; потомъ, когда разошлась съ мужемъ, хотѣла вернуться на сцену, но оказалось, что послѣ рожденія ребенка она потеряла голосъ; тогда она стала учительницей пѣнія. Благодаря своимъ связямъ и имени, она сдѣлалась профессоромъ въ консерваторіи. Къ ней-то сестры и пошли, надѣясь, что она достанетъ имъ какой-нибудь урокъ.

Когда обѣ онѣ появились въ ея изящной гостиной, Зарницкая съ легкою

Digitized by Google

грустью посмотрѣла на нихъ. Она невольно сравнивала ихъ съ собою. Какъ ей, такъ и имъ было лѣтъ по 35-ти—онѣ были ровесницы. Она успѣла за это время блеснуть на сценѣ, насладиться всѣми восторгами успѣха, овацій, цвѣтовъ; полюбила; имѣла ребенка; разошлась съ мужемъ, перестрадавъ свою разлуку; не одна буря пронеслась надъ ея гордой головой, а она стояла красивая, цвѣтущая, сильная,—до сихъ поръ увлекающая и... увлекающаяся.

А эти?

Ничего не было въ ихъ жизни: ни яркихъ радостей, ни яркаго страданья; въ 35 лѣтъ у нихъ былъ такой же малый запасъ чувствъ и ощущеній, какъ въ 15; вяло и безцвѣтно прошла ихъ молодость; наивныя, жалкія, безпомощныя, ничего никогда неиспытавшія—теперь онѣ увяли, засохли, какъ выброшенные цвѣты.

И вдругъ—имъ приходилось сызнова начинать жизнь, слабыми и неумѣлыми

Digitized by Google

руками браться за дѣло, вступить въ непривычную борьбу за существованіе.

Ей жаль стало Заварыкиныхъ.

— Милыя мои, у меня есть мысль. Урокъ найти трудно... требуютъ диплома... А вотъ что вы могли бы...

— Что же?—съ испугомъ и надеждой спросили сестры.

— Вы недурно играете... Такъ вотъ... Вы могли бы играть танцы на вечерахъ или на урокахъ танцевъ.

— За деньги... на вечерахъ?...—почти шопотомъ сказала Агнія.

Полина опустила голову.

— Надо же чѣмъ-нибудь жить... Что-нибудь дѣлать!—тихо сказала она.

Обѣ сестры долго молчали, потомъ подавили слезы и одновременно промолвили:

— Ну, что же... Спасибо и за это.

Такъ рѣшена была ихъ участь. Зарницкая сдѣлала для нихъ все, что могла.

Digitized by Google

Рекомендовала ихъ знакомымъ, какъ тапершъ и аккомпаніаторшъ, указала, куда направиться съ объявленіями, съ предложеніемъ услугъ, даже, наконецъ, пристроила ихъ въ школѣ, гдѣ преподавала сама—играть во время урока танцевъ два раза въ недѣлю.

Такъ сестры и устроились.

Въ первое время, правда, странно и плохо приходилось сестрамъ.

Попадали онѣ въ купеческіе дома, на разныя мѣщанскія вечеринки; тамъ все казалось имъ чуждымъ. Привыкшія къ тонкимъ, деликатнымъ манерамъ, къ изысканно-вѣжливому обращенію,—онѣ сначала часто прямо пугались расходившейся молодежи; ихъ коробило отъ шума, крика, топота,—отъ обращенія съ ними. Ихъ не *просили*, имъ *приказывали;* обносили ихъ чаемъ, подавали имъ ужинъ на кончикѣ стола въ буфетной комнатѣ. Онѣ отказывались отъ этого ужина и только молча пожимали другъ другу руки.

Digitized by Google

А ужъ получать деньги—это для нихъ съ непривычки было просто пыткой.

Хуже всего было, когда ихъ приглашали играть въ тѣ дома, гдѣ прежде имъ случалось бывать, какъ равнымъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ дѣлали видъ, что ихъ не узнаютъ; въ другихъ, наоборотъ, начиналось оханье, аханье, обидныя сожалѣнія—это было еще тяжелѣе.

Пріятнѣе всего имъ было, когда онѣ играли на урокахъ танцевъ, въ школѣ и въ частныхъ домахъ. Какъ-то легче смотрѣлось на то, какъ учатся дѣти, чѣмъ на то, какъ веселится, хохочетъ, флиртуетъ счастливая, эгоистическая молодежь.

Мало-по-малу сестры привыкли ко всему. Онѣ стали и на хозяевъ, и на танцующихъ смотрѣть, какъ тѣ на нихъ смотрѣли, то-есть видѣть въ нихъ деревянныхъ манекеновъ — не болѣе. Онѣ даже перестали отказываться отъ ужина, резонно сообразивъ, что сидѣть голод-

Digitized by Google

ными часовъ съ 8—9-ти до утра—не стòитъ.

Постепенно жизнь ихъ входила въ колею, укладывалась въ извѣстныя рамки.

Работы у нихъ все прибавлялось: онѣ играли всегда въ 4 руки, но вдвоемъ получали то, что обыкновенно платятъ одному таперу. За ихъ скромныя требованія ихъ охотно приглашали, и онѣ могли существовать безбѣдно.

Сыгрались онѣ такъ, что даже пьесы, написанныя для двухъ рукъ, играли въ четыре, при чемъ лѣвую руку играла Полина Михайловна, а правую—Агнія. Агнія Михайловна вообще играла лучше, и потому ей принадлежала мелодія; Полинѣ Михайловнѣ—аккомпаниментъ. И въ то время, какъ аккомпаниментъ твердо и положительно звучалъ въ лѣвой рукѣ, въ правой то мечтательно, то игриво пѣла и звенѣла мелодія. Да и немудрено! Въ эту мелодію Агнія Михай-

Digitized by Google

ловна вкладывала всѣ свои несбывшіяся мечты, всѣ когда-то промелькнувшіе сны и грезы; и изъ-подъ ея тонкихъ, увядшихъ пальцевъ лились нѣжные звуки, словно легкія тѣни умчавшейся безвозвратно юности...

А юность отходила все дальше и дальше въ область воспоминанія... Незамѣтно, день за днемъ, годъ за годомъ уходило время. День казался длиннымъ-длиннымъ, а годъ улеталъ такъ, что и не оглянешься. Сестры одинаково старились, — и даже не старились, а какъ-то блекли, выцвѣтали, какъ старинные портреты, рисованные непрочной пастелью... Имъ казалось, что онѣ не мѣняются; сначала онѣ вздыхали еще въ день своего рожденія, особенно Агнія; но когда перешло имъ за 40, онѣ перестали вздыхать; и для нихъ годы шли незамѣтно, какъ часы; часы тянулись, какъ годы.

Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ побывали у Зарницкой, прошло уже двадцать лѣтъ;

Digitized by Google

у Зарницкой уже была давно своя школа; она выдала дочку за милліонера; второй разъ вышла замужъ сама... А сестры все жили въ одной и той же комнаткѣ у вдовы-телеграфистки. Когда онѣ переѣхали къ ней, у нея былъ 4-хъ-лѣтній мальчуганъ; теперь этотъ мальчуганъ ходилъ въ 6-й классъ гимназіи, и къ сестрамъ привыкъ такъ, что звалъ ихъ «тетя Поля» и «тетя Агнія».

Свыкшись со своей жизнью, сестры даже стали находить ее пріятной и счастливой; ко всему можно привыкнуть! Въ своемъ трудовомъ существованіи начали онѣ находить свои маленькія, несложныя, незамѣтныя постороннему глазу, но свѣтлыя для нихъ — радости.

Онѣ любили свою комнатку, свою «келейку» — блестящую чистотой, съ бѣлыми кроватями, піанино въ углу и цвѣтами на окнахъ. Онѣ любили вернуться туда послѣ работы, смѣнить «мундиры» свои на фланелевыя темныя блузы, надѣть

Digitized by Google

мягкія туфли и усѣсться въ кресла у окошка «чаевничать».

Любили также, когда, вернувшись домой, онѣ у себя въ креслѣ находили свернувшуюся клубочкомъ съ книжкой Наденьку, подругу жившей у ихъ хозяйки консерваторки. Наденька эта была трудолюбивое существо, училась она съ ужаснымъ рвеніемъ, мечтала завоевать весь міръ, а пока пробивалась на стипендію въ двадцать пять рублей; такъ какъ иногда ей негдѣ было приклонить голову, то она приходила ночевать къ своей подругѣ, а если та сама учила въ это время монологи изъ «Жанны д'Аркъ», то Наденька уходила къ старушкамъ въ комнату.

Она была сирота и, какъ цвѣтокъ къ солнцу, тянулась къ ласкѣ; старушки полюбили ее сердечно, и у этого молодого огня отогрѣвали свои старыя косточки.

И у нихъ были хорошіе вечера въ

Digitized by Google

этой уютной комнаткѣ, когда тихо трещала печка, въ углу трепеталъ синій мотылекъ лампаднаго огня, а Наденька приходила къ нимъ «посумерничать» и говорила:

— Сыграйте, тетя Агнія.

Агнія садилась за свое піанино и играла. Играла она ужъ не тѣ польки, вальсы, шаконны, которыя такъ надоѣли ей, а тѣ небольшія пьески, которыя были ей особенно близки и дороги почему-то: «пѣсни безъ словъ» Мендельсона, ноктюрны Фильда. Она училась у ученицы Фильда, и у нея была, какъ выражались про него когда-то, игра «perlée»: мягкая, чистая, прозрачная. На вечерахъ играла она изо всѣхъ силъ, какъ и требуется отъ таперши, но дома она вспоминала старое и роняла свои жемчужныя нотки на пожелтѣвшія клавиши стараго піанино.

Полина Михайловна вздыхала и, забывая положить четверку бубенъ на тройку

Digitized by Google

пикъ, путала свой пасьянсъ; Наденька широко-раскрытыми глазами глядѣла на старушекъ и чувствовала, что въ эти минуты всѣ прекрасныя пѣсни безъ словъ звучатъ у нихъ въ душѣ.

И это было такъ.

Вспоминали оба старыя сердца, что есть на свѣтѣ любовь, о которой пишутъ нѣжные стихи, въ честь которой слагаются сладкія мелодіи; что есть гдѣ-то чудесныя страны, гдѣ вѣчная весна; что въ лунныя ночи счастье слетаетъ на землю; что есть ароматъ весеннихъ розъ, поэзія незаснувшей ночи, клятвы, счастье, жаркія слезы блаженства; что все это есть, что это не фантазія, а дѣйствительность, и звучитъ, и поетъ сейчасъ, въ этихъ звукахъ — и вотъ забывалось, что это все недоступно, что для нихъ этого не было и не будетъ никогда... никогда!..

Digitized by Google

II.

Каждое лѣто старушки уѣзжали на дачу. Агнія Михайловна была вообще слабѣе здоровьемъ Полины Михайловны, и та употребляла всѣ свои силы, чтобы собрать денегъ на лѣто. Она откладывала каждую копейку, кромѣ того не брезговала ничѣмъ: бралась въ свободное время за всякую работу, какъ бы ничтожна она ни была. Онѣ переписывали ноты, вязали платки, мѣтили бѣлье, дѣлали переводы, когда случалось, саше, подушечки для булавокъ и для скрипокъ... Господи, чего онѣ ни дѣлали, лишь бы скопить нѣсколько десятковъ рублей и пожить «на дачѣ». Онѣ обыкновенно снимали комнатку въ Кунцевѣ, гдѣ жили одни очень богатые люди, у которыхъ онѣ часто играли зимой; лѣтомъ хозяйка справляла именины, а въ началѣ августа — рожденіе старшей дочери; они отлично платили, такъ что это былъ для

Digitized by Google

старушекъ вѣрный заработокъ. Кромѣ того, если случалось, рекомендовали ихъ на сосѣднія дачи. Такъ что и лѣтомъ сестры работали, но ужъ, конечно, меньше, чѣмъ зимой, и все время проводили въ паркѣ, на солнышкѣ, наслаждаясь чахлой подмосковной природой отъ души, благодаря Бога за каждый кусочекъ неба, за каждый зеленый уголокъ, который онѣ видѣли. Въ городъ онѣ возвращались съ массой всевозможныхъ «сувенировъ»: засушенныхъ цвѣтовъ, сухихъ травъ, изъ которыхъ онѣ дѣлали букеты, еловыхъ и сосновыхъ шишекъ, которыя тоже служили имъ для какихъ-то работъ, рамочекъ и т. д. Возвращались обыкновенно посвѣжѣвшія, поздоровѣвшія, но довольныя опять увидѣть и свою келейку, и хозяйку, и гимназиста Володю, и Наденьку, и даже кухарку Матрену и стараго кота Антипа.

Такъ было и теперь. Съ чувствомъ радости онѣ пріѣхали «домой», прибра-

Digitized by Google

ли свою комнатку, расцѣловали Наденьку, сходили въ баньку, потомъ къ Иверской— и пошла прежняя тихая жизнь.

Въ одинъ прекрасный день старушки получили прекрасное приглашеніе, черезъ своихъ лѣтнихъ знакомыхъ, въ очень богатый домъ; за вечеръ обѣщано было 25 рублей! Такъ хорошо имъ рѣдко платили, и обѣихъ очень обрадовала эта неожиданная перспектива. Онѣ особенно тщательно одѣлись въ самыя парадныя свои черныя муаровыя платья—плодъ долгихъ сбереженій,—служившія имъ вѣрой и правдой около десяти лѣтъ, завязали бѣленькіе бантики у ворота и прикрыли волосы чернымъ кружевомъ.

— Ну, какія же вы красавицы!—восхищалась Наденька, помогая имъ одѣться.—Въ васъ тамъ всѣ влюбятся!

Старушки усмѣхались.

— Ладно, ладно; ужъ я знаю, что кому-то хотѣлось розовой фланельки на кофточку!..—лукаво поглядывая на На-

Digitized by Google

деньку, говорила Агнія Михайловна.— Вотъ, можетъ быть, ему завтра добрая волшебница и принесетъ подарокъ!..

— Знаю я эту добрую волшебницу! Чтобы она не смѣла дѣлать глупостей!— возражала Наденька, душа старушку въ объятіяхъ.

Въ такомъ розовомъ настроеніи отправились онѣ по конкѣ на Остоженку, куда ихъ пригласили.

Когда онѣ пріѣхали, не было еще никого. Хозяйка дома, видная, красивая барыня, встрѣтила ихъ любезно, поблагодарила за согласіе, предложила чаю...

Сестры, восхищенныя такимъ, рѣдко выпадавшимъ имъ, пріемомъ, расцвѣли и отвѣчали ей по-французски, со старомодною учтивостью. Она познакомила ихъ и со своими дѣтьми, молоденькимъ студентикомъ и хорошенькой барышней лѣтъ 16-ти, и тѣ проводили ихъ на мѣсто, къ роялю.

Довольныя, счастливыя, сестры ждали

Digitized by Google

знака хозяйки. Наконецъ, гости съѣхались, и балъ открылся вальсомъ. Никогда еще такъ бравурно не звучали мазурки, не скользили такъ плавно pas de quatre, не звенѣли такъ томно вальсы; двѣ старушки бодро принялись за дѣло и, словно желая отблагодарить хозяевъ за вниманіе, старались изо всѣхъ силъ.

Нѣсколько разъ, подбѣгая просить ихъ сыграть то или другое, и студентъ, и барышня дѣлали имъ комплименты насчетъ ихъ игры, а въ антрактѣ даже сама хозяйка, за которой шествовалъ лакей съ фруктами и мороженымъ, предлагая имъ освѣжиться, благодарила за то удовольствіе, которое ихъ «прекрасная игра» доставляетъ молодежи, благодарила по-французски, повергши старушекъ въ большой восторгъ и заставивши ихъ удвоить рвеніе.

Онѣ взяли себѣ и фруктъ, и конфетъ и, улыбаясь, переглянулись:

— Ужъ это Наденькѣ!

Digitized by Google

Наденька у нихъ эту ночь ночевала, и ридикюльчики наполнялись: съ мыслью о ней старушки ни отъ чего не отказывались.

Когда балъ былъ въ полномъ разгарѣ, въ залъ вошелъ, гремя шпорами, бравый генералъ, лѣтъ подъ 60, весь бѣлый, но съ черными бровями и красивый до сихъ поръ.

Агнія Михайловна случайно взглянула на него и вдругъ ошиблась нотой.

Ей показалось въ этомъ лицѣ что-то странно знакомымъ: эти глаза... орлиный носъ съ подвижными ноздрями...

— Не можетъ быть,—шептала она про себя, разсѣянно играя, а сердце ея сжималось тайнымъ страхомъ и тоской.—Я брежу... вѣдь 30 лѣтъ... больше... я не могла бы узнать... не можетъ быть.

— Мазурку! Мазурку!—требовали въ залѣ.

— Что жъ ты, Агнинька?—изумленно и не безъ недовольства окликнула ее

Digitized by Google

Полина.—Мазурку, ты слышишь? Разъ, два, три...

— Слышу, слышу...—испуганно отозвалась Агнія и заиграла бравурную мазурку. Огневые звуки вылетали изъ-подъ старыхъ пальцевъ, но она играла машинально, а глаза ея все слѣдили за красивымъ генераломъ.

Вотъ онъ молодцоватой походкой подошелъ къ очаровательной молодой дѣвушкѣ, склонилъ голову съ усмѣшкой подъ сѣдыми усами, щелкнулъ шпорами. Она встала съ мѣста. Самолюбивый румянецъ запылалъ на ея нѣжныхъ щекахъ, очевидно она была польщена выборомъ генерала. Она встала, подала ему крошечную руку въ бѣлой перчаткѣ... и они понеслись въ мазуркѣ.

— Онъ!.. Это онъ!.. — вырвалось у Агніи Михайловны.

— Да что ты, Агнинька, опомнись! Второй разъ ты сфальшивила!—испуган-

Digitized by Google

нымъ шопотомъ упрекнула ее лѣвая рука.—Что на тебя нашло?

— Я ничего... ничего, Поленька!— опять отвѣтила Агнія, едва преодолѣвая дрожь во всемъ тѣлѣ.

Она стиснула зубы и, глотая слезы, играла.

— Надо доиграть! Во что бы то ни стало выдержать. А то что̀ Поленька скажетъ? Она не должна ничего знать. Лишиться такихъ денегъ... безуміе... Надо преодолѣть себя. Что до того, что въ глазахъ ходятъ зеленые круги, что сердце сжимаетъ словно рука желѣзная! Глупое, старое сердце! Скажите, чего разволновалась? Вотъ, горько, обидно стало, что она сидитъ здѣсь, наемница, жалкая, старая, никому ненужная; изъ доброты, изъ состраданія только съ ней и разговариваютъ, а онъ... Чекмарцевъ, о которомъ всю долгую жизнь вспоминала она—*мазурку танцуетъ!* И какъ танцуетъ, что она его сразу узнала... И

Digitized by Google

красивъ, и глаза блестятъ... Вотъ, сталъ на колѣни передъ своей дамой... Картина! А она, какъ она смотритъ не него!.. Что же, влюбилась Марія въ Мазепу... И ему еще и молодость, и любовь... Гдѣ же справедливость? Почему однимъ все, а другимъ ничего?

Она думала это, и слезы застилали ей глаза... А мазурка все отчаяннѣе и безумнѣе гремѣла, и оборвалась подъ громъ аплодисментовъ, которыми молодежь привѣтствовала генерала, когда онъ кончилъ танцовать и рыцарски поцѣловалъ ручку своей дамы...

Позвали къ ужину. Опять сама хозяйка подошла къ сестрамъ.

— Прошу васъ, поужинайте съ нами.. Послѣ ужина молодежь, навѣрно, еще захочетъ потанцовать...

Отказаться было нельзя. Долгъ свой надо исполнить до конца.

— Мсье Fayet!—обратилась хозяйка

Digitized by Google

къ старичку гувернеру:—conduisez ces dames, s'il vous plait...

Старушекъ усадили въ концѣ стола, рядомъ съ гувернанткой, гувернеромъ, маленькимъ кадетомъ, которому позволили остаться съ большими, и репетиторомъ. Ихъ угощали очень любезно, занимали разговоромъ; Полина Михайловна, какъ ребенокъ, была рада поболтать по-французски съ гувернеромъ, ухаживавшимъ за нею со всей французской вѣжливостью, и даже выпила «un doigt de champagne». Она совсѣмъ хорошо себя чувствовала и не слѣдила за сестрой.

А Агнія Михайловна, вся блѣдная, смотрѣла на другой конецъ стола, гдѣ сидѣлъ Чекмарцевъ рядомъ со своей очаровательной, похожей въ бѣломъ на весенній ландышъ, дамой, и наклонялся къ ней, и шепталъ ей что-то на ушко, и засматривалъ въ глаза, а она розовѣла и смѣялась тихимъ, довольнымъ смѣхомъ.

Digitized by Google

Агнія Михайловна ясно вспоминала тотъ единственный счастливый вечеръ, память о которомъ она хранила такъ свято, такъ нѣжно...

Она еще подумала, что, можетъ быть, она ошиблась, что судьба не могла такъ жестоко подшутить надъ ней.

— Quel est ce monsieur?—спросила она у своего сосѣда.

— C'est un oncle à Madame... M-r le general Tchékmarzeff...—отвѣчалъ французъ.

Итакъ, сомнѣній больше не было.

Какъ насмѣшка надъ всей ея неудавшейся жизнью, промелькнулъ въ ея глазахъ этотъ образъ, ликующій, торжествующій, чтобы яснѣе показать ей, какъ жалка и бѣдна она...

Она не помнила, какъ кончился ужинъ, какъ онѣ играли вальсъ, mignon и т. д. Какъ, наконецъ, ихъ отпустили, и Полина Михайловна, довольная, веселая, наняла извозчика, говоря:

Digitized by Google

— Ну, сегодня можно раскутиться! Ты знаешь, что въ конвертѣ 30 рублей? Вотъ это люди—такъ люди.

Она разболталась, можетъ быть, и подъ вліяніемъ шампанскаго, и болтала всю дорогу.

— Снѣжокъ-то какой! Вотъ чудная погода. Я рада проѣхаться, освѣжиться, хе-хе-хе, послѣ шампанскаго! Ахъ, какіе милые люди; вотъ пріятно я провела время. Знаешь, прелюбезный этотъ старичокъ-гувернеръ... Онъ меня завѣрилъ, что теперь можно разсчитывать, что у нихъ каждую субботу будутъ собираться... У M-me кончился трауръ по бабушкѣ, и они хотятъ принимать. Какая красивая, и вотъ сейчасъ видно, что изъ настоящаго круга... Такая distinction... Ты знаешь, вѣдь она племянница этого генерала... Чекмарцева... Вспомнила ты? Я припомнила, что мы его знавали когда-то,—ну, да не называть же себя. Что же дѣлать, душечка фортуна измѣнчива... Но я не

Digitized by Google

жалуюсь на свою жизнь, могло бы быть и хуже... Главное, ты со мною, моя добрая Агнинька... А онъ-то, онъ-то, какой молодецъ! Вообрази... 58 лѣтъ—женится... на этой блондиночкѣ... богатая барышня и влюблена въ него; да вѣдь онъ еще какъ хорошъ! И мазурку какъ танцуетъ! А сынъ хозяйки помолвленъ съ этой, въ розовомъ... съ которой онъ танцовалъ mignon въ концѣ. А какое чудесное заливное было! Повару платятъ 75 рублей въ мѣсяцъ, говоритъ мсье Файе. Онъ прелюбезный, мсье Файе. Знаешь? Онъ попросилъ позволенія у насъ бывать, онъ вдовецъ и одинокъ, и такъ радъ былъ поболтать по-французски; вѣдь у нихъ гувернантка нѣмка и ни слова по-французски!.. Онъ положилъ мнѣ цѣлую коробку конфетъ въ шубу; вотъ Наденька-то обрадуется!

Такъ она болтала до самаго дома и только когда онѣ уже были въ своей комнатѣ, и сонная Наденька, вскочивъ

Digitized by Google

съ дивана, зажгла имъ лампу, спрашивая:

— Ну, что, хорошій былъ балъ?

Полина Михайловна вдругъ замѣтила блѣдность и странное выраженіе сестры и бросилась къ ней:

— Агнинька! Что съ тобой? Что ты?— съ ужасомъ вскрикнула она, хватая сестру за похолодѣвшія руки.

— Ничего, —чуть слышно, какъ прежде, отвѣтила та, но натянутые нервы не выдержали, и она упала бы, если бъ ее не подхватила Наденька.

III.

Всю ночь и весь слѣдующій день Полина Михайловна и Наденька провозились съ Агніей Михайловной.

Она почти не приходила въ сознаніе; минутами она задыхалась, минутами имъ казалось, что она совсѣмъ перестала дышать. Полина Михайловна не при-

Digitized by Google

сѣла ни на минутку, не пила и не ѣла; зубы ея нервно стучали, она то-и-дѣло хватала холодныя руки сестры, цѣловала ихъ, называла ее нѣжнѣйшими именами. Заѣзжалъ докторъ, прописалъ какія-то капли, покачалъ головой на вопросы Наденьки и сказалъ, что завтра заѣдетъ. Въ комнатѣ стояла тяжелая тишина, нарушаемая только неровнымъ мучительнымъ дыханіемъ больной, да судорожными вздохами Полины Михайловны. Часы были унесены, чтобы не тикали, лампа заставлена; пахло лѣкарствомъ. Время отъ времени просовывала испуганно голову въ дверь Матрена; заходила хозяйка, консерваторка, даже гимназистъ. Всѣ ступали на цыпочкахъ, шопотомъ спрашивали:

— Ну, что?

И выходили со стѣсненнымъ сердцемъ.

Докторъ опять пріѣхалъ рано утромъ. Полина Михайловна, какъ-то вся похудѣвшая за одну ночь, смотрѣла на него

Digitized by Google

съ молитвенной надеждой, но даже не смѣла спросить его—какъ дѣла?

Его вчерашнее молчаніе прямо убило ее. Но сегодня онъ самъ объявилъ:

— Теперь лучше. Положительно лучше. Черезъ недѣльку-другую встанетъ!

Въ передней онъ сказалъ Наденькѣ:

— Ну, знаете, не ждалъ я послѣ вчерашняго припадка, что старуха выскочитъ. Думалъ—пріѣду, а ужъ она на столѣ.

— Господи! Что вы!—вырвалось у Наденьки.

— Да, слабый организмъ. Вотъ она теперь оправится, а черезъ мѣсяцъ-другой эта исторія повторится, и капутъ. Сердце шутить не любитъ.

— Боже мой, Боже мой!—шептала Наденька, до слезъ взволнованная.

— Нѣтъ, это зачѣмъ же!—докторъ отвелъ ея руку съ рублевкой, простился и уѣхалъ.

Полина Михайловна ожила душою.

Digitized by Google

Она знала только, что Агнинька поправится, и этого ей было довольно. Она стояла на колѣняхъ передъ сестрой, кормила ее виноградомъ, какъ малаго ребенка, по ягодкѣ. Агнія слабо улыбалась и хотя хваталась за грудь, но дышала легче. Все-таки вставать ей не позволили. Только черезъ недѣлю она начала осторожно бродить по комнатѣ, хватаясь за спинки стульевъ. Уроки пришлось пропустить. Полина Михайловна и рѣшилась бы оставить сестру на попеченіе Наденьки и Матрены, да бѣда была не въ этомъ. За двадцать лѣтъ она такъ привыкла играть свою лѣвую руку, что ничего у нея въ правой не выходило. Лѣвая была куда легче правой, а всѣ эти трудные пассажи, которые такъ легко и чисто продѣлывала Агнія Михайловна, Полина и разбирала-то съ трудомъ. Пальцы не такъ слушались ея, какъ у сестры, и она съ горестью видѣла, что безъ нея справиться не въ силахъ. Ко-

Digitized by Google

гда Агнія Михайловна наконецъ оправилась, пришлось работать вдвое: болѣзнь стоила порядкомъ, незамѣтно какъ-то стоила: тутъ лѣкарство, тамъ доктору, тамъ крѣпкаго вина, тамъ цыпленочка, свѣжихъ яичекъ, тутъ за уходъ Матренѣ, тамъ дворнику за то, что ночью бѣгалъ въ аптеку; деньги-то и таяли, а добывать неоткуда было, пришлось затронуть сбереженія, что копились на лѣто; а тутъ, какъ нарочно, всякіе мелкіе долги, какъ всегда бываетъ, когда денегъ въ обрѣзъ, изо всѣхъ щелокъ вылѣзали. То прачка придетъ, то Матрена заявитъ, что керосину нѣтъ, то хозяйкины именины—подарокъ, то за билетики на доставку молока срокъ. Настали праздники. Приглашеній было масса; заработали старушки на славу; но не радовалась Полина Михайловна, когда она взглядывала на похудѣвшее, совсѣмъ прозрачное лицо сестры, на ея восковыя руки—и вспоминала слова доктора:

Digitized by Google

— Надо беречься, не утомляться...

Гдѣ же было не утомляться? Надо было работать; а вѣдь раньше какъ-то и въ голову не приходило, что можетъ быть болѣзнь. Агнія Михайловна сама волновалась хуже сестры, подозрѣвая состояніе ихъ финансовъ, и потому, какъ бы ни чувствовала себя слабой и усталой, не отказывалась ни отъ одного вечера; но всячески старалась, чтобы сестра не замѣтила ея недомоганья, пересиливала себя, и это еще хуже отражалось на ея организмѣ.

Такъ прошло мѣсяца два, и Агнія Михайловна не выдержала.

Заболѣла она ни съ того, ни съ сего: просто, хотѣла какъ-то одѣваться, встала съ кресла, и съ ней повторился прежній припадокъ: обморокъ, полное безсиліе и это ужасное удушье. О, Господи! Когда она задыхалась, Полина Михайловна чувствовала, что задыхается сама,

Digitized by Google

и только въ отчаяніи и смертной тоскѣ хваталась обѣими руками за виски.

Все почти время ей приходилось быть съ больной; у Наденьки шли экзамены, и она только изрѣдка навѣщала Полину Михайловну. Она хорошо помнила предсказаніе доктора, но у нея не хватало храбрости сказать это старушкѣ, и съ болью въ сердцѣ она слушала ея рѣчи:

— Господи, только бы Агнинька скорѣе поправилась! Прошлый разъ она недѣлю лежала... Значитъ, всего четыре денька осталось. Докторъ ѣздитъ каждый день. Что денегъ-то, что денегъ болѣзнь съѣдаетъ! Мнѣ прямо страшно становится. Не могу я безъ нея, безъ моей голубушки, ничего начать: ну, какъ я буду играть безъ правой руки? Не переучиваться же подъ старость! Охъ, только бы она скорѣй встала!

Но Агнинька не вставала. Она полусидѣла на постели, обложенная подуш-

Digitized by Google

ками (лежать ей было тяжело) и съ трудомъ дышала. Все ее словно давило; даже легкій вязаный платочекъ ее стѣснялъ, и она слабою рукой отодвигала его.

Вся она постарѣла сразу; губы ввалились, глаза ушли глубоко и изъ темныхъ впадинъ смотрѣли съ несказанной грустью на сестру. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда она дышала свободнѣе, она находила только слова сожалѣнія и ласки для другихъ.

— Бѣдная Поленька!.. Измучила я тебя!—лепетала она почти беззвучно, съ трудомъ шевеля губами. — И Матренѣ столько хлопотъ.

— И полно, барыня! Только поправляйтесь! — грубоватымъ голосомъ, но глотая слезы, возражала кухарка.

— Поленька, поди, погуляй... Я одна останусь, ничего... Да кушала ли ты? Смотри, я тебя знаю!—вотъ все, что говорила Агнія Михайловна, когда ей

Digitized by Google

становилось легче. Только о другихъ и заботилась. Безпокоило ее и то, что онѣ ничего не дѣлаютъ, что деньги выходятъ; теперь ужъ она это высказывала. Но скоро и объ этомъ перестала думать, такъ ей мучительно было дышать. Она только слабымъ голосомъ просила пить: воды съ лимономъ, винограду, апельсина, ей все хотѣлось залить свою жажду.

Послѣдней ея просьбой было позвать священника. Полина Михайловна вся затряслась, услышавъ это, но бывшія тутъ Наденька и Матрена успокоили ее:

— Послѣ этого всегда легче бываетъ!..

Позвали священника. Агнія Михайловна исповѣдалась, причастилась... Весь домъ былъ погруженъ въ какое-то трепетное ожиданіе. Когда священникъ ушелъ, всѣ пришли поздравить Агнію Михайловну.

Должно быть отъ подъема нервовъ, ей стало лучше. Она лежала въ бѣлой кофточкѣ, въ бѣломъ чепчикѣ, сама бѣ-

Digitized by Google

лая, какъ восковая, и слабо улыбалась, принимая поздравленія: всѣхъ поцѣловала,—и хозяйку, и Володю, и Матрену,—шепча:

— Спасибо, голубчики... спасибо!..

Послѣ этого она забылась, казалось—заснула. Тишина воцарилась,—какая-то жуткая тишина... Полина Михайловна и Наденька притаили дыханіе и боялись пошевельнуться, чтобы невзначай не разбудить спящую. Надежда боролась у нихъ съ тревогой, но верхъ брало необъяснимое, мучительно-тоскливое предчувствіе. На всемъ: на заставленной ширмочками кровати, на иконахъ въ углу, на цвѣтахъ—словно легла какая-то мрачная тѣнь; таинственно горѣла лампа, разливая зеленый полусвѣтъ по комнатѣ, а изъ тонущихъ во мракѣ угловъ глядѣло что-то черное, пугающее, и кто-то страшный притаился за темнымъ зеркаломъ. Въ тишинѣ, казалось, можно было разобрать, какъ стучатъ сердца, бьющія-

Digitized by Google

ся испугомъ и болью. Наденька пугливо жалась къ Полинѣ Михайловнѣ, а та шептала молитвы, глядя не видящими ничего глазами впередъ... И тоска, и ужасъ, гнетущій ужасъ царили въ комнатѣ. Какъ будто ничто не измѣнилось въ ней, а вмѣстѣ съ тѣмъ все было другимъ. Сознаніе неизбѣжности, роковая загадка конца, призраки одиночества и отчаянія влетѣли въ нее и сѣрыми крыльями на все набросили холодную, могильную тѣнь...

Вдругъ Агнія Михайловна проснулась, слабо пошевелилась и застонала. Сестра и Наденька бросились къ ней.

— Что ты?..—Что вы, тетя Агнія?— Какъ тебѣ?...

— Мнѣ хорошо... Я бы... чайку теперь и... леденчиковъ... кисленькихъ!..— чуть слышно, по-дѣтски, попросила она.

— Сейчасъ, родная, сейчасъ!..

Матрена полетѣла, стрѣлою въ лавочку

Digitized by Google

а Полина Михайловна, дрожа отъ радости, говорила Наденькѣ:

— Видишь, видишь, ей совсѣмъ хорошо!

Матрена принесла леденцы. Агнія Михайловна поднесла одинъ изъ нихъ ко рту, но безсильно опустила руки: ее опять начало душить. Снова похолодѣвшая Полина Михайловна стала надъ ней и тихо гладила ее по головѣ. Матрена, стоявшая въ углу, вдругъ всхлипнула и шопотомъ промолвила Наденькѣ:

— Не жилица она больше на этомъ свѣтѣ! Видите? Обирается!

Дѣйствительно, Агнія Михайловна водила рукой по одѣялу, словно собирая что-то... Дыханіе ея становилось все чаще и чаще, оно со свистомъ вырывалось изъ истерзанной груди.

— О, Пресвятая Богородица...—шептали ея побѣлѣвшія губы.—Сократи мои му́ки!..

Около получаса прошло въ этомъ

Digitized by Google

жестокомъ нелѣпомъ терзаніи смертью слабаго безпомощнаго существа... Потухающая жизнь все еще боролась съ неизбѣжностью, забывая, какія му́ки приноситъ этимъ.

Полина Михайловна шептала:

— Господи! За что! За что ей это!..

— Поля! Поленька!..—крикнула Агнія Михайловна, вобрала въ себя воздухъ, вздрогнула и вытянулась.

Правой руки не стало.

Digitized by Google

Оглавленіе.

	Стр.
Отрава	1
Переходъ	121
Флавія Тессини	155
Бронзовый амуръ	200
Фальшивая монета	258
Вечеромъ	289
Сонъ въ лѣтнюю ночь	308
Разсказъ кухарки	319
Правая рука	353

Digitized by Google

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

Въ разсказѣ „Отрава“.

Строка.	*Стран.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
3 снизу	22	Je enjôle	Il enjôle
1 снизу	34	Cache	Tâche
11 сверху	38	Decrassée	Déclassée
10 сверху	41	juste	тѣхъ
7 сверху	44	bien-aimée	bichette
1 снизу	50	эсканаду	эскападу
7 сверху	51	Чатскомъ	Готскомъ
10 сверху	60	«trop plien»	«trop plein»
9 снизу	63	секрета	отъ секретэра
12 снизу	87	нѣжная	плотная
6 снизу	101	его	ея

Въ разсказѣ „Переходъ“.

9 снизу	151	даже	давно

Въ разсказѣ „Флавія Тессини“.

7 сверху	169	глазъ	глаза
9 снизу	195	Вѣдъ	вѣдь

Въ разсказѣ „Бронзовый амуръ“.

11 снизу	219	Wlute	White
1 сверху	251	и потому	онъ

Digitized by Google

Digitized by Google

Изданія книжнаго склада Д. П. Ефимова.

Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Ц. 75 к.
Ауэрбахъ. «Дача на Рейнѣ». Ром. въ 3-хъ част. Ц. 4 р.
Апраксинъ. «Больное мѣсто». Романъ. Ц. 1 р.
Арсеній, Г. «Карьера». Ц. 1 р.
Бернштейнъ. «Проблемы соціализма». Ц. 1 р.
Беллами, Эдв. «Черезъ сто лѣтъ» (Будущій вѣкъ). Ц. 1 р.
Бурже, П. «Десять новыхъ разсказовъ». Ц. 1 р. 25 к.
— «Трагическая идиллія». Ц. 1 р. 50 к.
— «Изъ-за любви». Изд. 3-е. Ц. 50 к.
— «Дѣловой человѣкъ». Ц. 75 к.
— «Призракъ». Ц. 1 р.
Бьернсонъ. Свыше нашей силы. Ц. 50 к.
Баранцевичъ, К. «Родныя картинки». 17 разсказовъ. Ц. 1 р.
Бурофилъ. За буровъ. Ц. 50 к.
Воротниковъ. «Анна Ярославна, корол. Франціи». Ц. 1 р.
Вогюэ. «Голоса мертвыхъ». Ц. 1 р.
— Антонъ Чеховъ. Критическій этюдъ. Ц. 20 к.
— М. Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Ц. 30 к.
Гопа. «На скользкомъ пути». Ром. (Пер. съ англійскаго). Ц. 1 р. 50 к.
Гертцъ. Аграрные вопросы въ связи съ соціализмомъ. Ц. 1 р.
Додэ, А. «Первое путешествіе». Ц. 30 к.
Зудерманъ. «Да здравствуетъ жизнь». Ц. 60 к.
Золя. «Нана». Романъ. Переводъ съ фр. Ц. 1 р.
— «Плодородіе». Ром. Ц. 1 р. 50 к.
Котляревскій. Собраніе соч. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Кругловъ. «Не герои». Ц. 1 р.
— «На чужомъ полѣ». Ц. 1 р.

Коппе, Ф. «Жертва любви». Ц. 60 к.
— «Двѣ женщины». Ц. 60 к.

Левенфельдъ. «Гр. Л. Н. Толстой». Ц. 1 р.

Ли, Іонасъ. «Дочери командора». Романъ. Ц. 75 к.

Лухманова. «Институтка». Ц. 1 р. 25 к.
— «Тайны жизни». Ц. 1 р. 25 к.
— Избранные разсказы. Ц. 1 р.

Мясницкій, И. «Замоскворѣцкія свахи». Юморист. разск. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
— «Смѣха ради». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р. 2-е изд.
— «Женитьба Крутозобова». Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
— «Проказники». Юмор. очерки и сценки. Изданіе 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— «Гостинодворцы». Повѣсть. Ц. 2 р.
— «Милые люди». Сборн. юмор. разск. Ц. 1 р. 3-е изд.
— «Милыя дамы». Юмористическіе разсказы. Изд. 4-е. Ц. 1 р.
— «Смѣшная публика». Юмористич. разсказы. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.
— «Около милліоновъ». Повѣсть. Ц. 1 р.
— «Подъ веселую руку». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р.
— «Безъ языка». Юмор. сборн. разсказовъ. Ц. 1 р.
— «Дачныя прелести». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р.
— «Житейскія комедіи». Юмор. сборн. Ц. 1 р.
— «Отъ скуки». Юмор. сборн. Ц. 1 р.
— «Струйки смѣха». 1900 г. Ц. 1 р.
— «Приключенія Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова». Ц. 1 р.
— «Мужья и жены». Ц. 1 р.
— «Веселые разсказы». Ц. 1 р.
— «Господа коммерсанты». Ц. 1 р.
— «Блестки юмора». Ц. 1 р.
— «Юмористическія шалости». Ц. 1 р.
— 24 юморист. разсказа. Ц. 1 р.

Digitized by Google

Мачтетъ, Г. «Баба» и другіе разсказы. (Силуэты, т. 1-й). Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— «Именемъ закона». «Человѣкъ съ планомъ». Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— «Блудный сынъ». Повѣсть. (Силуэты, т. 1-й). Ц. 1 р.

— «Живыя картинки». Новый сборникъ повѣстей и разсказовъ. Ц. 1 р.

— «На досугѣ». Новый сборн. пов. и разсказовъ. Ц. 1 р.

Мура, Ф. «Милліонеры». Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ. «Именинникъ». Ц. 1 р.

— «Уральскіе разсказы», т. 4-й. Ц. 1 р.

— «Преступники». Ц. 1 р.

— Повѣсти. Ц. 1 р.

— «Безъ названія». Ц. 1 р. 25 к.

— «Золото». Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Мопассанъ. «Дядя Милонъ». Ц. 60 к.

— «Воскресные дни парижскаго буржуа». Ц. 1 р.

Негри, Ада. «Борьба и любовь». Ц. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. «Гроза». Изданіе 8-е. Ц. 1 р. 50 к.

— «Двѣ ночи». Ц. 1 р.

— «Королева въ лохмотьяхъ». Ц. 1 р. 25 к.

— «Новые разсказы». Ц. 75 к.

— «Городской голова». Ц. 1 р. 25 к.

— «Царица Тамара». Ц. 1 р.

— «Семья богатырей». Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ Данченко, Влад. «Губернаторская ревизія». Пов. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— «Сны». Ц. 1 р.

— «Въ степи». Ц. 1 р. 25 к.

Нордау М. «Комедія чувства». Ц. 1 р.

— «Современные французы». Ц. 1 р. 25 к.

— «Болѣзнь вѣка». 1 р. 50 к.

Недолинъ. «Искры». Ц. 1 р.

Digitized by Google

Наживинъ. Дешевые люди. Ц. 1 р.

Николаевъ, П. Ѳ. «Вопросы жизни». Ц. 2 р.

Ницше, Фр. «Такъ говорилъ Заратустра». Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— «По ту сторону добра и зла». Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— «Сумерки кумировъ». Изд. 2-е. Ц. 1 р.

— «Происхожд. трагедіи». «Объ антихристѣ». Ц. 1 р. 25 к.

— «Человѣческое, слишкомъ человѣческое». Ц. 1 р. 25 к.

— «Человѣкъ, какъ онъ есть». Ц. 1 р. 25 к.

— «Странникъ и его тѣнь». Ц. 1 р.

— «Утренняя заря». Ц. 1 р. 25 к.

— «Веселая наука». Ц. 1 р. 25 к.

Ненашевъ. «Путеводитель по Западной Европѣ». Изд. 2-е. Ц. 2 р.

— «Русско-франц. разговоры». Ц. 40 к.

— «Русско-нѣмецк. разговоры. Ц. 40 к.

Онэ. «Развращенный Парижъ». Ц. 1 р.

Ольденбергъ. «Будда, его жизнь, ученіе и община». Изд. 3-е. Ц. 2 р.

Оржешко. «Аргонавты». Ц. 1 р. 25 к.

— «Дымъ». Ц. 30 к.

— «Открытое письмо къ нѣмецкимъ женщинамъ и французамъ о полькѣ». Ц. 40 к.

Прево, М. «Полудѣвы». Романъ, Ц. 1 р.

— «Послѣднія письма женщинъ». Ц. 60 к.

— «Женское движеніе». (Léa). Ц. 1 р.

— «Счастливое супружество». Ц. 60 к.

— «Желтое домино». Ц. 50 к.

— «Мелкіе разсказы». Изд. 2-е. Ц. 60 к.

Пелисье. «Критическіе этюды современной литературы». Ц. 1 р.

Потапенко И. «Черезъ любовь». Ром. Ц. 1 р.

— «Встрѣча». Романъ. Ц. 2 р.

— «Безъ промаха». Ц. 1 р. 50 к.

— «Докторъ Кочневъ». Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Сенкевичъ Генрихъ. «Крестоносцы». Ц. 2 р. 50 к.
— «Камо грядеши». Ц. 1 р. 50 к.
— «Панъ Володыевскій». Ц. 1 р. 50 к.
— «Потопъ». 2 т. Ц. 3 р.

Саловъ. «Мелочи жизни». Ц. 1 р. 25 к.
— «Несобравшіяся дрожжи». Ц. 60 к.
— «Восоножка». Ц. 40 к.
— «Три разсказа». Ц. 75 к.

Смирновъ. «Риемы невиннаго свойства». Ц. 1 р.

Тэри. «Денежное обращеніе». Ц. 40 к.

Тепловъ. «Случайная жертва». Ром. Ц. 1 р. 25 к.
— «Тучки». Сборн. разск. Ц. 60 к.

Уида. «Массарины». Романъ. Ц. 2 р.

Фулье. «Исторія философіи». Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

Флери, д-ръ. «Физическое и нрав. воспитаніе ребенка». Ц. 75 к.

Фонъ - Хейденфельдъ. «Изъ женской жизни». По поводу «Крейцеровой сонаты». Изд. 3-е. Ц. 40 к. (8—11 тысячи).

Фонъ-Поленцъ. «Крестьянинъ». Ц. 1 р. 20 к.

Хоинскій, I. «Заходящее свѣтило». Ром. изъ временъ Марка Аврелія. Ц. 1 р. 50 к.

Шпильгагенъ. «Жертва». Ром. Ц. 1 р. 50 к.

Шнитцлеръ. «Трилогія». Ц. 50 к.
— «Театралогія». Ц. 75 к.

Щепкина-Куперникъ. «Незамѣтные люди». Ц. 1 р.
— «Ничтожные міра сего». Ц. 1 р.
— «Мои стихи». Ц. 1 р.
— Письма изъ далека. Ц. 1 р.
— «Около кулисъ». Ц. 1 р.

Шопенгауэръ. «Міръ, какъ воля и представленіе». Ц. 3 р.
— «О четвероякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія». Ц. 75 к.

Янки-Хорватъ. «Рокъ». Ц. 50 к.

Digitized by Google

Собраніе сочиненій Фр. НИЦШЕ.

9 томовъ 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

И. С. Тургеневъ.

Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо, Густаву Флоберу, г-жѣ Жоржъ-Зандъ, Золя, Мопассану, Тэну, Ренану и мн. др. **Ц. 2 руб.**

Собраніе сочиненій Э. Вернеръ, 1-я серія.

1) «Разорванныя цѣпи». «Заговоръ». Ц. 1. р. 2) «У алтаря». «Германъ». Ц. 1 р. 50 к. 3) «Цвѣтокъ счастья». «Вѣстники весны». Ц. 1 р. 50 к. 4) «Дорогой цѣной». Ц. 1 р. 25 к. 5) «У Орлиной скалы». Ц. 1 р. 50 к. 6) «Сила воли». Ц. 1 р. 50 к. 7) «Въ добрый часъ». Ц. 1 р. 8) «Горная фея». Ц. 1 р. 25 к. 9) «Освобожденный отъ проклятія». Ц. 1 р. 50 к. 10) «Герой пера». «Голоса родины». Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 10 т. 1-й серіи 10 р., съ перес. 11 р.

2-я серія.

1) «Вольной дорогой» Ц. 1 р. 25 к. 2) «Орлиный полетъ». Ц. 50 к. 3) Судъ Божій». Ц. 1 р. 4) «Фата-Моргана». Ц. 1 р. 50 к. 5) «Эгоистъ». «Высшая точка зрѣнія». Ц. 1 р. 6) «Смѣлымъ Богъ владѣетъ». Ц. 1 р. 7) «Заколдованное золото». Ц. 1 р. 8) «Блуждающіе огни». Ц 1 р. 25 к.

Цѣна за 8 т. 2-й серіи 7 р., съ пер. 8 р.

За 18 томовъ 1 и 2 серіи соч. Э. Вернеръ 15 р., съ пер. 17 р.

Digitized by Google

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Джеромъ К. Джерома.

1) «Замѣтки романиста». Ц. 1 р. 25 к. 2) «На лодкѣ». (Три человѣка въ лодкѣ и съ ними собака). Ц. 1 р. 3) «Объ умѣніи обращаться съ женщинами». Ц. 1 р. 4) «Смѣхъ сквозь слезы». Ц. 1 р. 5) «Очаровательная женщина». Ц. 1 р. 6) «Праздныя мысли лѣнтяя». Ц. 1 р. 7) «Міръ сцены. Ц. 1 р. 8) «Дневникъ путешественника». Ц. 1 р.

Цѣна собр. соч. Джеромъ К. Джерома 5 р., съ пер. 6 р.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Э. МАРЛИТТЪ.

1) «Тайна старой дѣвы». Ц. 1 р. 25 к. 2) «Имперская графиня Гизела». Ц. 1 р. 50 к. 3) «Въ домѣ коммерціи совѣтника». Ц. 1 р. 50 к. 4) «Въ домѣ Шиллинга» Ц. 1 р. 50 к. 5) «Вторая жена». Ц. 1 р. 6) «Эльза». Ц. 1 р. 50 к. 7) «Степная принцесса». Ц. 1 р. 50 к. 8) «Совиный домъ». Ц. 1 р. 50 к. 9) «Женщина съ рубинами». Ц. 1 р. 50 к. 10) «Повѣсти и разсказы». Ц. 1 р. 50 к. За 10 т. 10 р., съ пер. 11 руб.

Собраніе сочиненій Артура Шопенгауэра,

въ переводѣ и подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. 16 вып. Ц. 8 р., съ пер. 10 р. По 1-е августа 1902 года вышло 7 выпусковъ.

Digitized by Google

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Оствальдъ. «Натуръ-Философія». Ц. 2 р.

Гартманъ. «Современная психологія».

— Философія безсознательнаго. Т. 1-й.

Лаасъ. «Идеализмъ и позитивизмъ».

Гефдингъ. «Философія религій».

Эйкенъ. «Основныя понятія современности».

Лили Браунъ. «Женскій вопросъ».

«Образцы изящной русской рѣчи». Сост. **Ачкасовъ.**

Немировичъ-Данченко. «Вольный шамхаръ».

Крестовская, М. «Исповѣдь Мытищева». «Вопль».

Лухманова. «Вопросы и запросы жизни».

— «Двадцать лѣтъ назадъ».

Конанъ-Дойль. «Баскервильская собака».

Оржешко. «Анастасія».

Бурже. Этапъ.

Прево. Письма Франсуазы.

Digitized by Google

Digitized by Google

RETURN TO → **CIRCULATION DEPARTMENT**
202 Main Library

LOAN PERIOD 1 **HOME USE**	2	3
4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be Renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW

RECEIVED BY		
NOV 09 1987		
CIRCULATION DEPT.		
JAN 18 1992		
AUTO DISC.		
JAN 2 1992		
CIRCULATION		
JAN 24 1993		
AUTO. DISC.		
FEB 11 1992		
CIRCULATION		

ORM NO. DD6,
UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
BERKELEY, CA 94720

UC-30249
8
YC120121
085509
568
U.C. BERKELEY LIBRARIES
C004131544
Digitized by Google

Digitized by Google